

перевод для сайта vk-booksource.net

ТЫСЯЧА

ОСКОЛКОВ

ТЕБЯ

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

КЛАУДИЯ ГРЕЙ

Родители Маргарет Кейн — физики, известные своими потрясающими достижениями. Самое удивительное изобретение под названием Жар-Птица позволяет пользователям прыгать в различные вселенные и обещает революцию в науке. Но потом отца Маргарет убивают, и убийца, привлекательный и загадочный ассистент её родителей Пол, сбегает в другое измерение прежде, чем до него дотянется закон.

Маргарет не может позволить человеку, который разрушил её семью, уйти безнаказанным. Она гонится за Полом через разные вселенные, всегда соединяясь с другой версией самой себя. Но она так же встречает альтернативные версии других людей, которых она знает, включая Пола, чья жизнь соединена с её очень похожим образом.

Вскоре она начинает сомневаться в вине Пола, так же, как и в своем собственном сердце. И вскоре она обнаруживает, что правда о смерти её отца гораздо более зловещая, чем она ожидала.

Переводчики: Rovena

Редакторы: shveta 55, L 0 VEly_ Girl

Оригинальное название: Thousand pieces of you

Номер в серии: 1

Глава 1

Мои руки дрожат, и я прислоняюсь к кирпичной стене. Холодный дождь колет кожу, он идет с неба, которого я раньше никогда не видела. Мне тяжело восстановить дыхание, или понять где я нахожусь. Все, что я знаю — это то, что Жар-птица сработала.

Нет времени. Я не знаю, сколько у меня в запасе, минуты, секунды или даже меньше. Я отчаянно потянула за незнакомую одежду — в коротком платье и лаковой куртке, надетых на мне, нет карманов, но с плеча свисает маленькая сумочка. Покопавшись в ней, я не смогла найти ручку, но там оказалась помада. Дрожащими пальцами я сняла колпачок и нацарапала на рваном плакате, висящем на стене. Сообщение, которое я должна передать, цель, которую я должна помнить, когда мое остальное сознание пропадет.

УБЕЙ ПОЛА МАРКОВА.

Потом я могу только ждать смерти.

Смерть — это неправильное слово. Тело продолжит дышать. Сердце продолжит биться. Но я больше не буду той Маргарет Кейн, которая в нём живёт.

Вместо этого, тело вернется к своей законной хозяйке, Маргарите из этого измерения. Измерение, в которое я попала с помощью Жар-птицы. Её воспоминания снова возьмут верх в любую минуту, в любую секунду, и, хотя я знаю, что снова проснусь через какое-то время, мысли о потере сознания меня ужасают. Потеряться. Быть в ловушке внутри неё. Чем бы это ни было, это случается с людьми, путешествующими сквозь измерения.

И тогда я понимаю. Жар-птица действительно работает. Путешествия между альтернативными измерениями возможны. Я только что доказала это. Под горем и страхом растет маленькое семечко гордости, и я чувствую себя так, словно это единственный лучик надежды во всем мире. Мамины теории подтвердились. Работа моих родителей оправдана. Если бы только папа знал.

Тео. Его здесь нет. С моей стороны было глупо надеяться, но я все равно это делала.

Пожалуйста, пусть с Тео будет всё в порядке. Это была бы молитва, если бы я всё еще во что-то верила, но моя вера в бога тоже умерла прошлой ночью.

Я прислоняюсь к кирпичной стене, разведя руки, как подозреваемый в полицейской машине, перед тем, как ему наденут наручники. Сердце глухо бьется у меня в груди. Никто не делал этого до меня, и это значит, что никто не знает, что со мной случится. Что, если Жар-птица не сможет перенести меня обратно в моё измерение?

Что, если я умру вот так?

В то же время вчера мой отец задавал себе тот же вопрос.

Я крепко зажмурилась, и холодный дождь смешался на моем лице с горячими слезами. Хотя я пыталась не представлять себе папину смерть, картины сами по себе возникали у меня в мозгу: его машина наполняется водой, коричневатая река плещется в лобовом стекле, папа возможно не в себе от удара, но пытается открыть дверь, и у него не получается. Хватаясь за последние дюймы воздуха в машине, думая обо мне, маме и Джози...

Ему, должно быть, было так страшно.

От головокружения земля у меня под ногами закрутилась, руки и ноги ослабли. Вот и всё. Я тону.

Я заставляю себя открыть глаза и снова смотрю на сообщение. Первое, что должна увидеть другая Маргарет. Я хочу, чтобы оно осталось с ней, не важно, что случится. Если она это увидит, она будет повторять эти слова, это меня разбудит так же, как могла бы Жар-птица. Моя ненависть сильнее, чем разница между измерениями, сильнее памяти, сильнее времени. Моя ненависть, это самая истинная часть моего существа.

Головокружение нарастает, мир становится серым и расплывчатым, слова УБЕЙ ПОЛА МАРКОВА темнеют... и потом зрение возвращается. Слово УБЕЙ снова становится четким.

В нерешительности, я делаю шаг от кирпичной стены. Я чувствую себя проснувшейся. Даже более проснувшейся, чем раньше, в действительности.

И я стою, уставившись на лужу вокруг моих туфель на каблуках, и я понимаю, что никуда не ухожу.

Наконец, когда я начинаю верить в свою дачу, я шагаю дальше по аллее. Дождь сильнее бьет меня по лицу, и я смотрю в небо, затянутое грозowymi облаками. Судно на воздушной подушке низко висит над городом, словно еще одна туча. Очевидно, оно здесь для того, чтобы создавать голографические рекламные щиты в небе над городом. Я в изумлении смотрю на работу летательного аппарата в этом странном новом измерении, трехмерные рекламные ролики мерцают и двигаются по небу: Nokia. BMW. Coca-Cola.

Это так похоже на мой мир, но все же это не он.

Так же ли Тео ошеломлен путешествием, как и я? Должно быть. Его горе почти так же глубоко, как моё, несмотря на то, что папа был всего лишь его научным руководителем, больше того, это то, над чем Тео и мои родители работали в течение последних нескольких лет. Смог ли он тоже сохранить воспоминания? Если так, мы можем контролировать наше путешествие, наш разум будет управлять другими нашими версиями, рожденными в альтернативном измерении. Это значит, что мама ошибалась в одном, что странно, поскольку всякая другая гипотеза, которую она выдвигала в жизни, подтверждалась. Но я благодарна за это, по меньшей мере до тех пор, пока моя благодарность не сменяется горячей вспышкой гнева.

Теперь меня ничто не сможет остановить. Если Тео тоже доберется сюда и сможет меня найти, и я отчаянно хочу, чтобы он меня нашел, тогда мы сможем это сделать. Мы можем

добраться до Пола. Мы можем забрать обратно прототип Жар-птицы, который он украл. И мы можем отомстить за то, что он сделал с моим отцом.

Я не знаю, такой ли я человек, чтобы хладнокровно убить. Но я собираюсь это выяснить.

Глава 2

Я не физик, в отличие от моей мамы. И даже не аспирант, как Пол и Тео. Я дочь двух ученых, которая училась дома и которой дали свободу направлять свое образование. Как единственный правополушарный человек в семье, я обнаружила, что живопись меня интересует больше, чем высшая математика. Фактически, я собираюсь поступить в Школу Дизайна на Род-Айленде, где я собираюсь специализироваться на реставрации. Так что если вы хотите смешивать краски, натянуть холст или обсудить Кандинского, то я ваш тип девушки. Научная подоплека путешествий между измерениями? Неудача. Вот что я знаю:

Вселенная фактически мультивселенная. Существует бесконечное множество реальностей, все наложены друг на друга, для краткости назовем их измерениями.

Каждое измерение представляет набор возможностей. В конечном счете, все что может случиться, случается. Есть измерение, где нацисты выиграли Вторую Мировую. Есть измерение, где китайцы колонизировали Америку задолго до того, как Колумб начал плавать. Есть измерение, где Бред Питт и Дженнифер Эннистон всё еще женаты. Даже измерение, похожее на мое, идентичное во всех смыслах, кроме одного дня в четвертом классе, когда та Маргарет решила надеть голубую блузку, когда я выбрала зеленую. Любая возможность, каждый раз, когда судьба подбрасывает монетку, снова разветвляет измерения, создает другие слои реальности. Это продолжается вечно, до бесконечности.

Эти измерения находятся не где-то в космосе. Они в буквальном смысле вокруг нас, даже в нас самих, но потому что они существуют в другой реальности, мы не можем их воспринимать.

Ранее в своей карьере, моя мама, доктор София Коваленко, выдвинула гипотезу, что мы должны быть способны не только определить эти измерения, но также наблюдать их и даже взаимодействовать с ними. Её высмеяли. Она писала работу за работой, объясняла свою теорию год за годом, и никто её не слушал.

Но однажды, когда ее уже готовы были объявить сумасшедшей, она умудрилась опубликовать еще одну работу, проводящую параллели между волновой теорией и её работами над резонансом между измерениями. Возможно, только один ученый на Земле принял работу всерьез, доктор Генри Кейн, английский океанограф. И физик. И математик. И, очевидно, гений. Увидев статью, он смог увидеть возможности, которые больше никто не видел. Это была удача для мамы, потому что, когда они стали партнерами, её работа действительно стала приносить плоды.

Для нас с Джози это было еще большей удачей, потому что доктор Кейн стал нашим папой.

Двадцать четыре года пролетели быстро. Их работа достигла такой точки, когда она стала привлекать интерес даже вне научных кругов. Опыты, в которых они доказывали существование альтернативных измерений, повторили ученые в Стэнфорде и Гарварде, и больше над ними никто не смеялся. Они были готовы к попытке путешествия между измерениями, или, по меньшей мере, к изобретению устройства, которое сделало бы это возможным.

Мамина теория была такова, что будет очень, очень сложно переместить физические объекты между измерениями, но энергию должно быть достаточно легко передать. Еще она говорит, что сознание — это форма энергии. Это привело к сумасшедшим предположениям, но в основном мама и папа фокусировались на создании устройства, которое превратит путешествия между измерениями в более чем мечту. Что-то, что позволит людям путешествовать между измерениями, и, даже сложнее, вернуться обратно тем же способом.

Это был вызов. И даже опасность. Устройства должны быть изготовлены из особенного материала, который перемещается проще, чем любая другая форма материи, они должны привязывать сознания путешественника, что, очевидно, очень сложно, и еще миллиард других технических проблем, чтобы понять которые, нужно физическое образование. Коротко о сложном: устройства действительно сложны в изготовлении. Поэтому мои родители сделали несколько прототипов, прежде, чем даже стали рассматривать возможность испытаний.

Поэтому, когда они наконец-то сделали устройство, которое, похоже, работало, всего несколько недель назад, мы отпраздновали это. Мама и папа, которые обычно не пили ничего крепче чая, открыли бутылку шампанского. Они дали бокал и мне, и всем было всё равно.

— За Жар-птицу, — сказал Тео.

Окончательный прототип лежал на столе, вокруг которого мы стояли, его изгибы поблескивали, замысловатые металлические части наслаивались друг на друга, как крылья насекомого.

— Названная в честь мифической русской птицы, которая посылала героев в поиски приключений, — Тео кивнул в сторону моей мамы и продолжил:

— И конечно в честь моей собственной прокачанной машины, потому что она действительно настолько же крутая.

Тео такой парень, который говорит слова вроде «прокачанная машина» иронично. Он почти всё говорит иронично. Но, в его глазах было настоящее восхищение, когда он смотрел в тот вечер на моих родителей.

— Есть надежда, что нас тоже ждут приключения.

— За Жар-птицу, — сказал Пол.

Должно быть, он уже тогда что-то задумывал, даже тогда, когда он поднял свой бокал и звякнул им о папин.

По существу, после десятилетий усилий и провалов мои родители наконец-то заслужили уважение, и они были на пороге прорыва, который еще больше улучшит их положение. О маме будут говорить, как об одном из лучших ученых в истории человечества. Папу будут сравнивать по меньшей мере с Пьером Кюри. Возможно, мы даже сможем позволить себе летнюю поездку в Европу для меня, где я смогу сходить в Эрмитаж, и в Прадо, и во все удивительные галереи, о которых я слышала, но никогда не была там. Все, о чем мы мечтали, маячило над горизонтом.

И их ассистент, которому все доверяли, Пол Марков, украл прототип, убил моего отца и сбежал.

Он мог бы избежать наказания, ускользнув в другое измерение, где закон не мог его достать, идеальное преступление. Он испарился из своей комнаты в общежитии без следа, оставив дверь запертой изнутри.

(В частности, когда люди путешествуют между измерениями, их физические тела «не

наблюдаются», это что-то связанное с квантовой механикой, и объяснение включает ту историю про кошку в ящике, которая одновременно жива и мертва до тех пор, пока не откроешь ящик и здесь все становится действительно сложно. Никогда не спрашивайте физика об этой кошке¹)

Никто не мог найти Пола, никто не мог поймать его. Но Пол не рассчитывал на Тео.

Тео пришел ко мне этим вечером, когда я сидела на старом расшатанном настиле на нашем дворе. Единственный свет исходил от полной луны и светильников, которые Джози повесила на перилах прошлым летом, лампочки в форме тропических рыбок светились аквамарином и оранжевым. Поверх кружевного платья цвета слоновой кости на мне был надет папин старый кардиган. Даже в Калифорнии декабрьские ночи были холодными, и кроме того, свитер все еще пах папой.

Я думаю, Тео долго наблюдал за мной, прежде чем вышел наружу, ожидая, пока я соберусь с мыслями. Мои щеки горели и по ним пролегли бороздки от слёз. Я столько раз сморкалась, что нос болел от каждого вдоха. Голова пульсировала. Но на ту минуту я выплакалась.

Тео осторожно сел на ступеньки рядом со мной, одна нога подпрыгивала вверх и вниз.

— Слушай, — сказал он. — Я собираюсь сделать что-то глупое.

— Что?

Его темные глаза встретились с моими, его взгляд был настолько решительным, что я подумала, будто он собирается поцеловать меня.

Вместо этого он протянул руку. В ней были две другие версии Жар-птицы.

— Я иду за Полом.

— Ты... — мой дрожащий голос, уже натянутый от плача, сломался.

У меня было столько вопросов, что я не знала с чем начать.

— Ты сохранил старые прототипы? Я думала, ты сломал их.

— Пол тоже так думал. И, ну формально, так думали твои родители, — он сомневался.

Даже упоминание об отце всего лишь через день после его смерти причиняло ужасную боль, для Тео она была почти такой же, как для меня.

— Но я сохранил части, которые мы не использовали повторно. Поковырялся с ними, позаимствовал кое-какое оборудование из лаборатории Триады. Использовал технологии, которые мы привнесли в новую Жар-птицу, чтобы улучшить эти. Есть приличная вероятность, что они заработают.

Приличная вероятность. Тео собирался пойти на невероятный риск, потому что это давало ему «приличную вероятность» мщения за то, что сделал Пол.

Каким бы он ни был веселым, как бы мы ни флиртовали время от времени, я иногда гадала, а не был ли Тео Бек полон дерьма под своими футболками с принтами группинди (прим. пер. общее название для небольших независимых студий грамзаписи, которые записывают альтернативную рок-музыку или джаз, неинтересную по коммерческим соображениям крупным студиям музыка, которая записывается на таких независимых студиях², хипстерской шляпой и Понтиаком 1981 года, который он сам починил. Теперь мне было стыдно за то, что я когда-либо сомневалась в нём.

— Когда люди путешествуют по измерениям, — сказал он, уставившись на прототипы. — Они оставляют следы. Субатомные... ладно, не будем об этом. Смысл в том, что я могу пойти вслед за Полом. Не важно, как часто он прыгает, через сколько измерений он пытается двигаться, он всегда оставит след. И я знаю, как настроить их, чтобы идти по

следу. Пол может бежать, но он не сможет спрятаться.

Жар-птицы поблескивали у него на ладони. Они выглядели как странные, асимметричные бронзовые кулоны, может быть, украшения, созданные в эпоху Ар-Нуво, когда растительные формы были в моде. Один из металлов внутри них был достаточно редким, потому что его добывали только в одной шахте во всём мире, но любой, кто не знал об этом, просто подумал бы, что они симпатичные. Вместо этого, Жар-птицы были ключом, который мог открыть вселенную. Нет, вселенные.

— Ты можешь последовать за ним куда угодно?

— Почти куда угодно, — ответил Тео, послав мне многозначительный взгляд. — Ты знаешь ограничения, да? Ты же не отключалась каждый раз, когда мы разговаривали об этом за обедом?

— Я знаю ограничения, — сказала я, обидевшись. — Я имею в виду, насчет них.

— Тогда да.

Живые существа могли путешествовать только в те измерения, где они уже существовали. Измерение, в котором мои родители никогда не встретились? Это измерения я никогда не смогла бы увидеть. Измерение, где я уже мертва? Не могу туда добраться. Потому что когда человек путешествует в другое измерение, он на самом деле материализуется внутри другого себя. Где бы ни была ваша другая версия, что бы она ни делала, вы окажетесь там.

— Что, если Пол прыгнет туда, куда ты не сможешь? — спросила я.

Тео пожал плечами.

— Я окажусь в следующей вселенной, я думаю. Но это ничего. Когда он снова прыгнет, у меня будет возможность взять его след оттуда.

Его взгляд был направлен в пространство, и он перевернул Жар-птиц на ладони.

С моей точки зрения, лучшим вариантом для Пола было продолжать прыгать, так далеко, как он смог бы, до тех пор, пока он не нашел бы вселенную, где никто из нас не существовал. Там он мог оставаться так долго, как хотел, и его никто никогда не поймал бы.

Но дело в том, что Пол хотел чего-то еще, а не только уничтожить моих родителей. Не важно, каким он оказался жутким, он не был глуп. Поэтому я знала, что он не сделал бы этого просто из жестокости. Если бы он просто хотел денег, он бы продал устройство кому-нибудь в своем измерении, а не сбежал в другое.

Чего бы он ни хотел, он не мог прятаться вечно. Раньше или позже, Пол должен был последовать за своей истинной, тайной целью. Когда он это сделает, мы сможем поймать его.

Мы можем поймать его. Не Тео в одиночку — мы оба. Тео держал в руке два прототипа.

Прохладный ветерок шевелил мои волосы и заставлял фонарики порхать туда-сюда на перилах, как будто пластиковые рыбки пытались уплыть. Я сказала:

— Что случится, если Жар-птица не работает?

Он поскреб своими Доктор Мартинасми старое дерево настила, небольшой кусочек отломился.

— Ну, может ничего не случиться. Может быть, я просто буду стоять и чувствовать себя дураком.

— Это худший случай?

— Нет, худший случай включает в себя атомный суп из меня.

— Тео...

— Этого не случится, — сказал он, самоуверенный, как всегда. — По меньшей мере, я сильно в этом сомневаюсь.

Моё голос был не громче шепота.

— Но ты идешь на этот риск. Ради папы.

Наши глаза встретились и Тео сказал:

— Ради вас всех.

Я едва ли могла дышать.

Но он отвел глаза и через секунду добавил:

— Как я сказал, этого не случится. Возможно, одна из них заработает. Я имею в виду, что я переделал их и мы оба знаем, что я гений.

— Когда вы разговаривали об испытаниях одного из них, ты сказал, что ни за что на свете никто из вас не должен даже думать об этом.

— Да, ну, я слишком преувеличил. Должно быть, ты уже это поняла, — Тео мог быть полон преувеличений, но по крайней мере он об этом знал. — И кроме того, это было до того, как я поработал над ними. Жар-птицы сейчас лучше, чем когда-либо раньше.

Это было не сиюминутное решение. Когда Тео пришел посидеть со мной на настиле, я чувствовала себя беспомощной против трагедии, которая разорвала мою семью пополам. К тому времени, когда я заговорила, я точно знала, что я собиралась сделать это, казалось, уже давно.

— Если ты так уверен, то хорошо. Я в игре.

— Ух ты, притормози. Я не говорил, что это поездка для двоих.

Я показала на кулоны Жар-птицы.

— Посчитай их.

Он сжал руку в кулак и посмотрел на неё, как будто пожалел, что принес их и зародил во мне эту мысль. Очень жаль, но слишком поздно.

Я тихо сказала:

— Я тебя не виню. Но ты не можешь запретить мне в этом участвовать.

Тео нагнулся ко мне поближе, улыбка сошла с его лица.

— Маргарет, ты подумала о риске, на который ты идешь?

— Они не хуже тех, на которые идешь ты. Мой отец умер. Мама заслуживает правосудия. Пола нужно остановить. Я могу помочь тебе остановить его.

— Это опасно. Я даже не говорю обо всей этой ерунде, связанной с прыжками через измерения. Я имею в виду, мы не знаем, в каких мирах окажемся. Все что мы знаем, это то, что там будет Пол Марков, и что он жестокий сукин сын.

Пол, жестокий. Два дня назад я бы посмеялась над этим. Мне Пол всегда казался тихим и твердым, как скалы, по которым он лазил по выходным.

Теперь я знала, что Пол — убийца. Он сделал это с моим отцом, и он сделал бы это с Тео или со мной. Это больше не имело значения.

Я сказала:

— Я должна это сделать, Тео. Это важно.

— Это важно. Поэтому я делаю это. Это не значит, что ты тоже должна.

— Подумай об этом. Ты не можешь прыгать в измерения, где тебя нет. Возможно, есть некоторые измерения, где я существую, а ты — нет.

— И наоборот, — ответил он.

— Не важно, — я взяла свободную руку Тео, как будто я могла заставить его понять

серьезность моих намерений просто сильно сжав её. — Я могу пойти туда, куда ты не можешь. Я расширю твои возможности. Я увеличу вероятность того, что мы его найдем. Не спорь со мной, потому что ты знаешь, что я права.

Тео выдохнул, сжал мою руку в ответ, отпустил и запустил пальцы в свои торчащие волосы. Он был беспокойным и тревожным как обычно, но я догадывалась, что он обдумывает это.

Когда его темные глаза встретились с моими, он вздохнул.

— Если твоя мама догадается, что мы об этом говорили, она сдерет с меня кожу заживо. Это не метафора. Я думаю, что она может в буквальном смысле это сделать. У неё иногда бывают дикие глаза. Спорю на что угодно, в ней есть казачья кровь.

Я секунду сомневалась, думая о том, что это значило для моей матери. Если в путешествии что-то пойдет не так, если я превращусь в атомный суп, она потеряет меня и отца меньше чем за два дня. Слова не могут описать того, что это с ней сделает.

Но если Пол избежит наказания, это так же верно убьет её, и меня тоже. Я не собиралась позволить этому случиться.

— Ты уже говоришь о возмездии. Это значит, что мы сделаем это вдвоем, правильно?

— Только если ты абсолютно уверена. Пожалуйста, подумай сначала об этом хоть секунду.

— Я думала об этом, — сказала я, что было не совсем правдой, но это не имело значения.

Я была так серьезна, как только могла.

— Я в игре.

Так я попала сюда.

Но куда сюда, если быть точной? Идя по улице, наводненной толпами людей, не смотря на поздний час, я пыталась изучить свое окружение. Где бы я ни была, это не Калифорния.

Этот город с его острыми углами мог бы сойти с полотна Пикассо, с его жесткостью и тем, как темные линии стали, казалось, прорезают здания, как ножом. Я представила себя женщиной с его портретов, лицо разделено пополам, асимметричное и противоречивое, одна половина улыбается, другая, безмолвно кричит.

Я остановилась как вкопанная. Я нашла дорогу к набережной, и с другой стороны темной воды, освещенное прожекторами, стояло здание, которое я узнала: собор Святого Павла.

Лондон. Я в Лондоне.

Ладно. Хорошо. Это имеет смысл. Папа был англичанином. Он не переехал в Штаты, пока они с мамой не начали работать вместе. В этом измерении, полагаю, вместо этого она работает в его университете, и мы все живем здесь, в Лондоне.

Мысль о том, что мой отец снова жив, и где-то неподалеку, закипает внутри меня до тех пор, пока я не утрачиваю способность думать о чем-то другом. Я хочу побежать к нему немедленно, прямо в эту секунду, крепко обнять его и извиниться за каждый раз, когда я плохо с ним разговаривала и смеялась над его дурацкими галстуками бабочками.

Но эта версия моего отца не будет моим папой. Он будет другой версией. Отцом этой Маргарет.

Мне плевать. Я никогда не смогу быть ближе к отцу, и я не потрачу время зря.

Ладно. Следующий шаг — узнать где находится эта версия дома.

Мои три поездки в Лондон в гости к тёте Сюзанне, были достаточно короткими. Тётя

Сюзанна любила ходить по магазинам и сплетничать, и как бы сильно папа ни любил свою сестру, он мог выдержать с ней не более шести дней. Но я была здесь достаточно долго для того, чтобы понять, что Лондон должен выглядеть не так.

Даже шагая по южному берегу Темзы, я догадалась, что компьютеры были здесь изобретены немного раньше, потому что они были более развиты. Несколько людей, не смотря на морозящий дождь, останавливались, чтобы посмотреть на маленькие квадратики света, похожие на компьютерные экраны, только они появлялись в воздухе перед своими пользователями. Одна женщина разговаривала с чьим-то лицом, должно быть, это был голографический звонок. Пока я стояла, один из моих широких браслетов засветился. Я подняла запястье ближе к лицу и прочитала слова, выбитые внутри мелким шрифтом:

КонТех личная безопасность.

ЗАЩИТНИК модель 2.8

Изготовитель Веризон

Я не совсем уверена, что это значит, но думаю, этот браслет, не только браслет.

Какие еще у них есть высокие технологии? Для всех остальных в этом измерении все это обычное дело. Летательные аппараты над Лондоном и безрельсовый монорельс, извивающийся над головой были наполнены скучающими пассажирами, для которых это был просто конец обычного дня.

Нет места лучше дома, подумала я, но шутка показалась плоской даже мне самой. Я снова посмотрела вниз на свои туфли на каблуках, так не похожие на мои обычные балетки. Это точно не резиновые тапочки.

Потом я напомнила себе, что у меня есть самая мощная технология из всех — Жар-птица висит у меня на шее. Я открыла кулон и посмотрела на устройство внутри.

Оно сложное. Очень сложное. Оно напоминает мне наш универсальный пульт управления, на котором было столько переключателей и кнопок, и функций, которые в доме никто не использовал, а между тем у нас было много физиков, включая мою мать, которая возможно была будущим Эйнштейном, и никто из нас не мог понять, как переключаться между приставкой и проигрывателем дисков. Но, как и с универсальным пультом, я освоила несколько самых полезных функций: как прыгать в другое измерение, как прыгнуть обратно, если я приземлюсь где-то в опасном месте, как завести «напоминание», если потребуется.

Идея заключалась в том, что люди, путешествующие между измерениями, не будут постоянно в сознании, они будут более или менее спать внутри других версий себя. Поэтому можно использовать Жар-птицу, чтобы создать напоминание, которое поможет оставаться в сознании гораздо дольше. Ну, в теории. Как я догадываюсь, в напоминаниях совсем нет необходимости.

Посмотрев на поблескивающую Жар-птицу в своей ладони, я напомнила себе, что я знала, как её использовать и я смогу вынести всё, что это измерение обрушит на меня. Ободрившись, я начала наблюдать за людьми вокруг, более внимательно. Смотри и учись.

Женщина дотрагивается до металлической полоски, прикрепленной к её рукаву и перед ней, появляется голографический экран компьютера. Я быстро провожу руками по одежде, на рукавах серебристой куртки нет ничего подобного, но что-то похожее приколото к лацкану. Я дотрагиваюсь до него и подпрыгиваю, когда голографический экран появляется передо мной. Голограмма подпрыгивает со мной, привязанная к металлической полоске.

Хорошо, это... достаточно круто. И что теперь? Голосовые команды, как Сири у меня на телефоне? Может ли это быть тачскрин, если нет экрана, чтобы дотрагиваться? В порядке

эксперимента я потягиваю руку и перед экраном появляется голографическая клавиатура, так что если я притворюсь, что печатаю на ней...

Конечно, слова, которые я печатаю, появляются на экране в окошке поиска: ПОЛ МАРКОВ.

Как только появляется восемьдесят миллионов результатов, я чувствую себя дурочкой. Марков — это достаточно распространенная фамилия в России, откуда родители Пола иммигрировали, когда ему было четыре года. Пол, в русском варианте Павел, тоже распространенное имя. Поэтому у тысяч и тысяч людей будет такое же имя.

Поэтому я пробую снова, ища Пола Маркова, физика. Нет гарантий, что Пол здесь тоже будет студентом-физиком, кроме того, что мне нужно где-то начать, и очевидно, физика — это единственная человеческая склонность, которую он отдаленно понимает.

Эти результаты выглядят более обещающими. Большинство из них сосредоточены вокруг Кембриджского Университета, поэтому я просматриваю Сведения о Факультете. Там профессор с другим именем, но страница содержит список его ассистентов, и конечно, там фотография Пола Маркова. Это он.

Кембридж. Это тоже в Англии. Я могу добраться туда через несколько часов...

Это значит, что он тоже может добраться сюда за несколько часов.

Мы можем выследить Пола, потому что Жар-птицы позволяют узнать, когда происходит перемещение между измерениями. Но это значит, что Пол тоже может нас выследить.

Если это правильное измерение, если сюда сбежал Пол после того, как испортил тормоза в машине моего отца и украл Жар-птицу, то Пол уже знает, что я здесь.

Может быть он сбежит в другое измерение.

Или, может быть, он уже идет за мной.

Глава 3

Я обхватила себя руками, пробираясь сквозь туман. Я чувствовала, словно ярываюсь на части — горе, потом гнев, потом паника. Последнее, что мне сейчас нужно — это потерять самообладание. Вместо этого я заставляю свой ум думать о том, что всегда успокаивает и направляет меня, живопись.

Если бы я собиралась нарисовать измерение перед своими глазами, я бы добавила в палитру жженую умбру, непрозрачный черный, несколько оттенков серого, и никаких ярких цветов. Я бы пальцем вмешала что-нибудь в краску, песок или пепел, потому что сажа въедается здесь глубоко, не только на поверхности. Даже воздух на моей коже кажется грязным. В этом Лондоне меньше старого камня, чем я помню, больше твердого металла. Меньше деревьев и растений. В воздухе острый холод, это ранний декабрь, и все же, на мне только короткое черное платье и куртка, словно сделанная из фольги.

Да, это определенно декабрь. Устройства позволяют путешествовать между измерениями, а не во времени. «Это новая Нобелевская премия» — радостно сказала мама, как будто она могла получить её, когда у неё будет свободное время.

Воображаемая живопись немного помогает, но мое помешательство прекращается только тогда, когда кольцо на моей руке начинает мигать.

Я ошарашенно смотрю на серебристую полоску на своем правом мизинце, которая постоянно сверкает. Моя первая мысль о том, что это какой-то аксессуар со светодиодами, чтобы хвастаться в ночном клубе. Но если металлические пластинки на куртке создают

голографические экраны, что делает эта?

Поэтому я протягиваю руку и слегка дотрагиваюсь до кольца. Сияние затухает, и в луче света от миниатюрного источника, передо мной обретает форму голограмма. Я замираю на секунду, которая требуется мне для того, чтобы узнать лицо, нарисованное серебристо-голубым сиянием.

— Тео!

— Маргарет! — он улыбается, от него исходит облегчение такими же яркими волнами, как сияние голограммы. — Это ты, да?

— Это я. О боже, ты добрался. Ты жив. Я так испугалась.

— Эй, — его голос может быть таким теплым, когда он хочет.

Для своего напускного самодовольства, и настоящего самодовольства, он видит в людях больше, чем показывает.

— Не трать время на беспокойство обо мне, хорошо? Я всегда приземляюсь в правильном месте. Прямо, как бутерброд.

Даже в таком положении Тео пытается заставить меня смеяться. Вместо этого у меня внезапно встает ком в горле. После прошедших двадцати четырёх часов, дня, когда умер мой отец, нас предал мой друг и я прыгнула из своего измерения в неизвестность, я опустошена.

— Если бы я потеряла тебя, думаю, я этого не перенесла бы.

— Эй, эй, со мной все в порядке. Совершенно всё в порядке, видишь?

— Конечно, — я пытаюсь добавить в голос нотки флирта.

Может быть, это работает, может быть, нет. Я плохо умею флиртовать. В любом случае, эта попытка придает мне сил.

Он становится деловитым, или по меньшей мере настолько деловитым, насколько может быть такой человек, как Тео. Его темные глаза, странно прозрачные на голограмме, ищут моё лицо.

— Хорошо, у тебя недавно сработало напоминание, потому что ты меня помнишь. Обо мне обычно плохое первое впечатление.

— Нет, я не использовала напоминание. Я и без него всё помнила.

— Ты сказала, что вспомнила себя без него? — он наклонился вперед с вниманием, временно искажая голограмму. — И нет моментов сомнений?

— Нет. Похоже, для тебя это тоже так работает. Думаю, мама ошибалась насчет того, что путешественники по измерениям забудут себя.

Но Тео качает головой.

— Нет. Мне оно понадобилось. Я использовал напоминание сразу, когда добрался сюда.

— Странно.

Тео казался немного обеспокоенным тем, что я так просто всё вспомнила. Это идет в разрез с мамиными теориями, и, очевидно, с его собственным опытом, но, я догадываюсь, разные люди путешествуют по измерениям по-разному. Теории только уточняются опытным путём. Мама и папа научили меня этому.

Он говорит только:

— Ну, эта удача очень вовремя, потому что мы серьезно опаздываем.

— Ты где?

— Бостон. Похоже, я в Массачусетском технологическом институте в этом измерении. Я изо всех сил стараюсь не замечать майки Ред Сокс в шкафу, — Тео совершенно не увлечён спортом, по меньшей мере, в нашем измерении. — Я думал, что проделал большой путь, но

черт поberi, Мег. Ты приземлилась в Лондоне.

Тео начал называть меня Мег несколько месяцев назад. Я все еще не уверена, нравится мне это или раздражает. Но мне нравится, как он всегда улыбается, произнося это.

— Как ты меня так быстро выследил? Ты взломал мою личную информацию, или что-то вроде того?

Он поднял бровь.

— Я искал тебя в интернете, нашел твою страницу и запросил звонок, опция, которую предлагает местный эквивалент Фейсбука. Когда я позвонил, ты ответила. Не совсем космические технологии, и я говорю это, как человек, который серьезно рассматривал космические технологии в качестве профессии.

— Ох. Ладно, — что ж, это облегчение. Может быть не все должно быть так сложно. Может быть мы сможем иногда делать перерыв и нам повезет так же, как в этот раз.

Даже несмотря на то, что наши устройства настроены на то, чтобы следовать по следам Пола, гарантий нет. Нас мог разделить любой прыжок. Хотя, не в этот раз. В этот раз Тео со мной. Я посмотрела в его лицо, туманное в свечении кольца, и пожелала, чтобы он был уже здесь со мной.

— Ты смог... — потом мой голос прерывается, потому что я в первый раз достаточно спокойна, чтобы осознать, что у меня британский акцент. Прямо как у папы.

Конечно, это имеет смысл, потому что я здесь живу. Я думаю, речь, это своего рода мышечная память, которая остается, даже если сознание другой Маргариты где-то на пассажирском сидении, так сказать. Но я думаю об этом, как о самой странной, самой крутой и самой смешной вещи.

— Ванна, — говорю я, наслаждаясь короткой А в моем новом акценте. — Ва-а-а-анна. Приватность. Алюминий. Лаборатория. Томат. Рас-с-с-писание.

Я захихикала, и сразу же остановилась, прижав руку к груди, пытаясь восстановить дыхание. Я знаю, что смеюсь в основном из-за того, что не хочу начинать плакать. Горе из-за отца никуда не ушло, и оно завязывает узлом остальные мои чувства. И тома-а-а-ат. Это смешно.

Пока я вытираю слезы от смеха, Тео говорит:

— Ты немного дерганая, да?

Мой голос срывается, и я пытаюсь держаться.

— Думаю да.

— Ну, если тебя это интересует, это было очаровательно.

Момент глупости проходит так же быстро, как и пришел, и его заменяют гнев и страх. Должно быть, это начало истерики, и я должна держаться.

— Тео, Пол очень близок к Лондону. Если он знает, что мы пришли в это измерение, он уже может быть в пути.

— Что? Откуда ты это знаешь?

— Ты не единственный, кто умеет пользоваться компьютером, знаешь ли. Я выследила его в Кембридже.

Я смотрю на ночной резкий городской пейзаж через реку, где острые темные силуэты небоскребов возвышаются над собором. Пол может быть уже здесь. Сколько у него займет поездка до Лондона?

Я злобно напоминаю себе, что, если Пол преследует меня, это избавит меня от преследования его. В следующий раз, когда мы встретимся, один из нас пожалеет, и это буду

не я.

Я должно быть выгляжу убийственно, потому что Тео говорит:

— Нам нужно помнить одну вещь, хорошо? Есть небольшая вероятность того, что я настроил неправильно. Мы могли прыгнуть в неправильное измерение. Пол Марков в этом измерении может быть не нашим Полом. Поэтому нам нужно быть осторожными, пока мы не узнаем факты.

В действительности он говорит, что я не могу убить невинного человека. Я даже не уверена, что я смогу убить виновного, хотя я собираюсь попробовать. Мои ограниченные навыки обращения с Жар-птицей означают, что я не смогу отличить нашего Пола и любого другого, просто еще одна причина, по которой мне нужен Тео.

— Как быстро ты сможешь сюда добраться? — спрашиваю я.

Тео улыбается мне хитрой улыбкой.

— Уже купил билет, Мег. Я не смог выбрать рейс, потому что покупал в последнюю минуту, поэтому мне нужно будет пролететь до Германии и обратно, спасибо Люфт Ганзе, но я должен быть там завтра к полуночи. Достаточно быстро для тебя?

Он уже пересек измерение, чтобы помочь мне, и теперь он собирается пересечь половину земного шара так быстро, как это возможно, и единственное, что спрашивает Тео, достаточно ли это быстро. Я шепчу:

— Спасибо тебе.

— Мы вместе в этом, — говорит Тео, как будто это не важно. — Слушай, если я пойму, как работают эти кольца-телефоны, а я думаю, что уже понял, ты можешь дать мне доступ для отслеживания

— Что это?

— Поднеси кольцо к голограмме, хорошо? — я так и делаю. Кольцо поблескивает, и на голографическом экране я вижу, что его кольцо тоже загорается. Тео улыбается. — Хорошо. Теперь я смогу найти тебя в любое время, если на тебе будет кольцо, и ты тоже сможешь меня найти. Когда ты разберешься в интерфейсе. Ладно, куда ты направлялась?

— Домой, я думаю. Когда я пойму, где дом, — я смеюсь.

Внезапно Тео стал выглядеть пораженным, почему?

— Маргарет... — говорит он очень тихим голосом, совсем не похоже на Тео.

Страх сильнее разгорается во мне, и я быстро ищу ДОКТОР ГЕНРИ КЕЙН И СОФИ КОВАЛЕНКО. Результаты всплывают немедленно: физические работы, фотографии с факультета, когда они были молодыми и видеозаписи.

Видео несчастного случая с летательным аппаратом несколько лет назад, погибли три дюжины людей, включая двух многообещающих ученых и их старшую дочь.

Я не верну папу. Единственная разница в том, что мамы тоже нет. И Джози.

Вся моя семья мертва.

Я всасываю воздух, резко, как будто меня ударили. Как будто с большого расстояния, я слышу, как говорит голос Тео:

— Маргарет? Ты в порядке?

Я не отвечаю. Я не могу.

Голографический экран услужливо начинает показывать мне видео столкновения, которое, очевидно, облетело все новости. Сейчас у меня ощущение, словно взрыв произошел в моей голове, и раскаленный добела металл, ослепляющий свет и все, кого я люблю, все, кто действительно любил меня, мама, папа и Джози, сгорают дотла.

Это случилось над Сан-Франциско. Статьи в новостях говорят, что куски и обрывки долетели до Лас-Вегаса, падая на землю, иногда их смывал дождь.

— Маргарет? — сверкающая голограмма не может спрятать беспокойство в голосе Тео. — Твои родные — мне жаль. Мне так жаль. Придя в это измерение, я в первую очередь искал их, думал, что они могли бы помочь нам, понимаешь? Я знал, что ты еще не обнаружила, что с ними случилось.

Моё сердце оплакивало отца снова и снова, с той минуты, когда полиция позвонила в наш дом. Я даже лелеяла маленькую надежду, что снова увижу его, по крайней мере, другую его версию.

Но его все еще не было, он все еще мертв, и теперь вместе с мамой и Джози.

Они в порядке! Говорю я себе. Это случилось в этом измерении, а не в твоём. Когда ты вернешься домой, мама и Джози будут тебя ждать, не как здесь, где ты потеряла всё, абсолютно всё, всё будет хорошо...

Но нет. Папы все равно не будет.

— Почему кто-то хочет путешествовать по измерениям? — выдохнула я. Мои ногти впились в предплечья, которые сложились передо мной, как щит. Физическая боль помогает мне не заплакать, не важно, что случится, я не хочу плакать. — Они не думают о том, что могут найти.

— Я сожалею, — повторяет Тео.

Он выглядит так, как будто хочет пройти через голограмму, чтобы добраться до меня.

Я думаю: «Это то, чего ты хотел, Пол? Ты так сильно их ненавидел, что сбежал в мир, где они уже мертвы? Чтобы работа была уже сделана до тебя?»

Еще раз я вспоминаю неулыбающееся лицо Пола, его серые глаза, которые, кажется, смотрят сквозь меня. Я помню день, когда он наблюдал за тем, как я рисую, его взгляд следовал за каждым мазком, который оставляла моя кисть на холсте. Сейчас меня почти тошнит от мысли, что на небольшой промежуток времени я почти...

Тео снова говорит, и его голос на этот раз твёрже.

— Этот несчастный случай произошел уже давно, целую жизнь назад. Тебе нужно думать об этом в таком ключе. Хорошо?

Его слова пробиваются через мою грусть, возвращая меня в настоящее.

— Всё хорошо. Да. Это был просто шок. Я не позволю этому больше меня волновать.

Он делает мне одолжение, притворившись, что поверил.

— До завтра, оставайся там и будь в безопасности. И если увидишь Пола, не позволяй ему увидеть тебя.

Голограмма моргнула и исчезла. Несмотря на это я смотрю на своё кольцо и надеюсь, что он перезвонит, оно остается тусклым металлом, темным и безмолвным.

Поэтому я иду домой.

В моём мигающем кольце есть GPS, и когда я прошу проводить меня домой, оно это делает. Я следую его указаниям без малейшего представления, где я окажусь.

Оказывается, что дом — это роскошное здание, менее кричащее, чем большинство соседних, но не менее холодное. Стекланный лифт находится снаружи, и я думаю, что это сделано специально, чтобы напугать людей, которые боятся высоты. Я ожидаю, что успокоюсь, зайдя внутрь, потому что её квартира должна быть своего рода и моей квартирой. Но в ту минуту, когда я вижу её, я думаю, что никогда не видела места, меньше похожего на дом.

Оно похоже на художественную галерею, в которой выставляют странное поп и китч искусство, вроде инкрустированных стразами коровьих черепов. Или может быть, это похоже на больницу, где знаменитостям делают пластические операции. Ослепительно белая и металлическая, без мягких сидений, ничего удобного или уютного, так ярко освещенное, что можно видеть малейшую пылинку, я думаю, в этом и был смысл. Я стою, с меня падают капли дождя, и я чувствую себя грязной, неловкой и не на своем месте.

Я никогда не смогу жить в таком месте.

— Маргарет? — тётя Сюзанна выходит в коридор, одетая в платье такой же девственной белизны, как интерьер. Я догадываюсь, что из всех людей тётя Сюзанна взяла опеку над мной.

Её волосы распущены, она приготовилась ко сну, но они все равно аккуратно падают на её плечи, как будто ни одна прядь не осмеливается нарушить порядок. Она не кажется другой в этом измерении. Втирая какой-то дорогой крем в лицо, она говорит:

— Ты сегодня ужасно рано вернулась.

Уже больше часа ночи. В какое время я обычно прихожу домой?

— Я устала.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Я пожимаю плечами.

Тётя Сюзанна не настаивает.

— Тогда лучше ложись спать. Ты же не хочешь заболеть.

— Хорошо. Спокойной ночи, тётя Сюзанна.

Она медлит. Я не часто это ей говорю? Я не чувствую от неё материнской теплоты, она далека от типа матери. Не то, чтобы я не люблю её — люблю. И она тоже меня любит. Но я думаю, исполнение родительских обязанностей непросто ей далось. Тётя Сюзанна просто говорит:

— Хорошо. Спокойной ночи, дорогая.

Она шлепает по коридору в свою комнату, и я иду к другой двери, где должно быть моя.

Она такая, пустая. Не такая дорогая, как остальная квартира, но в этом месте нет ничего, что могло бы принадлежать мне. Это могла бы быть комната в дорогом отеле.

Но это, понимаю я, должно быть так и задумывалось.

Маргарет, которая потеряла всю свою семью в детстве провела всю свою жизнь, пытаясь никого больше не любить.

Я не оформила доску для записей открытками и рисунками, которые считала вдохновляющими. В углу не было мольберта с последним холстом, я вообще рисую в этом измерении? Нет книжных полок. Нет книг. Хотя, я надеюсь, что у Маргарет в этом измерении есть какая-нибудь продвинутая электронная книга в серьгах или что-то в этом роде, но вероятность этого, кажется маленькой. Она не кажется человеком, увлечённым книгами.

На одежде в моем шкафу много бирок с именами дизайнеров, которые я узнаю, некоторых я не узнаю, но думаю, что они тоже шикарные. Ничто из этого не похоже на одежду, которую я ношу дома, вместо этого они все либо цвета металл, либо пластиковые, либо кожаные, все жесткое и блестящее. Может быть, я должна быть рада, что деньги семьи Кейн в этом измерении очевидно продержались на несколько поколений дольше, но всё, о чем я могу думать — это насколько холодна эта жизнь.

Теперь мне придется жить ей.

Моя ладонь сжалась вокруг Жар-птицы. Я могла бы его снять, если бы захотела, поскольку, казалось, мне не нужны напоминания. Но даже мысль о том, чтобы это сделать, ужасает меня. Вместо этого я закрываю глаза и представляю, что она помогает мне перелететь в новое место, не в эту жизнь или в мою старую, но в новую, блестящую реальность, где всё хорошо и ничто не может снова причинить мне боль.

Мои ноги подгибаются, и я плюхаюсь на безупречно заправленную постель. Я лежу там долгое время, свернувшись калачиком, желая попасть домой, в свой настоящий дом более отчаянно, чем я когда-либо чего-либо желала.

Глава 4

Лежа в чужом измерении на безупречно белой постели, больше неудобной, чем успокаивающей, я пытаюсь нарисовать изображение дома у себя в голове. Я хочу каждое лицо, каждый угол, каждую тень, каждый луч. Я хочу, рисовать свою реальность поверх этой, до тех пор, пока не скроется этот ослепляющий белый цвет.

Мой дом, мой настоящий дом, в Калифорнии.

Наш дом стоит не на пляже, он гнездится у подножья холмов в тени высоких деревьев. Он всегда чистый, но никогда не аккуратный. Книги стоят стопками и на полках почти в каждой комнате, мамины цветы произрастают в каждом уголке и годы назад мои родители покрыли весь коридор графитовой краской для рисования мелом, которая предназначалась для комнат маленьких детей, но прекрасно подходит для физических формул.

Когда я была маленькой, мои друзья были в восторге, когда я говорила им, что мои родители делают большую часть научной работы дома, и, приходя ко мне в первый раз, они оглядывались в поисках булькающих колб, или динамо-машин, или других устройств, которые показывают в фантастических фильмах. Но по большей части это значит, что бумаги стопками лежат на каждой плоской поверхности. Конечно, у нас было несколько устройств, но только несколько. Никто не хочет слышать, что теоретическая физика имеет меньшее отношение к блестящим лазерам, чем к цифрам.

В центре большой комнаты стоит наш обеденный стол, огромный круглый деревянный стол, который мама и папа по дешевке купили в Гудвилле, когда мы с Джози были маленькими. Они разрешили нам разрисовать его в радужные цвета, просто мазать краску руками, потому что они любили слышать наш смех и потому что на земле не было двух людей, которые меньше заботились о том, как выглядит их мебель. Джози думала, что забавно размазывать пальцами краску по спирали. Для меня, однако, это был первый раз, когда я заметила, как по-разному выглядят цвета, когда ты их смешиваешь, как они контрастируют друг с другом. Возможно, в эту минуту я влюбилась в живопись.

— Полагаю, ты думаешь что живопись не так важна, как физика, — сказала я Полу, сидя за мольбертом в тот день, когда он смотрел, как я работаю.

— Зависит от того, что ты подразумеваешь под словом «важна», — ответил он.

Я могла сразу же выкинуть его из комнаты. Почему я этого не сделала?

Мои воспоминания стали снами, потому что я задремала, даже не заметив этого. Всю ночь лицо Пола стояло у меня перед глазами, смотрело на меня, спрашивало меня, затевало что-то, чего я не могла понять. На следующее утро, проснувшись в этой холодной чужой постели, я не могу вспомнить сны. Я только знаю, что пыталась пойти за Полом и не могла сдвинуться с места.

На удивление, я не была дезориентирована. С той секунды, когда я открыла глаза, я

знала, где я, кто я и кем я должна быть. Я помнила, что Пол сделал с моим отцом, что я никогда больше не увижу папу. Лёжа среди смятых белых простыней, я понимаю, насколько я не хочу двигаться. Мое горе как веревками связывает меня.

— Иди сюда, милая! — зовет тётя Сюзанна. — Время прихорошиться!

Нет, если только технологии в этом измерении не граничат с чудом. Я сажусь, вижу отражение своих сумасшедших кудрей в оконном стекле и испускаю стон.

Очевидно, мы собираемся на «благотворительный обед», хотя моей тёте совершенно все равно, куда будут направлены средства, она даже не помнит, для чего это. Это общественное событие — место, чтобы увидеть и быть увиденной, и это всё, что имеет значение для тёти Сюзанны.

Но всё равно, я знаю, что нужно оставаться на месте и ждать Тео. Если я собираюсь остановить Пола, мне нужна вся помощь, которую я смогу получить, и Тео — единственный, кто может мне помочь. Поэтому мне целый день придется жить жизнью этой Маргарет.

Исходя из того, что я видела, она не очень весёлая.

— Пойдем, дорогая, — тётя Сюзанна спотыкается на мостовой в своих туфлях на каблуке. — Нам нельзя опаздывать.

— Нельзя? — мысль о том, чтобы провести обед в качестве другой версии себя меня пугает.

Она смущенно смотрит на меня через плечо.

— Но я хотела, чтобы ты познакомилась с герцогиней. Её племянница Ромола работает в Шанель, ты знаешь. Если ты хочешь стать когда-нибудь дизайнером одежды, тебе нужно завести связи.

В этой реальности я хочу стать дизайнером одежды. Что ж, по меньшей мере, это творчество.

— Да. Конечно.

— Не притворяйся, что ты слишком утонченная для того, чтобы на тебя можно было произвести впечатление названием, — говорит тётя Сюзанна. Она становится такой, резкой и немного высокомерной, когда ей бросают вызов. — Ты даже больший сноб, чем я, и ты это знаешь. Прямо как твоя мать.

— Что ты сказала?

— Я знаю, знаю, твои родители — святые, и так и должно быть. Я не говорю, что они не были замечательными людьми. Но то, как твоя мать распространялась о том, что она произошла из русского дворянства! Можно было подумать, что она сама бежала от Красной Армии с драгоценностями Романовых в руках.

— Её семья происходила из дворянства. Они действительно сбежали от Революции. Они были беженцами в Париже на протяжении нескольких следующих поколений, потом её родители наконец переехали в Америку. Она бы никогда не говорит о том, чего не было, — потом я вспоминаю, что я не должна хорошо знать свою мать в этом измерении, и что здесь она так же потеряна для меня, как и отец. — Я имею в виду, они никогда бы не стала.

И мама не стала бы так делать. Ей было дело только до двух вещей: науки и тех, людей, которых она любит. Она закалывала свои буйные кудри в пучок любым карандашом, который могла найти поблизости. Она разрешала мне рисовать пальцами на столе. Никто не мог бы назвать маму снобом.

Мы стоим на середине улицы, всё еще в квартале от отеля, где княгиня и её сто сорок ближайших друзей пьют чай. Тётя Сюзанна прикладывает ладонь к груди, как актриса в

старом сентиментальном кино, и я знаю, что она говорит искренне, по меньшей мере, так искренне, как умеет.

— Я не хотела плохо говорить о твоей маме. Ты это понимаешь, правда?

Из уст тёти Сюзанны «сноб» звучит как похвала. Я вздыхаю.

— Да. Я знаю.

— Я не хочу с тобой ссориться, — моя тётя подходит и обнимает меня. — Всегда были только мы. Ты и я против всего мира, да?

Я почти могла бы поверить, что нам с ней хорошо живется, если бы не эта безликая квартира. Или если бы я не видела через прозрачные линзы солнечных очков тёти Сюзанны её скучающий, нетерпеливый взгляд.

У меня заняло меньше дня, чтобы понять, что тётю Сюзанне не нравится играть суррогатного родителя для Маргарет из этого измерения. Каково ей было знать об этом всю жизнь? Чувствовать себя отвергнутой единственным родственником, который у неё остался в мире?

— Ты и я, — повторяю я, и тётя Сюзанна улыбается, как будто это причина для счастья.

В моем настоящем мире никогда не было «только нас».

Сколько я себя помню, мамыны и папины ассистенты проводили у нас дома почти столько же времени, сколько и я. Когда я была очень маленькой, то думала, что они такие же мои братья и сёстры, как Джози, я так сильно плакала, когда Сватхи мягко объяснила мне, что она возвращается в Новый Дели, потому что у неё там работа и семья. Кто все эти люди? Как они могли быть её семьей, если мы — её семья?

Мои родители стали более явно называть их ассистентами после того случая, но факт в том, что большинство из них были более или менее неформально усыновлены. Мама и папа всегда хотели кучу детей, но беременность оказалась для мамы сложной, поэтому после меня они остановились. Я думаю, аспиранты заполняли пустоты, в которых должны были быть мои братья и сёстры. Они спали на наших диванах, писали работы на радужном столе, плакались о своей личной жизни, пили молоко прямо из упаковки. Мы поддерживали связь со всеми, и некоторые из них занимают важное место в моей жизни. Диего научил меня ездить на велосипеде. Луи помог мне закопать умершую золотую рыбку на заднем дворе, хотя все «похороны» дождь лил как из ведра. Только Ксаотинг была дома, когда у меня в первый раз начались месячные, и она прекрасно с этим справилась — объяснила мне, как использовать продукцию наших друзей из Тампакс, потом отвела меня в кафе-мороженое.

Однако Пол и Тео были другими с самого начала. Ближе к нам, чем все остальные. Особенными.

И Пол был из них самым особенным.

Мама шутила, что он ей нравится, потому что они оба были русскими, что только настоящие русские понимают свой черный юмор. Папа зарезервировал обеденное время для них на кампусе и однажды позволил Полу одолжить свою машину. Он обычно даже мне не разрешал брать свою машину. Не смотря на то, что Пол был так молчалив, так холоден, и очевидно не способен смеяться, но мои родители считали, что он не может ничего сделать неправильно.

— Он странный, — возражала я вскоре после его приезда. — Он как пещерный человек, когда люди даже не могли разговаривать.

— Это не очень по-доброму с твоей стороны, — сказал папа, наливая молоко себе в чай. — Маргарет, помни, Пол окончил школу в тринадцать лет. Он начал писать

диссертация в семнадцать. У него не было детства. У него даже не было возможности завести друзей своего возраста, и Бог знает, что у него нет поддержки из дома. Поэтому он немного... неловкий, но это не значит, что он плохой человек.

— Кроме того, — вмешалась мама. — Если ты под «пещерными людьми» имеешь в виду кроманьонцев или неандертальцев, то нет причин полагать, что они не умели разговаривать.

Пол был их ассистентом только полтора года, но они любили его сильнее, чем всех остальных. Он практически жил в нашем доме или на занятиях, 24/7. Они одалживали ему книги, бурчали, когда он не надевал зимой куртку, даже испекли ему торт на день рождения, шоколадный с карамельной глазурью, его любимый.

Тео Бек, так же много работал на них. Они никогда не были с ним невежливы, я всегда чувствовала, что он был своим, и он определенно был более весёлым чем странный, наблюдательный Пол. Черные волосы Тео всегда были немного в беспорядке, все для него было шуткой, и ладно, он немного флиртовал со мной, но я не думаю, что мама и папа когда-либо возражали. Я даже не уверена, что они замечали. Поэтому, Тео должен быть так же любим.

Но Пол умнее. Более уникален. Он в одном шаге от черты, разделяющей «очень умный» и «гений». Я догадывалась, что мама и папа думали, что Пол в них больше нуждается. Тео самоуверенный, Пол застенчивый. Тео постоянно шутит, Пол кажется грустным. Поэтому они считали, что Полу нужна их защита, а Тео — нет. Время от времени я видела, Тео ревнует, наблюдая, как мои родители поглощены Полом.

Может быть, я иногда сама немного ревновала.

Через двадцать минут после прибытия на обед. меня представили племяннице княгини Ромоле, той, что работала в Шанель. Она была не дизайнером, а скорее публицистом, но как тётя Сюзанна говорит: «Все связи важны, правильно?»

На удивление, Ромола не смотрела на меня как на пиявку, вместо этого она вцепилась в меня.

— Нам будет весело, — прошептала она. — Наконец-то появился кто-то интересный.

Через десять минут после этого я уже в туалете, наблюдаю, как Ромола втягивает дорожку кокаина. Она предлагает и мне, но я отказываюсь, но думаю, что Маргарита в этом измерении согласилась бы не раздумывая.

Поэтому пятнадцать минут спустя, когда Ромола предлагает мне шампанское, в два часа дня, я говорю, да. Если я хочу быть убедительной в роли этой Маргарет, мне надо лучше играть.

Тётя Сюзанна наблюдает, как я начинаю пить и не говорит ни слова. Думаю, она к этому привыкла.

Эта вечеринка — самая странная вещь, одновременно шикарная и безвкусная. На лицах всех женщин за тридцать, видна рука пластического хирурга, они не выглядят моложе, а кажутся не совсем людьми, и общество притворяется, что этого не замечает. Половина людей больше общается с голограммами из колец или брошей, чем с окружающими. Беседы, которые я слышу, по большей части сплетни: кто с кем спит, кто зарабатывает деньги, кто теряет, кто не приглашен на следующую вечеринку.

Может быть, технологии отличаются, но мелочность общества не меняется. Так значит, от этой жизни бежал мой отец, когда решил уйти в науку, уехать из Великобритании и присоединиться к маме в Калифорнии. Он был даже умнее, чем я думала.

За тебя, папа, думаю я и беру еще бокал шампанского.

Через семь часов после обеда я за рулем машины Ромолы, блестящей серебристой капли, которая на самом деле сама себя ведёт, что хорошо, учитывая, насколько я уже захмелела. Сама же Ромола рассказывает мне в какие удивительные клубы мы сегодня пойдём. Мы провели вместе целый день. Она ведёт себя как будто мы уже подруги, как будто она собирается устроить мне стажировку в Шанель. Я знаю, и она знает, что мы обе просто используем это, как предлог чтобы выпить. Не думаю, что она позволит мне бросить её, даже если я попробую.

Я ненавижу это. Я бы лучше пошла домой, меня бы стошнило, и я бы вырубилась, желательно в этом порядке.

Но каждый раз, глядя на темный, зазубренный, футуристический Лондон перед собой, я вспоминаю, что здесь Пол. Я вспоминаю, что нам нужно встретиться еще раз, что я должна сделать, когда это случится. Нет другого выхода — ни для него, ни для меня.

Пол сказал бы, что это наша судьба.

— Что ты пытаешься сделать? — сказал однажды Тео, глядя на Пола с другого конца стола. Детали, которые станут самым первым прототипом Жар-птицы, рассыпаны между ними на радужном столе. — В ту минуту, когда София будет реабилитирована, ты собираешься снова превратить её в посмешище?

— Что ты имеешь в виду? — потребовала я. Я зашла после уроков фортепьяно и быстро избавилась от нот, чтобы выглядеть не слишком по-детски. Тео всего на три с половиной года старше меня, Пол — всего на два, и они первые аспиранты, о которых я думала, как о себе, а не как о своих родителях. Я хотела, чтобы они думали обо мне так же. — Почему люди будут смеяться над мамой?

Серые глаза Пола встретились с моими всего на секунду, и он вернулся обратно к работе.

— Это не её теория, а моя. Я возьму на себя ответственность.

Тео откинулся на стуле и показал на Пола большим пальцем.

— Этот человек готов рискнуть своей научной состоятельностью и состоятельностью своего руководителя, не важно, что он говорит, доказывая, что судьбы — реальны.

— Судьба? — это звучало странно... романтично из уст такого человека, как Пол.

— Есть сходства между измерениями, — настаивал Пол, не поднимая глаз. — Математические параллели. Можно предположить, что эти сходства отражаются в событиях и людях в каждом измерении. Что люди, встретившиеся в одной квантовой реальности, скорее всего встретятся в другой. Определенные вещи могут случаться снова и снова, разными способами, но чаще всего их можно объяснить только случайностью.

— Другими словами, — сказала я. — Ты пытаешься доказать существование судьбы.

Я шутила, но Пол медленно кивнул, как будто я сказала что-то умное.

— Да. Именно так.

— Ты должна поехать со мной на следующей неделе в Париж, — кричит Ромола сквозь музыку в клубе. Я думаю, этот тот же, снаружи которого я стояла прошлой ночью, прибыв в это измерение.

— Конечно!

Почему бы не согласиться? Она никогда на самом деле не возьмет меня, и я никогда на самом деле не поеду, и мы обе это знаем.

— Это будет потрясающе!

Я одета в платье, которое она мне одолжила: тусклая металлизированная кожа, сидящее в обlipку даже на моей худой фигуре. Не может быть более очевидно, что у меня почти нет груди, но видно достаточное количество ног, и, по мнению парней в этом клубе, этого достаточно для компенсации. Они увлечены мной, покупают мне выпить, больше, чем мне нужно.

И я ненавижу то, как они смотрят на меня, восхищаются, но оценивают, таким же жадным и жестким образом, как оценивают дорогую спортивную машину. Никто из них меня не видит.

— Возможно, ты думаешь, что это, по меньшей мере непрактично, — сказала я Полу однажды вечером, когда он наблюдал за тем, как я рисую. — Искусство.

— Я не знаю, важна ли на самом деле практичность.

Это звучало почти как комплимент, на секунду, до тех пор, пока я не осознала, что что он фактически признал, что думал, что с моей стороны непрактично изучать искусство в колледже. Я собиралась брать уроки реставрации, чтобы мне не пришлось жить у мамы с папой в подвале в возрасте тридцати лет, но я не хотела защищаться перед ним. Я хотела атаковать.

Стоял поздний ноябрь, День Благодарения прошел всего полторы недели назад, но, казалось, прошла целая жизнь. Вечер был на удивление тёплым, последние крохи индийского лета, или бабьего лета, русская фраза, которую предпочитала моя мама. На мне была старая майка в пятнах тысячи оттенков краски после вечеров работы, и голубые джинсовые шорты, которые я сама обрезала. Пол стоял в дверях моей спальни, единственный раз, когда он был так близок к вторжению в мое пространство.

Я остро ощущала его присутствие. Он был массивнее, чем средний парень, и гораздо массивнее, чем средний аспирант-физик, высокий, широкоплечий, и очень мускулистый, из-за своего увлечения альпинизмом, я думаю. Фигура Пола, казалось, заполняла весь дверной проем. Хотя я продолжала работать, редко отводя взгляд от кисти и холста, я чувствовала его у себя за спиной. Это было подобно ощущению тепла от огня, даже когда не смотришь в пламя.

— Хорошо, может быть, портреты уже не правят миром искусства, — сказала я.

Другие студенты представляли коллажи и мобили с «найденными объектами», отредактированную рекламу из 1960-х, чтобы сделать постмодернистские замечания сегодняшнему обществу, и все такое. Иногда я чувствовала, что не иду в ногу со временем, потому что всё, что я могла предложить — это написанные маслом лица людей.

— Но многие художники зарабатывают хорошие деньги, рисуя портреты. Десять тысяч долларов за штуку, иногда, когда у тебя есть имя. Я могла бы это сделать.

— Нет, — сказал Пол. — Я так не думаю.

Тогда я повернулась к нему. Мои родители могли поклоняться этому парню, но это не значило, что он мог вламываться ко мне в комнату и оскорблять меня.

— Извини?

— Я имел в виду, — он сомневался.

Очевидно, он знал, что сказал что-то не то, и так же очевидно не понимал, почему.

— Люди, которые хотят, чтобы написали их портрет, богатые люди, они хотят выглядеть хорошо.

— Если ты пытаешься выбраться из ямы, у тебя не очень получается, просто для информации.

Пол засунул руки в карманы своих потрепанных джинсов, но его серые глаза спокойно встретились с моими.

— Они хотят выглядеть идеально. Они хотят показывать только свою лучшую сторону. Они думают, что портрет должен быть как пластическая хирургия, картинка вместо лица. Слишком красивыми, чтобы быть настоящими. Твои картины — они иногда выглядят красивыми, но они всегда выглядят настоящими.

Я не могла больше смотреть в его лицо. Вместо этого я повернула голову к галерее картин, висевшей на стенах моей спальни, с которых моя семья и друзья смотрели на меня.

— Как твоя мать, — сказал Пол.

Его голос стал мягче. Я смотрела на её портрет, пока он говорил. Я пыталась, чтобы мама выглядела хорошо, потому что я любила её, но я не только воссоздала её тёмные миндалевидные глаза или её широкую улыбку, я так же показала, как её волосы всегда непослушно торчат в ста разных направлениях, и как остро её скулы выдаются на лице. Если бы я не нарисовала это, это была бы не она.

— Когда я смотрю на это, я вижу её, словно поздно ночью, когда она работала десять или четырнадцать часов. Я вижу её гений. Её утомление. Её доброту. И я вижу это даже если не знаю её.

— Правда? — тогда я взглянула на Пола, и он кивнул с облегчением от того, что я поняла.

— Посмотри на них всех. Джози не терпится отправиться на поиски новых приключений. Твой отец отвлечён, и нельзя сказать, просто он тратит время или сейчас придумает что-то гениальное. Тео... — он помедлил, когда я взяла портрет Тео, который заканчивала, с его волосами, замазанными гелем и торчащими вверх, карие глаза под изогнутыми бровями, полные губы, которые могли бы принадлежать Купидону эпохи Ренессанса. — Тео что-то задумал, как обычно.

Я начала смеяться. Пол улыбнулся.

— А теперь твой автопортрет.

Хотя я участвовала в нескольких выставках, у меня даже была своя выставка в маленькой галерее, я никогда не показывала автопортрет где-либо, кроме своей спальни. Он был настолько личным, каким не могла быть ни одна другая картина.

— Твои волосы... — сказал он, и его голос затих, потому что даже Пол достаточно тактичен, чтобы знать, что назвать волосы девушки «местом катастрофы», скорее всего не мудро. Но так и есть, они более волнистые и густые и более неконтролируемы, даже чем мамыны, и я так их и нарисовала. — Я могу видеть всё, чем ты похожа на мать.

Конечно, подумала я. Костлявая, слишком высокая, слишком бледная.

— И то, чем ты не похожа на неё.

Я попыталась превратить это в шутку.

— Ты имеешь в виду, что не видишь того же невероятного гения?

— Нет.

Болезненно. Наверное, я сморщилась.

Пол быстро добавил.

— Возможно, в мире рождается пять людей за столетие с умом, как у твоей матери. Нет, ты не такая же умная, как она. И я тоже не такой. И никто из тех, кого мы скорее всего встретим за всю жизнь.

Это была правда. Это помогло, но мои щеки все еще пылали. Как я могла почувствовать,

что он стоял рядом со мной?

У него был более мягкий голос, чем можно было подумать, глядя на массивную фигуру и жесткие глаза.

— Я вижу, что ты всегда ищешь. Как сильно ты ненавидишь фальшивки. Что ты старше своего возраста, но все равно, игривая, как маленькая девочка. Как ты всегда смотришь в глубь людей или гадаешь, что они видят, глядя на тебя. Твои глаза. Всё у тебя в глазах.

Как Пол мог всё это видеть? Как он мог узнать только по портрету?

Но это было не только по портрету. Я тоже это знала.

Хотя мне нужно было что-то сказать, я не могла произнести ни слова. У меня перехватило дыхание, горло крепко сжалось. Я ни разу не перевела взгляд с автопортрета на Пола.

Он сказал:

— Ты пишешь правда, Маргарет. Я не думаю, что ты сможешь по-другому.

И потом он ушел.

После этого я начала работу над портретом Пола. Его лицо было на удивление сложно поймать. Широкий лоб, сильные, прямые брови, жесткий подбородок, светло-русые волосы с оттенком красноватого золота заставляли меня смешивать краски часами в попытках добиться точного оттенка, то как он слегка опускал голову, как будто извиняясь за то, что он такой высокий и сильный, это его неуловимое выражение лица, как будто он знает, что никогда не будет своим и даже не видит смысла стараться, но его глаза были сложнее всего.

Глубоко посаженные, внимательные. Я знала, как выглядят глаза Пола. Но дело было в том... что, когда я рисовала кого-то, даже себя, я изображала их смотрящими немного в сторону от зрителя. Тогда выражения лица становились более естественными, также это придает человеку на портрете загадочность, ощущение того, что моя работа не может запечатлеть настоящего человека внутри. Это тоже часть того, что я рисовала правду.

Но Пол не мог этого сделать. Каждый раз, когда я пыталась нарисовать его взгляд, он не хотел отрывать глаза от зрителя. От художника.

Он смотрел на меня. Он всегда, всегда смотрел на меня.

На следующий день после смерти отца, в час, когда мы узнали, что Пол был виноват, я пошла в свою комнату, взяла нож для холста и разрезала его портрет на ленты.

Он заставил меня доверять ему.

Он заставил меня думать, что он видел меня.

И это была всего лишь часть его плана, один маленький кусочек его большого плана по уничтожению нас всех.

Это была еще одна причина того, что он должен заплатить.

Около полуночи у меня кружится голова, и я чувствую, что мне будет плохо, но я не прекращаю танцевать. Тяжелая пульсация музыки многократно отражается во мне и за ней не слышно даже стук моего сердца. Как будто я больше не жива. Как будто я марионетка на нитях, у которой внутри ничего нет.

Мужская рука сжимается у меня на плече, и мне интересно который это из них. Он купит мне еще один коктейль? Если да, я вырублюсь. Я думаю, я хочу вырубиться прямо сейчас.

Но когда я оборачиваюсь посмотреть кто это, я вскрикиваю, и вот так — я снова жива.

— Милое платье, Мег, — усмехается Тео о проводит взглядом по моему телу вниз и потом снова вверх. — А где остальная его часть?

— Тео! — я обхватываю его руками, и он обнимает меня в ответ.

Мы долго держимся друг за друга, прямо посреди танцпола.

— Ты напилась? — бормочет он в изгиб моей шеи. — Или теперь производят духи, которые пахнут текилой?

— Уведи меня отсюда, — почему так тяжело произносить слова?

Я только сейчас понимаю, что рыдаю.

Я держалась всё это время. Я держалась, потому что должна была, неся горе и страх даже когда чувствовала, что мир меня раздавит. Но теперь Тео здесь, и я наконец отпустила это.

Тео обнимает меня крепче, так крепко, что мои ноги отрываются от пола, и он несет меня с танцпола, подальше от огней. Он усаживает меня на длинный низкий диван в углу. Я не могу перестать плакать, поэтому он просто обнимает меня, его руки гладят мои волосы и спину. Он покачивает меня туда-сюда так нежно, как будто я ребенок. Вокруг нас пульсируют клубные огни, гремит музыка и танцуют люди.

Глава 5

Лицо Тео и тепло его рук вокруг меня заставляют меня поверить, что все должно начать улучшаться с этой минуты.

Может быть, так и было бы, если бы я не напилась так сильно, что меня стошнило.

— Всё правильно, — говорит Тео, потирая мою спину, когда я перегибаюсь через перила моста Миллениум после того, как меня только что вырвало в Темзу. — Избавься от этой дряни.

Стыд окрасил моё лицо красным.

— Мне так стыдно.

— Потому что я видел, как тебя тошнит? Слушай, если бы ты видела меня в обычную субботнюю ночь, ты бы знала, что это ерунда. Когда дело касается таких вещей, я не бросаюсь камнями. Давай закончим об этом.

Это больше, чем шутка. Живой ум Тео никогда не может скрыть того, каким он мог быть диким. Даже несмотря на то, что он никогда не приносил неприятностей в наш дом, я знала, что мама и папа слышали сплетни о том, что Тео напивается и пропадает на несколько часов, иногда на целый день. Они упоминали его «пьянство», хотя на самом деле они волновались о веществах гораздо менее законных, чем банка пива. Даже Пол иногда тихо предлагал Тео сбавить обороты.

К черту Пола. Сегодня Тео контролирует ситуацию, и он заботится обо мне. Его теплая рука лежит на моей обнаженной спине, и я смотрю в темную воду реки, пытаюсь восстановить спокойствие.

Потом я краем глаза замечаю отражение в реке, разбитое на куски мелкой рябью.

— Как ты думаешь, это последнее, что видел отец? — шепчу я. У меня во рту ужасный вкус. Тело ослабло. Так выглядит падение. — Река, прямо перед ним, вот так?

Несколько долгих секунд Тео не отвечает. Когда он заговорил, его голос звучит даже напряженнее, чем мой.

— Не думай об этом.

— Я не могу об этом не думать.

— Я уверен, что не это. Ладно? Пойдем. Давай отведем тебя домой.

— Надеюсь, что так. Я надеюсь, что папа видел, как река обрушивается на него и потом — потом всё закончилось, — мой голос дрожит. — Потому что это значило бы, что он ударился головой при аварии или, когда машина упала в воду. Потом он потерял сознание или сразу умер. У него не было бы времени испугаться.

Сколько нужно времени, чтобы утонуть? Три минуты? Пять? Достаточно долго, чтобы прийти в ужас, я уверена. Достаточно долго для того, чтобы надеяться, что папе не пришлось этого пережить.

— Было бы лучше, если бы он не понял, как ты думаешь?

— Прекрати это, — сказал Тео хриплым голосом, его руки скользнули по моим предплечьям, и он схватил меня так, словно боится, что я брошусь через перила. — Не мучай себя. Это не поможет.

Тео неправ. Мне нужно думать о смерти отца. Я не могу прекратить горевать о нем, мне нужна боль, чтобы быть злой. Резкой. Сосредоточенной.

Когда мы найдем Пола, боль даст мне силы прикончить его.

Я выдернула одну руку из хватки Тео, чтобы вытереть рот.

— Ладно, — говорю я. — Пошли домой.

Мы проходим остаток пути до квартиры тёти Сюзанны. Когда лифт начинает подниматься вверх, у меня подгибаются колени, у меня в организме всё еще слишком много шампанского. Тео ловит меня за локоть, и я прислоняюсь головой к его плечу на остаток поездки.

Подойдя к двери, он шепчет:

— Я все еще могу снять комнату в отеле.

— Если мы будем вести себя тихо, то не разбудим тётю Сюзанну, — говорю я и прижимаю ладонь к электронному замку, он узнает меня и со щелчком открывается. — В любом случае, сомневаюсь, что она будет возражать.

И Тео мне нужен сейчас как никогда.

В темноте белая квартира отликает серебристо голубым, как будто она сделана из лунного света. Все кажется нереальным, когда я беззвучно провожу Тео по коридору в свою спальню и закрываю дверь, запирая нас вместе.

Спальня не очень большая, и кровать заполняет почти всё пространство. Тео больше негде спать, кроме пола, и больше некуда сесть. Я говорю себе, что глупо думать о том, как это неловко, представлять о том, что он сосредоточен на чем-то кроме безумного положения вещей, что вспышка притяжения между нами может иметь значение во время этого.

Потом наши глаза встретились, и я знаю, дело не только во мне.

— Ладно, — говорю я, указывая в сторону ванной. — Я пойду, гм, освежусь.

Тео кивает и подходит к окну.

— Конечно. Иди прими душ.

Я думала только о том, чтобы почистить зубы, но мысль о душе мне понравилась. Мои волосы и одежда пахли сигаретным дымом и кислым шампанским, как жизнь другой Маргарет. Прямо сейчас мне снова нужно было стать собой.

Я захожу в ванную, выложенную белой плиткой и закрываю за собой дверь. Кожаное платье неохотно с меня снимается, моё тело горит, когда я его стягиваю. Я понимаю, что дизайнерское платье стоит тысячи фунтов, Ромола возможно хотела бы, чтобы я его вернула. Что ж, я отправлю его завтра ей по почте. Сейчас я позволяю ему упасть на пол, как сброшенная кожа. Мой кулак сжимается вокруг жар-птицы, и я приподнимаю кулон на шею.

Только когда я стою в душе, и горячая вода струится по мне, я осознаю, и очень отчетливо, что я совсем обнаженная и Тео всего в нескольких шагах от меня. Я говорю себе, что нет причины вести себя странно, Тео практически жил в моем доме в последние несколько лет, в конце концов. Я мылась и спала, и стригла ногти на ногах, когда Тео был в другой комнате.

Но сейчас всё кажется по-другому.

Вокруг меня клубится пар, и я ныряю под душ, чувствую, как кудри намокают от горячей воды, и она струится по лицу. Я пытаюсь думать только о том, что нужно смыть запах сигарет. Вместо этого мои мысли упорно возвращаются к тому, как Тео заключил меня в объятия в клубе или как я прижалась к нему в лифте и это казалось самой естественной вещью в мире.

Что-то всегда было, между мной и Тео. Не потому что он флиртовал со мной, он флиртует с каждой женщиной, которую встречает, и даже с несколькими парнями. Он даже флиртовал с Ромолой, отведя её на секунду в сторону в клубе, прежде чем увести меня оттуда. Флирт — это то, что Тео делает инстинктивно, не думая, так остальные люди дышат. Как бы то ни было, я поняла, что чувства Тео ко мне изменились, потому что он стал меньше флиртовать со мной. А когда он всё же это делал, слова приобретали вес, внимание, которое он мне уделял теперь имело значение, и мы оба это знали.

Я всегда говорила себе, что ничего никогда не случится. Тео старше меня. Тео вспыльчивый и эгоистичный и его высокомерие совершенно отпугивало бы людей, если бы не его блестящий ум. Временами, когда он не спал два дня подряд и ходил кругами по нашему дому, говоря больше формулами, чем словами, в нем было безрассудство, как будто он намерен расширить свои пределы вплоть до саморазрушения, и может быть еще дальше. Поэтому я говорила себе, что люблю Тео, как друга. Ладно, друга, который странным образом привлекателен, но, всё же, только друга.

Но за прошедшие два дня я увидела Тео с новой стороны. Может быть, я наконец-то увидела настоящего Тео. Почему я когда-либо сомневалась в нём? Возможно, по той же причине, что доверяла Полу. Очевидно, я совсем не разбиралась в людях.

Пол, где-то там. Прямо сейчас единственное, что я могу сделать, чтобы подготовиться ко встрече с ним, это поспать. Тео со мной и этого достаточно.

Я закрываю воду, вытираюсь и второй раз чищу зубы. Жар-птица возвращается ко мне на шею даже прежде, чем я вытерла волосы. Длинная футболка свисает с одного из крючков, и я надеваю её. Бледно-розовый цвет немного просвечивает, и я даже не подумала о том, чтобы взять чистое белье. Но в спальне темно, это не будет иметь значения.

Выйдя из ванной, я вижу, что Тео стоит у окна, руки на подоконнике. Лунный свет раскрасил его черные волосы, заставил их блестеть. Через секунду он поворачивается и смотрит на меня, и тогда то же самое электричество искрится между нами, и я чувствую себя так, словно футболка полностью прозрачная. Но я не двигаюсь. Я просто стою, глядя на него.

Тео первый нарушает тишину.

— На первый взгляд, я не вижу никого на улице, кто наблюдал бы за зданием. Никто не шел за нами из клуба, по крайней мере, насколько я мог видеть.

— Ох, да. Хорошо.

Почему я об этом не подумала? В эту секунду я понимаю, что у меня в крови больше алкоголя, чем должно быть. Я падаю на кровать, комната крутится передо мной.

— Думаешь, Пол знает, что мы здесь?

— Если он додумался проверить.

Конечно, он проверяет, чтобы узнать, не преследует ли его кто-нибудь, хочу ответить я, но потом останавливаюсь. На моем лице расплзается улыбка.

— Пол не знает о других Жар-птицах, — говорю я. — Ты держал это в секрете ото всех. Даже от него.

— Иногда выгодно быть скрытным ублюдком, — усмехается Тео в ответ. Однако, я догадываюсь, что он не совсем уверен. — Всё же мы не можем предполагать, что у Пола нет больше фокусов в рукаве. Мы однажды недооценили его. Давай больше не будем так делать.

— Ты прав, — моя злость на Пола снова угрожает вырваться наружу, но я заставляю себя оставить её. Всё моё тело болит, голова как в тумане и словно не моя, мысли беспорядочны. Мне нужно поспать.

Голос Тео становится мягче.

— Эй. Брось мне подушку, ладно? Сделаю себе собачью постель на полу.

Я бросаю ему одну из подушек, он вытаскивает одеяло из изножья кровати. Так тихо, что я слышу шуршание ткани. Когда я засовываю ноги под покрывало, он выключает свет, и мы снова оказываемся в темноте.

Я медленно ложусь, но ощущаю его присутствие. Мой дыхание становится быстрее, сердце молотком стучит у меня в груди.

Волноваться глупо. Я доверяю Тео. Нет причин волноваться о том, что он что-нибудь сделает.

Потом я понимаю, что Тео — не человек, в котором я не уверена. Чего я не знаю, это того, что могу сделать я.

Это было бы так просто, так хорошо забыть все, кроме этой постели и своей кожи.

И это Тео. Единственный человек, на которого я могу положиться, которого я хочу держать ближе, чем любого другого...

Мой шепот, это единственный звук в комнате.

— Тебе не нужно спать на полу.

На секунду мне ответом была только тишина. Потом Тео встает со своего места в ногах моей кровати. Его силуэт очерчен лунным светом, и я понимаю, что он снял футболку перед сном.

Не говоря ни слова, он обходит кровать, садится рядом, прижимаясь бедром к моей ноге. Матрас прогибается под ним, и я немного скатываюсь к нему. Тео ставит руку рядом с моей подушкой. Другой рукой он отводит влажные кудри от моего лица. Я хочу сказать ему что-нибудь, но не могу придумать что. Всё, что я могу, это лежать, часто и прерывисто дышать, смотреть на него снизу-вверх, желая, чтобы он снова прикоснулся ко мне и ужасаясь от того, что он это делает.

Тео медленно наклоняется ко мне. Моя футболка немного приоткрывает плечо, и его губы прикасаются ко мне там, вдоль линии ключицы, поцелуй длится всего секунду. Я лежу словно громом пораженная.

Он шепчет:

— Попроси меня снова, когда мы будем сами собой, — потом он поднимает голову с мягкой улыбкой. — В следующий раз я не остановлюсь на твоём плече.

С этим он поднимается с кровати и идет на свое место. Я уже знаю, что до утра он не скажет ни слова.

Должна ли я чувствовать себя униженной или польщенной? Но мое сердцебиение успокаивается, я чувствую себя в безопасности с Тео, в большей безопасности, чем я чувствовала себя после того, как мы узнали о папе. Потому мне легко закрыть глаза, расслабиться и заснуть.

Я просыпаюсь от звуков смеха.

На одну короткую секунду я думаю, что вернулась домой. Столько раз я просыпалась под звуки смеха моих родителей и сестры, и может быть их ассистентов. Голоса приплывали ко мне в комнату с запахом черничных вафель. Но нет. Я всё еще в спальне другой Маргарет, в её теле, в её мире.

Я ни за что не надену эту розовую футболку при свете дня, поэтому я копаюсь в тумбочке, надеясь найти что-нибудь, что можно надеть. Потом мои пальцы касаются шелка, и я поднимаю канареечно-желтый халат-кимоно с утонченной вышивкой. Это меня поражает, как ни странно, потому что это выглядит, как моя вещь. Маргарет из этого измерения увидела этот шелковый халат и отреагировала так же, как могла бы я, потому что мы — один и тот же человек, хотя я все еще не могу до конца осознать это.

Я оборачиваю халат вокруг себя и тороплюсь на кухню. Иллюзия моей прежней жизни не проходит, потому что я клянусь, что могу чувствовать запах черничных вафель...

— Ах ты непослушный мальчик, — воркует тётя Сюзанна, и она все еще смеется над своей шуткой, когда я захожу и вижу её сидящей за кухонным островком, когда Тео занят у плиты. Он одет в майку и боксеры, у него тяжелый случай щетины и ухмылка.

— Мы только познакомились, а у вас уже есть мой номер, — говорит Тео, наливая тесто на сковородку. Закончив, он поднимает глаза и видит меня. — Доброе утро, Мег!

— Гм, привет, — слабо говорю я. — Ты, готовишь завтрак?

— Черничные блинчики. Я узнал рецепт у мастера, — под этим Тео имеет в виду моего отца. — Они подразумевались, как вафли, но у Сюзанны шокирующий дефицит вафельниц.

— Виновна, каюсь, — руки тёти Сюзанны сложены под подбородком, жест, который выглядел бы детским даже у кого-то моего возраста, не то что её. Я помню из своих прошлых поездок в Лондон, что она так делает, когда хочет скрыть морщины на шее.

О боже, она с ним флиртует. Я могла бы приревновать, если бы это не было так смешно.

Тео, конечно, флиртует в ответ.

— Девочка, кто-то должен отвести тебя в магазин.

— Не думай, что я не искала папочку, — говорит она. — Конечно, все сложилось как надо. Может быть мне стоит стать мамочкой для разнообразия.

— Интригующее предложение, — он поднимает свою изогнутую бровь, потом переворачивает блинчик.

Я больше не могу на это смотреть.

— Я пойду оденусь, — сообщаю я и тороплюсь обратно в свою комнату.

Мой шкаф дома наполнен платьями, летящими юбками, цветочными рисунками, яркими цветами, вязаными и кружевными вещами. Этот шкаф больше похож на журнальную страницу, демонстрирующую самые дорогие и непрактичные дизайнерские вещи в мире. Но я нахожу простую серую футболку и серые слаксы, которые подойдут, и одну пару туфель, которая выглядит так, что не убьет мои ноги.

Выходя я встречаюсь с тётей Сюзанной, которая прогуливается обратно в свою комнату с тарелкой в одной руке и вилкой в другой, на тарелке лежит один последний кусочек блинчика. Она сияет и говорит мне театральным шепотом:

— Мне нравится этот. Он умнее, чем твои обычные.

Кого еще Маргарет приводила домой после клуба? Я не хочу об этом думать.

Меня ждет тарелка блинчиков на кухонном островке, и мой желудок благодарно урчит.

Тео стоит у раковины, опираясь руками на стойку, и не поднимает головы, когда я вхожу.

— Спасибо, — говорю я и сажусь завтракать. — Хорошо, что мы рано начали. Но ты мог бы разбудить меня.

— Да, думаю, — он кажется отвлеченным, более усталым, чем раньше. Возможно, он плохо отдохнул на полу.

— Тесто для блинчиков такое же, как для вафель? — откусив кусочек, я понимаю, что на вкус они правильные. — Ты уже ел?

— Что?

Я поднимаю глаза от тарелки, чтобы увидеть, как Тео смотрит на меня. Он выглядит смущенным, даже нервным...

И тогда я понимаю. Вокруг его шеи не висит Жар-птица. Он должно быть снял её прошлой ночью перед сном, но сейчас память начала его подводить. В течение нескольких последних минут Тео начал терять контроль над телом, терять сознание.

Мама не совсем ошибалась насчет нашего сознания, ускользающего в альтернативном измерении, как выяснилось.

— Тебе нужно напоминание, — я роняю вилку, подхожу к нему и хватаю за руку. Осталось достаточно от моего Тео, чтобы он не сопротивлялся или не задавал вопросы, когда я тащу его обратно в свою спальню.

Я слегка толкаю его, и он тяжело садится на кровать. На секунду он снова становится сам собой и улыбается.

— Разве мы не проходили через это прошлой ночью?

— О боже, прекрати флиртовать хотя бы раз в жизни, — я копаюсь в его одежде, лежащей на полу и нахожу Жар-птицу. — Просто надень это, ладно?

— Надеть, что?

Он уже забыл о ней. Кажется, он не замечает такой же кулон у меня на шее. Мама объяснила это однажды. Поскольку Жар-птица принадлежит к нашему измерению, её будет очень сложно заметить жителю другого измерения. В ту секунду, когда я привлекаю его внимание к кулону, теоретически, Тео может увидеть его, но в обратном случае он окажется вне поля его зрения.

Хорошо, что это на самом деле работает. В другом случае, люди внезапно начинали бы сходить с ума из-за того, что на их шее появляется Жар-птица и снимали её, дестабилизируя путешественников, которые только что прибыли. Но люди могут носить её месяцами не замечая. Физика, странная штука.

— Держись, — говорю я ему, беру его Жар-птицу в руку, нахожу последовательность, которая инициирует напоминание, потом отпускаю его за мгновение до того, как вокруг него вспыхивает бело-голубой свет.

Они говорили мне, что это будет больно. Они не сказали, насколько. Тео сгибается почти в конвульсиях, потом шепотом выругивается и падает вперед, и на секунду мне я думаю, что он потеряет сознание.

— Шок? — спросила я маму, когда она рассказала мне об этом. — Напоминание — это только электрический разряд?

Она широко улыбнулась, как будто мы разговаривали о бабочках и радуге.

— Совсем нет. Напоминание — это достаточно тонкая резонансная вещь. Он просто ощущается, как электрический шок.

— Тео? — я наклонилась вперед, положив руки ему на плечи. — Ты снова в порядке?

— Да, — он смотрит на меня снизу вверх широкими глазами и тяжело дыша, потом повторяет. — Да.

Как будто я спорила с ним.

— Это было близко, — я положила руку себе на грудь, чтобы удостовериться, что жар-птица всё еще там. Изгиб твердого металла в моей ладони успокаивает меня и заставляет задуматься. Понадобится ли мне в итоге напоминание?

Тео побледнел и держится за кровать, словно ожидает землетрясения. Под моим вопросительным взглядом он говорит:

— Мне нужно несколько минут, ладно?

— Конечно, — это должно быть так же ужасающе, как и больно. Поэтому я мягко взъерошиваю его уже торчащие волосы и иду обратно на кухню, где приканчиваю свои блинчики и обдумываю планы.

Если Пол еще не на пути к нам, мы направимся к нему в течение часа. Должен быть монорельс, который быстро доставит нас в Кембридж, так? Или даже поезд. Мы найдем его прежде, чем он найдет нас. И потом, мы убьем его.

От моего внимания не ускользнуло, что Пол, которого мне нужно уничтожить, на самом деле пассажир в теле другого Пола Маркова. Хотя сейчас мне кажется, что такой злой человек, как Пол будет злым в любом измерении, я не знаю этого достоверно. Поэтому, все не так просто, как найти его и, я не знаю, пристрелить.

Потому что есть некоторые действия с Жар-птицей, которые могут быть опасны для путешественника внутри тела. Тео рассказал мне об этом.

Фактически, решаю я, мы должны обсудить это прежде, чем сделаем что-то еще, даже прежде, чем покинем дом.

Увидев цель, я ставлю тарелку в раковину и возвращаюсь в спальню, чтобы поговорить с Тео. Однако, войдя, я не вижу его. Его одежда всё еще лежит на полу, но я не вижу его тонкую черную куртку.

— Тео? — я захожу в ванную, и пройдя два шага, я понимаю, как грубо было это сделать, даже не постучав.

Увидев его, я сразу же понимаю, что он хотел остаться один. Я также понимаю почему. Потому что Тео, мой проводник, распростерт на плиточном полу, у него в вене шприц.

Глава 6

— Тео? — я делаю шаг вперед и по какой-то дурацкой причине мне стыдно, что я вижу его таким.

Сразу после стыда приходит гнев. Почему я должна быть смущена? Не я под кайфом посреди чего-то настолько опасного, настолько важного...

Тогда Тео стонет и переворачивается на бок на полу ванной. Он совершенно, абсолютно невменяем.

— Ох, дерьмо, — я падаю на колени и переворачиваю его на спину. Тео, похоже, даже не понимает, что я здесь. — Что ты делаешь?

Глаза Тео сфокусировались на мне только на секунду, и он выдал одно слово:

— Извини.

— Извини? Простить тебя?

— Да, — говорит он. Моя злость сейчас далека от него, как я догадываюсь. Весь мир далёк от Тео на данную минуту.

Я хватаю маленькую бутылочку, которую вижу на полу в ванной, она все еще наполовину наполнена жидкостью ярко-изумрудного цвета. Что за наркотик так выглядит? Должно быть, что-то из этого измерения, потому что я никогда раньше такого не видела.

Я пытаюсь поправить его на полу, чтобы он не сворачивался в клубок у тумбы. Он реагирует немного, повернувшись и положив голову мне на колени. Со вздохом я сажусь на холодную плитку, прислоняюсь спиной к стене, и развязываю резиновый жгут, который он завязал вокруг предплечья. Не нужно оставлять его надолго.

Я чувствую его дыхание, глубокое и равномерное, и его грудь поднимается у меня на коленях.

Прислонившись головой к тумбе, я стараюсь успокоиться. Но это сложно. У Тео, не всё в порядке с головой. Я это знала. Мы все начали понимать это. Его смелость и верность не меняет этого важного обстоятельства.

Я больше не могла быть уверена, что на Тео вообще можно полагаться в любых обстоятельствах, не то что в таких, как сейчас.

Хотя я не хочу этого признавать, Пол был первым, кто предупредил меня насчет Тео, первый, кто осознал, насколько далеко всё заходит, кто пытался что-то сказать. И, должно быть, он давно это подозревал, но держал при себе. Только Происшествие заставило его заговорить.

Происшествие случилось два месяца назад, и это единственный раз, когда я видела, как мои родители злятся на Тео. Позже они сделали вид, словно ничего не произошло, но все равно, это осталось у меня в памяти.

В тот день я проводила время с моей сестрой, Джози, которая приехала домой на выходные из Скрипс³. Она помогала мне подготовиться к усложненным экзаменам, которые могли быть сложными, когда обучаешься дома и не планируешь сдавать стандартизированные тесты.

Я знаю, каким бывает стереотип домашнего обучения для людей, которые первый раз слышат это слово. Они предполагают, что это очень религиозное и не очень сложное образование, например, когда все садятся в круг и целый день изучают, как Бог создал динозавров, чтобы пещерные люди на них ездили.

В моем случае, однако, мои родители забрали Джози из государственной школы, когда учительница в детском саду сказала, что то, что она уже читает на уровне пятого класса, невозможно, поэтому она явно просто научилась произносить слова, не понимая их. Я, в свою очередь, никогда не переступала порог настоящей школы. Из того, что я слышала, я не много пропустила. Вместо этого мама и папа выстроили в очередь толпы репетиторов, их аспирантов и ассистентов из других областей университета, и заставили меня и Джози работать усерднее, чем кого бы то ни было. Время от времени они приводили других детей профессоров, чтобы мы были «хорошо социально развиты».

Другие дети стали моими друзьями, но по большей части, мы проводили время вдвоем с сестрой. Поэтому Джози и я узнали о современной литературе от будущего профессора, которая по большей части заставляла нас изучать свои тезисы о Тони Моррисоне. Уроки французского проходили с разнообразными носителями языка, от которых мы получили смесь диалектов и акцентов — Парижский, Гаитянский, Квебекский. И каким-то образом

мы справились с научными классами, которые преподавала моя мама, и определенно они были самыми сложными из всех.

Был субботний день, облачный и ветреный. Мои родители были в университете, работая в лаборатории, Пол и Тео должны были работать над выкладками здесь, но Тео выманил Пола наружу, чтобы посмотреть последние модификации своей обожаемой прокачанной машины. Поэтому мы с Джози были предоставлены сами себе.

Вместо того, чтобы помогать мне готовиться, Джози ворчала.

— Да ладно, — сказала Джози, поигрывая с длинной плетью мамино филодендрона. — Тебе понравится Институт Искусств.

— В Чикаго зимой слишком холодно.

— Нытик-нытик. Купи пальто. Кроме того, не похоже, чтобы в Рис-ли или Рис-ми никогда не было холодно...

— Ризди, — так большинство людей сокращают название Школы Дизайна Род Айланда. — И да, я знаю, но все равно это самое лучшее место, чтобы учиться реставрации в стране.

Джози послала мне многозначительный взгляд. Мы достаточно разные для сестёр, она среднего роста, а я высокая, она спортивная, а я совершенно нет. Она унаследовала любовь к науке от наших родителей, и идет по стопам отца, чтобы стать океанографистом, я — в семье белая ворона, художница. Джози — спокойная, а я схожу с ума по пустякам. Однако, не смотря на все различия, иногда она может заглянуть мне в душу.

— Почему ты учишься реставрации вместо того, чтобы учиться быть художником?

— Я собираюсь попробовать стать художником...

— Быть или не быть, а не пытаться, — сказала Джози своим лучшим голосом Йоды, который звучал устрашающе правдоподобно. — Ты хочешь быть художником. Отличным художником. Так будь им. Институт Искусств в Чикаго отличное место для этого, правильно?

— Раскин, — слово вылетело у меня изо рта, прежде, чем смогла остановить себя. Джози посмотрела на меня так, что я поняла, что она не собирается пропустить это. — Школа Искусств Раскина в Оксфорде. В Англии. Это было бы, лучше всего.

— Хорошо, не смотря на то, что я буду скучать по тебе как сумасшедшая, если ты уедешь в Англию, ты не думаешь, что стоит по меньшей мере подумать о том, чтобы поступить в место своей мечты? Потому что, поверь мне, никто кроме тебя не отправит тебя туда, — потом она отвлеклась от своей лекции. — Что это за штука?

Как я уже говорила, родители обычно не работали с крутыми устройствами, словно вышедшими из научно-фантастических фильмов. Это было одним из исключений.

— Это придумала Корпорация Триад.

Джози нахмурилась.

— Я никогда этого раньше не видела. Что это?

— Это не для потребителей. Ты знаешь, что Триад помогает маме и папе в исследованиях, да? Ну, это для измерения резонанса между измерениями. Я думаю.

Иногда я отключалась от болтовни о технике. Это механизм выживания.

— Это должно мигать красным?

Однако, я отключалась не от всего.

— Нет.

Я быстро подошла к Джози. Устройство от Триады было похоже на простой

металлический ящик, но передняя панель обычно показывала различные синусоиды разных оттенков голубого или зеленого. Сейчас оно пульсировало стаккато красными вспышками.

— Может быть, я не ученый, но, чтобы понять, что красный, значит плохо, не нужна степень.

Моим первым порывом было открыть дверь гаража и позвать Пола и Тео, но Тео иногда паркуется вдоль дороги. Поэтому я вместо этого схватила сотовый. Я набрала номер Пола, и он ответил, коротко и отрывисто, как всегда.

— Да?

— Эта штука от Триад, в углу? Он должна мигать красным?

Он думал меньше секунды. Когда он снова заговорил, от его слов у меня пошли мурашки:

— Уходи оттуда. Сейчас же!

Я повернулась в Розы.

— Беги!

Она сразу же понеслась, она была умной. Я? Не совсем. Я скинула туфли до этого, и провела три драгоценные три секунды, снова надевая их, прежде, чем метнуться двери. В тот же момент, когда я достигла порога, вспышка была такой же быстрой, как при фотографировании, но в сотню раз ярче. Я закричала, потому что у меня заболели глаза, у меня закружилась голова, возможно, от того, что я слишком быстро двигалась. Потеряв равновесие, я запинаясь вышла на крыльцо и пыталась вдохнуть, но это было сложно, как будто меня ударили в живот.

Потом большие сильные руки сомкнулись у меня на плечах, и, когда ко мне вернулось зрение, я смотрела в глаза Пола.

— Маргарет? Ты в порядке?

— Да, — я наклонилась вперед, пытаюсь найти угол, под которым смогу стоять. Начался прохладный дождь, но очень мелкий, почти как туман. Мой лоб был прижат к его широкой груди, я чувствовала, как быстро бьется его сердце под влажной футболкой, как будто это он боялся.

— Что случилось? — Тео бежал через двор, его Док Мартинсы хлюпали в грязи.

— Маргарет? Что произошло? — Джози тоже прибежала.

— Эта проклятая машины Триады, вот что случилось! — Пол продолжал меня держать, его ярость потрясла меня даже тогда, возможно, обнажая настоящего Пола. — Ты настроил её, чтобы прогнать тест на перегрузку?

— Нет! Ты сошел с ума? Ты знаешь, что я не сделал бы этого и не оставил её без внимания.

— Тогда почему она была перегружена? — потребовал Пол.

— Что? Она перегружена? — Тео выглядел таким пораженным. — Иисусе. Как это произошло?

— Что почти произошло? — потребовала Джози. — Я вообще хочу это знать?

— Нет, не хочешь, — пальцы Пола напряглись у меня на плечах, он сжимал меня так сильно, что остались синяки. Я не могу объяснить, как это пугало и успокаивало одновременно, но так и было. Он больше не смотрел на меня. — Тео, кто тебе её дал? Это был сам Конли? Кто-то из Триад мог настроить тест, не понимая, что делает.

Тео оскорбился.

— Не будь таким параноиком. Ты можешь это сделать хоть раз? — его голос смягчился,

и он добавил. — Дыши глубже, Мег. Ты в порядке?

— Я в порядке, — сказала я, и к тому времени так и было. Я убрала руки Пола, чтобы стоять самостоятельно. Джози подошла ко мне, но она была достаточно умна, чтобы не поддерживать меня, она просто стояла рядом.

Пол пошел через туман в направлении Тео, он на пять дюймов выше и гораздо шире, но Тео даже не вздрогнул, даже когда Пол ткнул его пальцем в грудь.

— Кто-то настроил тест на перегрузку. Это был не ты. Это был не я. Значит, это была Триада. Это не паранойя. Это факт.

Несмотря на то, что Тео явно хотел поспорить, он сказал:

— Ладно, хорошо, может быть, они совершили ошибку.

— Ошибку, которая могла причинить вред Маргарет! Ошибку, которую ты должен был поймать, если бы обратил внимание на неё. Но ты не был внимателен, да?

— Я уже признал, что это моя вина...

— Просто признать недостаточно! Ты должен работать лучше. Ты должен сохранять остроту ума. Если нет, и, если ты снова поставишь Маргарет под угрозу, будут последствия, — Пол наклонился к Тео, пользуясь своим телосложением и ростом, чтобы напугать его. — Ты меня понимаешь?

Тело Тео напряглось, и на секунду я подумала, что он толкнет Пола в ответ. Но искра потухла так же быстро, как и зажглась. Он тихо сказал:

— Я слышу тебя, братишка. Правда. Ты знаешь, что я себя дерьмово из-за этого чувствую, да?

Они не были братьями, два года назад они были даже не знакомы, но это прозвище каким-то образом имело значение для них обоих. Тео тоже брал Пола под свое крыло. Пол, казалось, обожествлял Тео, он больше восхищался, чем завидовал легком юмору Тео и его сумасшедшей жизни. Сложно представить, что Пол лгал в тот день, когда его взгляд смягчился и он сказал:

— Я знаю, что ты никогда не сделал бы ничего такого нарочно, Тео. Но ты не можешь позволить себе отвлекаться. Ни на что.

— Слушай, разрешите мне самому рассказать об этом Софии и Генри. Я ничего не буду скрывать. Просто, я заслуживаю того, чтобы выслушать это из их уст, знаете? — сказал Тео, глядя на нас троих по очереди.

— Ладно, — сказал Пол, и взглянул на меня в ожидании подтверждения. Джози довольно долго сомневалась, потом тоже кивнула. Тео наклонил голову, почти кланяясь, потом пошёл обратно к машине.

Пол подошел обратно ко мне, провожая меня в дом. Очевидно, находиться внутри снова было безопасно. Джози следовала за нами, указывая на устройство.

— Мы можем убрать эту штуку?

— Хорошая мысль, — сказал Пол. — Унесем её из дома. Вероятно, нам вообще не стоило приносить её сюда.

Джози взяла устройство в руки, эта штука оказалась тяжелой, и направилась наружу, оставив меня и Пола наедине.

Он отвел волосы с моего лица, и я внезапно застеснялась. Поэтому я попыталась отшутиться.

— Ну что, я теперь радиоактивна? Или у меня будут суперспособности?

— Нет, и я в этом сомневаюсь.

— Эта штука почти отправила меня в другое измерение?

— Она временно ослабила границы. Это всё. Любые другие эффекты только теоретические, — Пол моргнул и убрал от меня руки. Я обхватила себя руками и отступила назад. Как раз тогда, когда я подумала, что никто из нас не сможет придумать, что сказать, Пол добавил. — Я думаю, что хм, факультативная деятельность Тео отнимает у него концентрацию.

— Я не хочу думать об этом. Ничего плохого не случилось, правда?

— Правда.

Его взгляд встретился с моим, и я вспомнила, как он держал меня в объятиях. Дотрагивался до моих волос. Это был первый раз, когда мы были так близко, и даже тогда я думала об этом, как о первом разе. Не единственном.

Я начала думать о том, кем еще мы с Полом могли быть друг для друга...

Никем, я яростно повторяла себе. Нет, это неправильно. Он тебя предал. И ты будешь его концом.

Тогда я говорила себе, что происшествие не было знаком неполадок в жизни Тео, что это было много шума из ничего, но я была права.

Я поняла это, сидя на полу ванной, с затекшей спиной, добрых полчаса, после того, как я нашла Тео в таком состоянии. Пол мог лгать насчет всего остального, но может быть он на самом деле думал о Тео, как о своем «брате», по меньшей мере хоть чуть-чуть. Может быть, он достаточно заботился о нем, чтобы желать помочь Тео.

Или, может быть, Пол хотел только поколебать моё доверие к Тео, чтобы я полностью доверилась ему.

Моя рука устроилась на голове Тео, у него густые и шелковистые волосы, вьющиеся у меня в ладони. Его рука безжизненно лежит у меня на ногах. Я ищу маленькую татуировку над его запястьем, которую он обещает объяснить, но никогда этого не делает, но это глупо. Очевидно, Тео в этом измерении не увлечён боди-артом.

Он медленно шевелится, зарываясь мне в живот, как будто я подушка, и потом внезапно рывком садится рядом со мной. У него заспанные глаза, чувственные и расфокусированные, но я всё же понимаю, что он почти пришел в себя.

— М-м-м-м. Сколько я был в отключке?

— Тридцать минут или около того, — Тео получил от меня последний перерыв. Я подняла бутылочку с зелёной жидкостью. — Что это за дерьмо?

Потом я начинаю сожалеть о том, что слишком жестока к нему, потому что он так отчаянно стыдится.

— Домашнее средство, — сказал он низким голосом. — Что-то, чем пользуется этот Тео, должно быть он приготовил это с химиками. Это адское зелье.

Он шутит насчет «зелья», когда мы в гуще чего-то такого опасного? Такого важного? Я в любом случае должна была вызвать скорую помощь, Тео она понадобится прежде, чем я с ним закончу.

Но потом он добавляет:

— Это запускает в тебя когти. Ему, нам, нужна была доза. Я пытался бороться с этим, но это тело принадлежит этому измерению, знаешь ли, ему нужно то, что ему нужно. Когда я здесь, я должен играть по правилам этого мира.

— Это не только здесь, правда? — спрашиваю я. Если так и есть, Тео рассказал бы мне о зависимости его другого воплощения от наркотиков, его таинственность, кажется,

указывает на что-то еще. — Ты принимаешь наркотики и дома. Разве нет? Мы все подозревали.

Тео проводит рукой по его лицу, его взгляд приобретает свою обычную остроту и ясность.

— Я не наркоман, — наконец говорит он. — Не дома. Это, больше моральная зависимость, на самом деле. Иногда мне нужно выйти из своей головы, чтобы заткнуть голоса, которые говорят мне, какая я задница, — стыд ярче окрашивает его лицо. — Я ненавижу то, что нуждаюсь в этом. Но это так.

— Сколько ты принимаешь наркотики?

Он вздрагивает, но его голос тверд.

— Только последние несколько месяцев, и это никогда не вставало на пути у работы. Никогда. Я клянусь тебе.

Он забыл о Происшествии? Мама и папа потеряли самообладание, когда он сказал им. Я потираю свою ноющую руку, которая почти уснула, когда Тео расположился на ней.

— Ладно.

— Прости, что я вырубился на тебе, — продолжает Тео. Он протягивает руку к моей ладони, словно собирается взять её, но останавливается. — Все уже закончилось, ладно? Совсем закончилось.

Я киваю и встаю на ноги.

— Только одно...

— Да?

— Я полагаюсь на тебя, — мой голос немного дрожит, но я не пытаюсь успокоить его. Пусть Тео видит, какую боль мне причинил. — Мы должны остановить Пола, не важно что случится. Я не смогу сделать это без тебя, и ты не сможешь, если всё время будешь под кайфом. Поэтому соберись.

Он выглядит уязвленным, но я не хочу чувствовать себя виноватой. Тео всегда умудряется слезать с крючка со своими щенячьими глазами, но не в этот раз.

— Ты мне нужен. Весь, без остатка. Не смей снова так со мной поступать, — я измеряю Тео своим самым суровым взглядом. — Ты понимаешь?

Он кивает и смотрит на меня снизу-вверх с выражением, которое похоже на уважение.

— Приведи себя в порядок, — говорю я и показываю на душ. — У тебя пятнадцать минут. Потом мы уходим отсюда. У нас есть работа.

Глава 7

Тео вышел из моей комнаты отмытым дочиста. Он надел свежую футболку из рюкзака, серую с изображением какой-то рок-группы, которую я не знаю, возможно, из шестидесятых, The Gears. Он был свежевыбрит и пах мылом, его влажные волосы были зачесаны назад в такой манере, которая на другом мужчине выглядела бы почти респектабельно. Когда его глаза встретились с моими, я ожидала увидеть смущение, но вместо этого Тео выглядел решительно. Сосредоточенно. Хорошо. Мне от него нужно больше, чем раскаяние.

Сначала никто из нас не знал, что сказать, и он не мог долго смотреть мне в глаза. Я смотрю на его футболку, потому что это менее неловко, чем смотреть ему в глаза, и потом я понимаю, что узнаю нескольких участников The Gears.

— Подожди. Это Пол Маккартни и Джордж Харрисон, но кто остальные?

— Без малейшего представления, — Тео берётся за свою футболку и смотрит вниз. — Очевидно, они не встретили Джона Леннона и даже Ринго Старра. Хотя эти парни кажутся довольно знаменитыми сами по себе.

В этой вселенной нет Beatles. Мне становится грустно от того, что нет группы, которая распалась за десятилетия до моего рождения. Папа был огромным поклонником Beatles. Его любимой песней была «Im My Life» и он напевал её, убирая на кухне после ужина.

Воспоминание причинило мне боль, и мне это не нравится, потому что я ненавижу, когда хорошие воспоминания превращаются в вещи, которые причиняют боль, но мне нужна боль.

Тётя Сюзанна сушит феном волосы, поэтому мы можем сбежать из квартиры без тошнотворного флирта между ней и Тео. Когда лифт везет нас на первый этаж, я пытаюсь разработать план.

— Хорошо. Сначала нам нужно понять, уехал или нет Пол из Кембриджа...

— Забудь это, — Тео надевает куртку. — Если он всё еще в Кембридже, то это не тот Пол Марков, который нам нужен. Если Пол появился в этом измерении, если он в этой версии Пола, тогда он в дороге. Обещаю.

Это казалось слишком большим предположением.

— Ты знаешь что-то, чего я не знаю?

— Я знаю, что Пол был параноиком насчет Корпорации Триада в последние несколько месяцев, — отвечает Тео. — Как будто парни, которые финансируют нас, будут саботировать исследования, за которые платят. Нет смысла, правильно? Но теперь я думаю, что Пол, не размышляя трезво. Давай скажем так.

Может быть, в этом тайна. Пол провел несколько месяцев, медленно сходя с ума. Мы думали, что он вел себя нормально, но он всегда был таким тихим, таким замкнутым, что нельзя было догадаться, что происходит у него внутри.

— Это имеет смысл. Но как это поможет нам?

— Корпорация Триада может быть самой большой технической корпорацией, но все знают, что все сводится к одному человеку — Ватту Конли, — Тео с триумфом поднимает запястье и проецирует голографическое изображение статьи в новостях. Новизна технологии исчезает, когда я читаю заголовок: **КОНЛИ ВЫСТУПИТ НА ТЕХНИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЛОНДОНЕ.**

— Он здесь, — говорю я, прочитав дату. — Ватт Конли сегодня в Лондоне.

— Что значит, что нам не нужно искать Пола. Мы найдём Конли, потому что, если наш Пол здесь, он сначала направится к Конли.

Логично предположить, что Конли здесь тоже будет техническим гением. Ему всего тридцать, но его считают одним из гигантов, по большей части потому, что он разработал ключевые элементы смартфона, когда ему было всего шестнадцать. Триада вероятно самая престижная корпорация в мире, у неё блестящий ультрасовременный офис, который строится неподалеку от моего дома в Беркли Хиллз, и она производит гаджеты, за которым люди становятся в очередь за два дня до выпуска. Я в частности думаю, что глупо так волноваться из-за телефона, который на два миллиметра тоньше, чем предыдущий, но я не возражаю, потому что деньги Триады сделали возможной мамину работу.

Я думаю, что Пол повернулся против всех, кто ему помогал.

Двери лифта раскрываются, и мы выходим в шикарный зеркальный холл. Выходя, я улыбаюсь швейцару, холодный декабрьский воздух треплет мои волосы и куртку Тео.

Швейцар кажется удивленным, не думаю, что эта Маргарет считает нужным быть вежливой с людьми. Когда мы снова одни, я спрашиваю:

— Откуда ты знаешь, что Пол сначала не начнет выслеживать нас?

Тео пожимает плечами.

— Я не знаю. Но в любом случае, нам не нужно терять время на его поиски. Драка сама идет к нам.

Техническая конференция проводится в очень шикарном отеле в центре города. Мы с Тео направляемся к одному из сверкающих монорельсов, который скользит над толпой.

— Как мы попадем туда? — спрашиваю я, когда мы садимся на пластиковые кресла. Над нашими головами голографическая реклама блестит и сверкает, как галлюциногенные Рождественские орнаменты. — На таких конференциях не продают билеты в дверях, да?

— Нет. Если Ватт Конли читает доклад, возможно, это штука стоит тысячу долларов за человека.

Мои глаза стали огромными. В этом измерении у меня больше денег, но это много, и такие дорогие билеты продаются заранее, не в день выступления. — Что мы будем делать?

— Мы пройдем без билета, — он смотрит на меня искоса, потом улыбается. — Поскольку это у меня преступные наклонности в нашей команде, оставь это мне, ладно? Когда мы пройдем через главный вход, никто не будет смотреть в нашу сторону дважды, если мы будем вести себя спокойно.

На этой конференции будут владельцы корпораций, миллионеры, и так далее, но на Тео — потертые джинсы, парка и футболка.

— Что насчет твоей одежды?

— Из нас двоих ты неправильно одета для технической конференции, хотя ты выглядишь сногшибательно, как всегда, — он уверен в себе, как обычно, как будто я не видела его без сознания и беспомощным на полу ванной час назад. Должна ли я быть в ярости или испытывать облегчение по этому поводу? Тео показывает на свои выдавшие виды джинсы. — Вероятно, я слишком нарядный, но думаю, сойдёт. Просто держись ко мне поближе.

— Хорошо.

У меня внутри нарастало беспокойство с приближением встречи с Полом. Или нет — может быть, мы всё поняли неправильно. Это совершенно не обязательно Пол Марков из нашего измерения. Что, если он сбежал в какое-нибудь другое место?

Тогда нам придется прыгать в совсем другое измерение, с новыми правилами и даже может быть большим расстоянием между нами. От этой мысли у меня разболелась голова.

И всё же, в другом измерении у меня могут быть родители. Оба. Сейчас я чувствую, что потеряла мать почти так же, как отца.

Что мама сейчас делает дома? Мы с Тео оставили сообщение с объяснением того, что мы делаем, она должно быть потеряла самообладание, прочитав его, но без собственной Жар-птицы она не могла последовать за нами. Ужасно думать о том, как она испугалась за меня и Тео, когда она только что потеряла отца, но, когда мы решили уйти, я не перестала думать о том, сколько нас не будет в собственном измерении. Пока что нас не было полтора дня.

Я думала, были ли уже похороны отца, у него даже не могло быть настоящих похорон, настоящего места упокоения...

Нет. Я не могу позволить этому отвлечь меня. Находясь так близко к цели, я должна

оставаться сильной.

— Научи меня пользоваться Жар-птицей, — говорю я, вытаскивая свою из-под рубашки.

— Ты поняла основы, да?

— Я имею в виду не основы, — это было сложно сказать. — Я имею в виду, покажи мне как убить Пола. Нашего Пола.

— Ты хочешь это сделать? — Тео оглядывается вокруг, мы окружены пассажирами. Но они так заняты своими голографическими экранами и наушниками, что не слышат ни слова их того, что я сказала.

Я настаиваю.

— Покажи мне.

— Слушай. Для твоей безопасности и сохранения моего рассудка, давай оставим эту часть мне, хорошо?

— Моя безопасность не самое главное.

— Говори за себя, — отвечает он, таким тоном, что я снова одновременно напугана и обрадована тем, что это может значить.

Мой голос становится мягче, но уверенность — нет.

— Ты должен показать мне это, на всякий случай, — в душе я знаю, что это моя работа убить Пола, но это не тот аргумент, который хочет услышать Тео. Если он обеспокоен безопасностью, то поговорим о ней. — Если с тобой что-то случится, я смогу защитить себя.

Тео все еще выглядит обеспокоенным.

— Ты понимаешь, что это непросто? Пол должен быть либо без сознания прежде чем ты это сделаешь, ибо тебе придется сорвать Жар-птицу с его шеи, если она на нём есть. Её может и не быть.

Пол мог спрятать её в безопасном месте. Но спорю на что угодно, он так не сделал. Мы с Тео все еще носим свои, потому что эта вещь слишком ценная, слишком уникальная, чтобы держать её где-то еще, а не рядом с сердцем.

— Я понимаю, — говорю я. — Покажи мне.

Тео наклоняется ближе и показывает мне достаточно сложную серию поворотов и изгибов в различных слоях и микросхемах Жар-птицы, пантомимой, конечно. Здесь столько шагов, что я вряд ли могу даже начать запоминать их.

— Почему это так долго? Как должен кто-то сделать это в момент кризиса?

— Никто не должен этого делать. Точка, — отвечает он. Его голова так близко к моей, что мои кудри касаются его щеки и он не отодвигает их. — Мы создавали способ путешествий между измерениями, а не оружие. То, что я показываю тебе, технически значит перезагрузку, то, что ты должна делать только в своем собственном измерении, чтобы позволить Жар-птице... подключиться к другому человеку, к другому резонансу между измерениями, понимаешь о чём я?

— Наверное, — я позволяю разочарованию взять верх. — Я бы хотела, чтобы это было проще, вот и всё.

— Это должно быть сложно, потому что это смертельно для любого, кто находится не в своем измерении. Мы не хотели, чтобы кто-то случайно это сделал во время путешествия.

Наблюдая, как Тео снова и снова повторяет последовательность, я снова думаю об этом — о том, что я собираюсь кого-то убить. Настоящего человека, даже если он находится в чужом теле.

Он в чем-то другом, напоминаю я себе. Ты освободишь мир от Пола. Но я не могу чувствовать праведный гнев, когда я сама нахожусь в чужом теле.

И это не какой-то незнакомец, это Пол. Тот, кто выглядел так, словно никогда не получал лучшего подарка на день рождения, чем кривобокий торт, который мама испекла для него. Того, кого я дразнила за то, что он покупал одежду в дешевых магазинах, и потом чувствовала себя виноватой, когда увидела, как он смутился, потому что он ходил туда не для того, чтобы быть хипстером, а потому что он был беден. Пол, с его серыми глазами был тем, кто прижимал меня к груди, когда я была напугана.

После всего хорошего, что сделал для него мой отец, после всей любви, которую он ему подарил, Пол смог убить его не моргнув глазом. Почему я не смогу сделать то же самое? Почему это должно быть так тяжело? У меня есть причина, у меня есть право на убийство. Я не должна чувствовать себя виновной, ужасной и больной.

Ради папы, говорю я себе, но в первый раз эта фраза кажется пустой.

Мой желудок переворачивается и, кажется в монорельсе стало слишком жарко. Я втягиваю воздух, чтобы успокоиться и Тео смотрит на меня.

— Ты в порядке?

— Да, — коротко говорю я. — Я думаю, что запомнила.

— Будь осторожна, — говорит он, защелкнув мою Жар-птицу обратно в правильной конфигурации, все тонкие металлические слои складываются друг в друга, как крылья насекомого. — Мы создали эту штуку так, что её легко починить и изменить, поэтому, когда ты так её раскладываешь, она может разлететься на части. Достаточно просто починить, если ты знаешь, как, но я не смогу научить тебя этому за час. И даже за месяц.

— Правильно. Она сложная. Тебе не нужно постоянно об этом мне напоминать.

Карие глаза Тео встречаются с моими, теплые и знающие.

— Кто-то в плохом настроении.

— Мы собираемся убить человека. Я должна быть рада?

Он поднимает руки, как будто сдаётся.

— Я знаю, что это тяжело, ладно? Для меня это тоже непросто.

Братишка. Тео устраивал Полу то, что он называл «задержанное взросление», пытаюсь показать ему музыку, клубы и даже девушек, всё, что он, пропустив, начав изучать высшую физику в тринадцать лет. Конечно, Тео отчасти наслаждался поклонением, потому что Пол думал, что Тео примерно в восемьдесят раз круче, чем все остальные на земле.

Или мы считали, что он так думал. В конце концов, Тео так же глубоко заблуждался насчет Пола, как и все мы. Его так же горько предали.

— Извини, — я прислонилась головой к пластмассовому креслу и уставилась вверх на сияющую голографическую рекламу, парящую над нами и умоляющую купить продукты, о которых я никогда не слышала.

— Я знаю, что веду себя как стерва. Я устала, вот и всё.

— Это не просто, — соглашается он. — Мы можем снова стать милыми потом. После.

— Точно.

Монорельс подходит к нашей остановке. Мы с Тео выходим из машины бок о бок, не говоря друг другу ни слова. Может быть, он все еще думает о том, вежливость можно отложить на потом. Может быть, мне тоже нужно так думать. Вместо этого мой мозг затуманен неуверенностью о том, что мы обнаружим, увидев Пола, если мы вообще сможем его увидеть, и, еще хуже, сомнениями в моих намерениях.

Я даже не смотрю на Тео, чтобы не дать ему понять, в каком я состоянии. Поэтому я осматриваю толпу, текущую мимо нас на станции, состоящей из металлических решеток и голографических знаков, надеясь на отвлечение от предстоящей темной работы.

Одна фигура останавливается как вкопанная. Крупный мужчина в длинном черном пальто остановился, чтобы посмотреть на голографическую карту местности, парящую над головой. Увидев движение боковым зрением, я поворачиваюсь к нему и моя первая мысль «у него сердечный приступ».

Потом я вижу, кто это.

Я гналась за Полом Марковым через измерения. Теперь он только в двадцати футах от меня.

Глава 8

Я вытянула руку, пытаюсь предупредить Тео, но этого не потребовалось.

— Сукин сын, — шепчет Тео.

Он подается вперед, и я хватаю его за футболку.

— Нет, Тео. Нет.

— Что ты... — поначалу он зол от того, что я остановила его, так зол, что это меня шокирует, но потом Тео заметно расслабляется. — Правильно. Не очень хорошее место для встречи. Вероятно, камеры и копы на каждом углу.

Но я остановила Тео не поэтом. Это произошло потому, что, увидев Пола, я перенеслась в ту секунду, когда слышала, как полиция говорит его имя, называет его подозреваемым в папиной смерти. Как ни странно, меня не сразу охватил гнев, я была слишком оглушена, чтобы испытывать такое уместное чувство. Я продолжала думать, что это не могло быть правдой. Ужасные вещи, которые я слышала, не могли быть реальными.

Когда полицейские стояли в нашей гостиной, мама плакала в ладони, когда они говорили о «подозрительных действиях» Пола. Я думала, что должна позвонить ему, чтобы Пол мог объяснить, что на самом деле происходит.

И сейчас, глядя на него, я не видела убийцу моего отца. Я вижу Пола, которого знала.

Тот, который заставил меня чувствовать себя наконец-то влюбленной.

День благодарения у нас в доме всегда был немного странным. У нас нет родственников кроме тёти Сюзанны, которая, кажется, думает, что Благодарение — это какая-то варварская американская традиция, от которой у неё появятся блохи. Поэтому мои родители приглашали толпу студентов-физиков, других профессоров и соседей. Аспиранты всегда приносили какое-то блюдо, а они приезжали со всего мира, что значит, что у нас могли быть кимчи или эмпанадас вместе с индейкой. Однажды Луис, который приехал с Миссисипи, принес что-то под названием тардакен, лично я не думаю, что еда должна называться таким словом, но это оказалась индейка, фаршированная курицей, которая фарширована уткой. И, должна признать, это было очень вкусно. Тардакен был одним из лучших блюд. Иногда они были почти грустными, например, в тот год, когда Тео принес кексы и мы все притворились, что они не из магазина.

Пол попросил разрешения готовить у нас на кухне, потому что у него не было плиты. Поэтому я наблюдала за его готовкой.

— Лазанья? — я подпрыгнула и села на стол.

— Такая, как её готовили Пилигримы.

— Это единственная вещь, которую я умею готовить, — Пол нахмурился на томатный

соус в кастрюле, как будто он сделал что-то оскорбительное. — Единственное, что можно принести, в любом случае.

Я сделала усилие и не сказала, что, если он готовит в нашем доме, он точно ничего не приносит. Мы наконец достигли точки, когда я начала уютно себя с ним чувствовать, когда я начала верить, что могу разглядеть за тихим и неловким фасадом настоящего Пола Маркова.

Мама и папа были в университете, Тео где-то праздновал, Джози не прилетит из Сан-Диего до завтрашнего утра, очевидно, потому что она провела день за серфингом с друзьями. Поэтому мы с Полом были одни. Он был одет в свои обычные выцветшие джинсы и футболку. Я клянусь, он не знает, что людям можно носить что-то кроме черного, серого, белого и джинсы. Я каким-то образом почувствовала себя слишком вырядившейся в тунике и леггинсах.

— Почему ты не поехал домой на День Благодарения? — я сделала усилие и не добавила «как нормальный человек». — Ты не хочешь увидеть своих родителей?

Губы Пола сжались в тонкую линию.

— Совсем нет.

— Ох, — если бы я могла взять слова назад, но я не могла. Я очень тихо добавила. — Извини.

— Все хорошо, — прошла еще одна секунда неловкой тишины между нами, и он добавил. — Мой отец, он нехороший человек. Мама не возражает ему. Они не понимают жизнь, которую я выбрал. Они рады, что у меня стипендия, поэтому я не стою им денег. Больше, особо нечего рассказать.

Это очевидно было большой ложью, как это нечего больше рассказать? Но я не собиралась быть еще более грубой и начать выпытывать. Я просто подумала, что за родители это должны быть, чтобы им не нравилось, что их сын — блестящий физик. Или что могло скрываться за фразой «нехороший человек».

Я пыталась придумать, как перевести разговор на другую тему.

— Так, хм, что это за музыка?

— Рахманинов. Восемнадцатая вариация Рапсодии на тему Паганини, — его глаза взглянули на меня с беспокойством. — Не очень современно, я понимаю.

— Это Тео дразнит тебя насчет классической музыки, не я, — поскольку Тео не было рядом, я наконец призналась. — На самом деле, она мне нравится. Классическая музыка.

— Да?

— Я не специалист по композиторам, но я немного узнала на уроках фортепьяно, — я поспешила добавить. — Просто, когда я слышу её, я думаю, что она красивая.

Рахманинов был удивителен, на самом деле, ноты фортепьяно снова и снова кружились в бесконечном крещендо.

— Ты всегда извиняешься за то, что чего-то не знаешь, — Пол даже не поднял глаза от чаши, где он смешивал моцареллу и домашний сыр. — Тебе надо это прекратить.

Обидевшись, я выпалила:

— Извини за то, что не родилась всезнающей.

Он остановился, сделал глубокий вдох и посмотрел на меня.

— Я имел в виду, что тебе не должно быть стыдно от того, что ты чего-то не знаешь. Нельзя начать учиться до тех пор, пока не признаешь, сколько ты не знаешь. Нет ничего плохого в том, что ты не знакома с классической музыкой. Я не знаком с музыкой, которую слушаешь ты, например, Адель и Машина.

— Это «Флоранс и Машина». Адель выступает соло, — я хитро взглянула на него. — Но ты это знал, разве нет? Ты просто хотел, чтобы я себя почувствовала лучше.

— Хорошо, — сказал Пол, и я поняла, что он ошибся непреднамеренно.

Прежде, чем я смогла подразнить его, он нахмурился на свою лазанью, как будто это был научный эксперимент, который прошел не как запланировано. Листы теста, которые он положил вниз, начала скручиваться, словно пытаюсь сбежать.

— Ты купил лазанью без варки, да? — сказала я, спрыгивая со стола. — Она иногда так себя ведет.

— Я думал, так будет быстрее!

— Ты мог бы положить туда и другие листы, не отваривая их предварительно, ой, подожди, — я схватила один из фартуков с крючка и быстро завязала его. — Я помогу.

В течение нескольких следующих минут мы работали бок о бок: Пол выкладывал слоями сыр, листы лазаньи и соус, и деревянными ложками мы пытались удержать тесто от скручивания до тех пор, пока не покроем их несколькими слоями начинки. От пара мои волосы растрепались, Пол ругался по-русски, и мы оба глупо смеялись. До того вечера я не знала, что Пол может так много смеяться.

Как только мы закончили, нам потребовалось прикрыть сковороду перед выпечкой, и мы оба одновременно протянули руки к фольге. Наши пальцы соприкоснулись всего на секунду. Большое дело.

Я видела его практически каждый день в течение года, но в то мгновение я увидела Пола новыми глазами. Словно я только что поняла чистоту его глаз, сильные линии его лица. Словно его тело перестало быть крупным и неуклюжим, и стало сильным. Мужественным.

Привлекательным.

Нет. Сексуальным.

И что он видел, глядя на меня? Чем бы это ни было, это заставило его слегка раскрыть губы, словно от удивления.

Мы оба сразу же отвели взгляд. Пол оторвал кусок фольги и когда лазанья оказалась в духовке, он сказал, что ему нужно поработать над формулами. Я пошла к себе в комнату рисовать, что значило, что я смотрела на свои тубики с краской в течение нескольких минут, пытаюсь восстановить дыхание.

Что только что случилось? Что это значит? Значит ли это что-нибудь?

Все время после смерти отца я желала, чтобы этого происшествия с Полом не было. Но я не могла отменить это.

Пол Марков опасен. Он убил твоего отца. Ты это знаешь. Если ты не можешь ненавидеть его за это, что ты за слабак? Не упusti еще одну возможность. В следующий раз, когда увидишь его, не сомневайся. Не думай ни о лазанье, ни о Рахманинове.

Действуй.

У нас получилось следовать за Полом по станции так, чтобы он нас не видел.

— То, что ты увидела, — бормочет Тео. — Это возможно напоминание. Он сейчас нас узнает. Оставайся сзади него.

Предчувствие Тео было верным. Пол направлялся на конференцию, где собирался появиться Ватт Конли. Для события, посвященного технологиям на пике человеческих возможностей, было странно, что оно проводится в старом строении — зданию должно было быть больше ста лет, с его Эдвардианскими карнизами и роскошью. Толпа,

наполняющая его, была странно разнопёррой. Некоторые — прилизанные профессионалы в костюмах цвета вороненой стали или чернил, разговаривающие с несколькими голографическими экранами, поднимаясь по лестнице, в то время как другие выглядят как студенты-первокурсники, которые только что встали с постели, но на них еще больше устройств, чем на тех, что в костюмах.

— Я говорил тебе, что ты слишком нарядилась для такого места, — бормочет Тео, в то время как Пол пропадает в дверях.

— Как он зашел? — говорю я. — У него уже есть пропуск или он проник без билета?

— Нет смысла волноваться о том, как он зашел, пока мы сами не окажемся там. Оставь это мне, ладно, Мег?

Очевидно, все свое путешествие через Соединенное Королевство Тео провел, пытаясь понять, как работают эти продвинутые компьютеры. Пока мы неспешно продвигаемся по лестнице, притворяясь что собираемся войти, он умудряется взломать базу данных организаторов. Поэтому, когда мы оказываемся у стойки регистрации, и ведем себя так, словно мы шокированы (шокированы!) тем, что у них все еще нет для нас пропусков, чтобы мы смогли их забрать, как мы договаривались, они действительно находят наши имена в системе. Два поспешно напечатанных временных пропуска, и мы внутри.

Тео предлагает мне руку, и я беру его под локоть, и мы заходим в зал конференции. Это большое помещение, уже немного затемненное, чтобы лучше было видно огромный экран размером, как в кинотеатре, ожидающий на сцене.

— Должна признать, — шепчу я Тео. — Это было достаточно гладко.

— Гладко — моё второе имя. На самом деле моё второе имя Виллем, но расскажешь об этом кому-нибудь, и, я тебя предупреждаю, я буду мстить.

Мы садимся в конце, где больше возможностей осмотреть весь зал и увидеть, как Пол что-либо сделает, предполагая, что он что-то собирается сделать. Кажется, его нет среди зрителей.

Если Тео и заметил моё плохое настроение, то он не подал знака.

— Я рад, что ознакомился с этим измерением так хорошо, как смог, и настолько быстро, насколько смог, — здесь так же безопасно говорить, как и на станции, большинство людей окружены голографическими экранами, ведя беседу или две. — Нам нужно будет записать это в путеводителе по путешествиям между измерениями, который мы когда-нибудь с тобой напишем: «Автостопом по Мультивселенной.»

Позволить ученым ощутить себя в шкуре Дугласа Адамса, кажется плохой идеей, поэтому я задаю вопрос, который крутится в моей голове с тех пор, как я прибыла сюда.

— Почему это соседнее с нами измерение?

— Что ты имеешь в виду? — хмурится Тео.

— Я думала, ну знаешь, что соседнее измерение будет намного ближе к нашему. Просто несколько отличий. Вместо этого оно совершенно другое.

— Прежде всего, это? Это не «совершенно другое». Государственные границы те же. Большинство торговых марок кажутся такими же, за исключением текущей компании, — он показывает на логотип КонТех, спроецированный на экран. В нашей вселенной, Ватт Конли означает Триаду. — Поверь мне, измерения могут отличаться более радикально, чем это.

— Хорошо, конечно, — я вижу в этом смысл. Здесь по крайней мере нет динозавров или чего-то подобного.

Тео, всегда пользующийся шансом похвастаться своими знаниями, продолжает.

— Во-вторых, ни одно измерение формально не ближе и не дальше от другого. Не в терминах расстояний, в любом случае. Некоторые измерения математически более похожи друг на друга, чем остальные, но это не обязательно коррелирует с тем, что измерения больше похожи друг на друга в любом другом смысле.

Когда слово «коррелирует» производит требуемое впечатление, я понимаю, что беседа переходит с английского на технический, и быстро перевожу тему.

— Ты говоришь, что Пол просто хотел сбежать «по соседству», это может быть соседним измерением, хотя оно сильно отличается от нашего.

— Именно, — свет гаснет и Тео выпрямляется в кресле. Бормотание толпы стихает и разнообразные голографические экраны гаснут. — Представление началось.

На экране вместо логотипа КонТех появляется рекламное видео, обычные сияющие люди разных возрастов, использующие высокотехнологичные продукты, чтобы сделать свою уже прекрасную жизнь, еще лучше. Только продукты другие — самодвижущиеся машины, как у Ромолы, голографические экраны, и другая ерунда, которой я еще не видела, например, медицинские сканеры, которые ставят диагноз прикосновением, и какая-то игра, похожая на лазертаг, только с настоящими лазерами. Женщина, к которой подходит грабитель, уверенно оборачивается и дотрагивается до своего браслета, грабитель дергается, как от электрошока и падает на землю, в то время как она неспешно уходит.

Я бросаю взгляд на полоску вокруг своего запястья, ту, на которой есть внутренняя надпись «Защитник». Теперь я понимаю.

Фоновая музыка становится громче и изображения угасают. Ведущий говорит:

— Леди и джентльмены, изобретатель века, основатель и руководитель КонТех, Ватт Конли.

Аплодисменты, прожектор и Ватт Конли выходит на сцену.

Несмотря на то, что он финансировал работу моих родителей больше года, я ни разу не встречалась с Конли. Но я знаю, как он выглядит, так же, как и все, кто смотрел телевизор или был в Интернете в последнее десятилетие.

Хотя ему около тридцати, Конли не кажется намного Старше Тео или Пола, в нём есть что-то мальчишеское, как будто его никогда не заставляли взрослеть, и он не собирается начинать. У него длинное худое лицо, однако эксцентрично-привлекательное, Джози даже сказала, что считает его сексуальным. Он одет в такие-обычные джинсы и футболку с длинным рукавом, о которых просто знаешь, что они стоят тысячи долларов. Его волосы такие же кудрявые и неуправляемые, как и мои, но светлее, почти рыжие, такого же цвета, как веснушки у него на носу и щеках. Из-за этого, и знаменитых розыгрышей, которые он проворачивал над другими знаменитостями, его описывали как «близнец Уизли, вырвавшийся на свободу в Силиконовой Долине».

— Мы в пути, — говорит Конли, слегка улыбаясь. — Вы, я, и все на планете Земля. И это путешествие становится всё быстрее, ускоряется каждую секунду. Я говорю о путешествии в будущее, будущее, которое мы создаем с помощью технологий.

Когда он пересекает сцену уверенной походкой, на экране позади него появляется график под названием «Скорости Изменения Технологий». На большей части истории человечества, он очень медленно движется вверх. Потом, в середине девятнадцатого века, он взмывает вверх и в последние три десятилетия идет почти вертикально.

Конли говорит:

— Не смотря на различия в эпохах, Юлий Цезарь в общем понял бы Наполеона

Бонапарта, война, который жил почти через две тысячи лет после него. Наполеон, мог бы понять Дуайта Эйзенхауэра, который воевал через сто пятьдесят лет после Ватерлоо. Но я не думаю, что Эйзенхауэр мог бы осознать, что такое оружие-роботы, спутники-шпионы, или любые технологии, которые сейчас обеспечивают безопасность в мире.

Это почти интересно в качестве урока истории. Может быть, это потому, что он говорит, жестикулируя, как возбужденный ребенок. Но как раз в ту секунду, когда меня начинает увлекать речь, я вижу, что Пол быстро поднимается по правому проходу к выходу.

Рука Тео смыкается у меня на предплечье, предупреждая. Он шепчет:

— Ты тоже его видишь?

Я киваю. Он поднимается со своего кресла, низко пригнувшись, чтобы не загороживать никому обзор и не создавать помех, и я делаю то же самое, когда мы выскользаем из аудитории.

Несколько человек раздраженно смотрят на нас, но голос Конли остается единственным звуком в комнате.

— Несколько поколений люди боялись Третьей Мировой Войны. Но они делают огромную ошибку. Они ожидают, что война будет выглядеть как раньше.

Никто не ходит по коридорам, кроме нескольких спешащих ассистентов, пытающихся подготовиться к какому-то приёму. Поэтому мы с Тео остаемся незамеченными, пока пытаемся понять, куда именно мог пойти Пол. В таком старом здании коридоры выглядят совсем не так, как можно ожидать.

— Сюда, может быть? — Тео открывает дверь, которая ведет в темную комнату, в которой нет ни столов, ни стульев.

Я следую за ним внутрь, и дверь захлопывается за нами, мы оказываемся в темноте, за исключением призрачного свечения устройств, надетых на нас, голографических клипс и моего браслета. Мы снова слышим речь Конли, но сейчас она приглушенная.

— Следующие задачи человечества будут фундаментально отличаться от того, с чем мы сталкивались до этого. Новые опасности, да, но и новые возможности.

Теперь мы слышим еще что-то. Шаги.

Рука Тео хватается меня поперек живота, и он тянет нас назад, до тех пор, пока мы не оказываемся стоящими у стены, прячась в почти абсолютной темноте. Меня окатило волной адреналина, волосы на голове встали дыбом, и я едва ли могу дышать.

Шаги приближаются. Мы с Тео переглядываемся, стоя бок о бок в темноте, его рука твердо лежит у меня на талии. Здесь слишком темно, чтобы понять выражение его глаз.

Потом он шепчет:

— Дальний угол. Иди.

Мы разделяемся. Я спешу в угол, как он сказал, пока Тео идет прямо на звук шагов, которые, как оказалось, принадлежат высокому мужчине в униформе, у которого нет чувства юмора.

Я знала, что у такого человека как Ватт Конли будет охрана.

— Я только хотел взять автограф после речи, — говорит Тео и продолжает идти, уводя охранника от меня. — Как вы думаете, он распишется у меня на руке? Я смогу тогда вытатуировать автограф навсегда!

Возможно, Тео имел в виду, что мне нужно убраться оттуда, пока он отвлекает охранника. Вместо этого я ползу ближе к сцене и к Полу.

Со сцену Конли говорит:

— Опасности, которых мы должны бояться, отличаются от тех, к которым мы привыкли. Они приходят из таких мест, о которых мы никогда не думали.

Тео протестует, когда охранник выводит его из комнаты.

— Ну же, ладно, нет нужды так реагировать... — дверь снова захлопывается, и я больше не слышу его голоса. Я бросаю взгляд через плечо, словно одно это поможет ему снова оказаться здесь...

И тогда рука Пола Маркова зажимает мне рот.

Убийца моего отца шепчет:

— Не кричи.

Глава 9

Пол тащит меня назад. Одна его рука обхватила меня за талию, другая закрывает мне рот. Мои ноги ослабли, и я приказываю себе не терять сознание.

Что делать? Я всегда представляла, что нападу на него, а не он на меня. Как с могла позволить ему напрыгнуть на меня? Как я могла быть такой глупой?

— Что ты здесь делаешь? — шепчет он. Мы прямо за занавесом. — Как ты вообще можешь здесь быть?

Я хватаю его за руку, хотя знаю, что недостаточно сильна, чтобы отвести его руку, и в эту секунду я замечаю браслет на своем запястье.

Защитник.

Я быстро дотрагиваюсь до браслета, как женщина на видео. В ту же секунду бело-голубой разряд проскакивает в ладонь Пола.

Пол кричит от боли, и я вырываюсь от него и спотыкаясь попадаю сквозь занавес на сцену. На секунду я стою в свете прожекторов, в состоянии шока, в нескольких футах от Ватта Конли. Пока мы смотрим друг на друга, и пораженный зрительный зал шепчет, я пытаюсь придумать, что могу сказать.

Рука Пола смыкается на моем локте, и я кричу.

— Охрана! — кричит Конли и Пол тащит меня со сцены. В это время люди в аудитории начинают кричать. Но охраны рядом нет, они слишком заняты тем, что выкидывают Тео вон. Это значит, что всё в моих руках.

Я отталкиваюсь от Пола так сильно, как могу, он, должно быть, ослаб от электрошока, потому что я могу освободиться. Потом я бегу как сумасшедшая.

Как я могла быть такой глупой? Как я могла даже на секунду усомниться, что Пол опасен? Он убил моего отца, и я все еще хотела дать ему преимущество, сомневаясь. Глупо, глупо, глупо. Я никогда не позволю парню снова сделать себя такой глупой.

Я выбежала из здания и направилась на станцию.

До меня доносятся звук шагов на асфальте и крики расталкиваемых людей, поэтому я знаю, что Пол наступает мне на пятки.

— Маргарет! — кричит он. — Остановись!

Как будто это может произойти.

Капли дождя разбиваются о мое лицо, тротуар темнеет от влаги. Светящиеся 3D знаки метро привлекают мое внимание и дают силу бежать быстрее.

Я несусь внутрь, с мокрых волос капает, и даже не сомневаясь перепрыгиваю через турникет. Если это привлечет внимание полицейских, отлично.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Но даже на бегу, я слышу, как Пол перепрыгивает через турникет сзади меня.

Мое кольцо начинает мигать. Только один человек может мне звонить. Я умудряюсь стукнуть по кольцу и лицо Тео появляется передо мной, подрагивающее и расплывчатое.

— Я слышал, подожди, что происходит?

— Пол! Он прямо позади! Мы в метро!

Экран сразу же исчезает. Тео идет так быстро, как может, я знаю, но я не уверена, что он придет вовремя.

Коридор разделяется на два, ведущие к разным направлениям. Я бегу в ближайший, не беспокоясь и не думая о том, что будет лучше, потом выругиваюсь, потому что слышу подходящий поезд. Толпа защищает меня от Пола, но она также защищает Пола от меня.

Но я продолжаю бежать. Я уже не могу повернуть назад.

Пассажиры текут в моем направлении, их голографические игры и звонки клубятся вокруг них как электронный туман. Почему здесь так много людей, когда час пик уже прошел? Я разворачиваю плечи, поворачивая туда-сюда, чтобы избежать столкновений, но в эту секунду руки Пола хватают меня за плечи.

Я сразу же поворачиваюсь и ударяю кулаком Пола в лицо.

Ой. Ох, черт. Никто не говорил, что наносить удар так же больно, как получать его. Пол отступает назад, и несколько пассажиров замирают, в первый раз обращая внимания на то, что видят.

Пол смотрит на меня, держа руку на покрасневшей челюсти, как будто, как будто он не понимает. Как он может не понимать?

Позади меня поезд скользит от станции, с ревом и ветром, которые почти поглощают его слова:

— Что тебя привело сюда?

У меня нет возможности ответить, потому что Тео протискивается через толпу, бросаясь на Пола и крича:

— Сукин сын!

Голова Пола отворачивается от меня за долю секунды до того, как они сталкиваются. Остатки от толпы сразу же рассеиваются, люди кричат и разбегаются сразу в стороны направлений. Массивный мужчина врезается в меня, и я ударяюсь о металлические разделители.

Со сбившимся дыханием, я уставилась сквозь сетку, чтобы увидеть Пола и Тео на земле. Сначала у Тео преимущество, он на коленях, в то время как Пол лежит на спине, и его кулак встречается с челюстью Пола так неистово, что я слышу треск.

Потом Тео снова пытается ударить его, и в ту секунду, когда он останавливает руку Тео своей, выражение лица Пола меняется с недоумевающего на злое.

Начинают пульсировать красные сигналы опасности. Сетки отбрасывают странные тени, которые, кажется, пререзают линии вокруг нас и через нас. Скоро здесь будет полиция. Дерьмо.

Однако, ничто из этого не имеет значения, когда я вижу, как Пол бросает Тео на спину. Тео отлетает так далеко, что падает через один из голографических знаков, что-то насчет туризма в Италии. Когда Тео наполовину растворился за полупрозрачной версией Колизея, Пол прыгает за ним, и приседает рядом со смятой фигурой Тео.

— Ты, — рычит он, схватив Тео за футболку. Я никогда не думала, что Пол может так выглядеть — бездушный от гнева. — Как ты смог следовать за мной?

Тео пинает Пола в грудь двумя ногами, но это задерживает его всего лишь на

мгновение. Пол восстанавливается через секунду и бьет Тео в челюсть. Потом снова. Потом снова. Не то, чтобы я не знала, что Пол больше Тео, но каким-то образом я не понимала, насколько он огромен. Насколько невозможно для Тео в одиночку победить его.

Но дыхание ко мне вернулось. Тео больше не один.

Я бегу к ним, прыгаю через голографический знак и приземляюсь на широкую спину Пола. Он ворчит от удивления, но я обхватываю одной рукой его шею, другую запускаю ему в волосы. Ну и что, что выдирать волосы — это по девчоночьи? Это больно и это работает.

— Что... — Пол пытается вывернуться из моей хватки, но, когда его рука смыкается вокруг моего предплечья, он внезапно затихает. — Маргарет, остановись.

Я едва слышу его слова из-за шума приближающегося поезда.

— Иди к дьяволу, — говорю я.

Моя рука с браслетом «Защитник» была свободна. Когда я ударила его ей в бок, он делает свою работу, снова пропуская через него разряд, и он кричит от боли.

Тео снова на ногах он тянется к кулону Жар-Птице Пола. Это всё, это всё, всё, что мне нужно сделать, это держать Пола, пока Тео его прикончит.

Тогда Пол выгибает спину и смотрит на меня. Его серые глаза смотрят снизу вверх, ищут мое лицо, за ними такая глубина боли и предательства, которую я узнаю, потому что она отражает мою собственную.

На секунду сомнения перевешивают всё остальное и моя хватка слабеет.

Секунда — это всё, что нужно Полу.

Он выворачивается от меня и бьет локтем Тео в лицо, отбрасывая его обратно на пол. Я пытаюсь снова схватить Пола, но это бесполезно, он теперь на ногах и использует каждый дюйм своего роста, каждый фунт веса, чтобы держать меня.

— Что ты делаешь? — кричит он. Огни сигнализации пульсируют над нами, превращая струйку крови, текущей у него изо рта из красной в черную и обратно.

— Останавливаю тебя! — я замахиваюсь на Пола, но его огромная рука легко блокирует мою.

Тео встает на ноги, и Пол это видит. Он сразу же хватается за меня, в буквальном смысле поднимает меня, и протискивается к дверям поезда прямо перед тем, как они закрываются. Я вырываюсь от него как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тео прижимает руки к стеклянной двери. Но уже слишком поздно. Поезд движется.

На секунду я прикладываю руку к руке Тео, нас разделяет только стекло, он выглядит пораженным, ничего не говорит. Что он может сказать? Ничто не может предотвратить ускорение поезда, отрывающего меня от него и оставляющего только отпечатки его пальцев.

Поезд заезжает в тоннель, в темноту. В вагоне больше никого нет. Мы с Полом стоим там, тяжело дышим, нас освещает только голографическая реклама над головой. На нем все еще есть Жар-птица. Мы одни.

— Как Тео привел тебя сюда? — говорит Пол низким голосом. — И зачем?

Я поднимаю подбородок.

— Тео собрал прототипы Жар-птицы сам. Ты не думала, что он сможет, не так ли?

— Прототипы. Конечно, — шепчет он, и он словно почти рад это слышать. — Но, почему он привел тебя с собой? Ты не видишь, как это опасно?

— Это не важно. Если ты думал, что сможешь убить моего отца и сбежать, ты...

— Что? — его лицо так быстро бледнеет, что на секунду я думаю, что он может упасть в обморок. — Что? Ты сказала, что Генри мёртв? Он мёртв?

Его удивление и боль настоящие. Некоторые люди достаточно хорошо могут сыграть шок, но застенчивый, неуверенный Пол Марков никогда не сможет. Ни за что он не смог бы симитировать такой ужас или слёзы, которые я вижу в его глазах.

Тогда я понимаю, удар больше одурманивает, чем причиняет боль, Пол не убивал моего отца.

— О Боже, — Пол второпях вытирает глаза, он так старается сохранять сосредоточенность. — Как может Генри быть мёртв?

Все эти мгновения, которые мучили меня в последние дни — Пол, улыбающийся на свой день рождения, глядя на торт, слушающий Рахманинова, стоящий в дверях моей спальни. Это все было настоящим. Пол — настоящий.

Но что за черт тогда происходит? Если Пол не убивал папу, то кто?

— Подожди. Ты думала, я убил его? — Пол говорит это без злости, которую бы я почувствовала на его месте. Он просто совершенно смущен, как будто не понимает, как я могла поверить чему-то настолько странному. — Маргарет, что случилось?

— Его машина упала в реку. Кто-то перерезал его тормоза, — мой голос звучит тонко, как чужой.

— Ты должна мне поверить. Я не причинял вреда Генри. Я никогда бы так не сделал.

— Это действительно выглядело так, как будто это был ты, — как только я понимаю это, я понимаю кое-что гораздо худшее. — Я думаю, кто-то тебя подставил.

Пол ругается себе под нос.

— И почему Тео привел тебя с собой?

— Почему ты продолжаешь себя вести так, словно это всё зависело от Тео? Я сама выбрала прийти. Я должна была узнать, кто совершил это с папой.

Потом меня накрывает волна гнева. Я думала, что знаю, кого винить в смерти отца, я думала, что знаю, кого ненавидеть. Теперь нет. В последние несколько дней только ненависть заставляла меня двигаться. Я чувствую себя голой, безоружной.

Поезд летит сквозь тоннель и пол под нами покачивается из стороны в сторону. Реклама слегка моргает. Лицо Пола в полутени похоже на обложку альбома Rubber Soul.

— Я узнаю, кто убил Генри, — Пол делает шаг ко мне. — Я клянусь тебе.

— Если не всё зависит от Тео, то и не от тебя! Ладно, пусть ты не убивал папу и не стирал данные. Тогда кто? Почему ты сбежал?

Он снова пугает меня.

— Я не убивал Генри, но уничтожил данные в лаборатории.

— Что? Почему?

Пол кладет руки мне на плечи. Я вздрагиваю. Ничего не могу с собой поделать. Он отстраняется, словно боясь, что ранил меня.

— Скажи Тео, что я сожалею. Когда я увидел его раньше, я думал, я винил его за то, чего он не делал. Я теперь понимаю, что он только пытался сделать что-то для Генри... — его голос снова ломается. Наше общее горе одновременно пронзает нас, кажется, электрический шок идет от меня к нему и от него ко мне. — Но скажи Тео, чтобы он отправил тебя домой, сейчас же. Чем скорее, тем лучше. Это самая важная вещь, которую он может сделать.

— Нет. Ты должен объяснить.

Он говорит только:

— Иди домой, я все исправлю.

Поезд покачивается достаточно сильно для того, чтобы я пошатнулась. За секунду до того, как я могу восстановить равновесие, Пол сжимает Жар-птицу в ладони и...

Сложно точно объяснить произошедшее. Хотя ничто не сдвинулось, кажется, что ветерок всколыхнул воздух вокруг нас, изменив что-то неуловимое в образе Пола. Он поднимает голову, словно пораженный, поднимает ладонь в разбитой губе и вздрагивает. Потом он видит кровь на своих пальцах и, кажется, не может вспомнить, как она туда попала.

Потом я понимаю, что Жар-птицы на его шее больше нет. Не было ни вспышки света, ни неземных звуков, ничего такого, одно мгновение, и Жар-птица только что была там, а сейчас её нет.

Пол ушел. Он снова прыгнул, теперь в другое измерение.

Это значит, что парень, стоящий передо мной это... Пол Марков, но Пол, который принадлежит этому миру.

Поезд останавливается на следующей станции. Я хватаюсь за поручень, чтобы не упасть, Пол делает то же самое, но неуклюже, словно он едва понимает, что происходит. Потом я понимаю, что это так. Он стоит в поезде без воспоминаний о том, как он попал туда, и даже кто я такая.

— Что происходит? — говорит Пол, не Пол.

— Я... — как я должна объяснить это? — Давай сойдем с поезда, ладно?

Хотя Пол выглядит беспокояно, он следует за мной, через станцию на улицу.

Мы, как оказалось, сейчас в совершенно другой части Лондона, она выглядит больше похожей на город, который я помню, здесь больше старых зданий, нет летательных аппаратов в небе. Снова начал идти дождь. Мы ныряем под козырек магазина, и теперь Пол выглядит менее смущенным, но более взволнованным.

— Где я?

— В Лондоне.

— Да, конечно, — говорит он, и то, как он прищуривает глаза, когда он не уверен и раздражен, кажется таким знакомым, что мне сложно поверить, что это не мой Пол. — Я приехал этим утром на конференцию. Услышать Ватта Конли. Я планировал это несколько недель, но клянусь, что помню, как сошел с поезда. Потом всё, пропадает.

Он собирался на конференцию в любом случае. Конечно. Почему физику не интересоваться изобретателем эпохи?

— Ты не помнишь ничего за прошлые, я не знаю, два дня?

— Я помню, кое-что, — говорит Пол. Его выражение лица, движения, немного отличаются от нашего Пола, которого я знаю, и который только что сбежал от меня. Как странно видеть различия в том, как он наклоняет голову. — Но кто ты? Кто меня ударил?

Я это сделала. Мы с Тео сделали это с тобой, и ты — незнакомец, который никогда не причинял нам вреда.

— Была драка. Всё закончилось. Ничего плохого не произошло.

— Но... — он смотрит на свои большие руки, понимая, что костяшки пальцев содраны. Его потерянное выражение лица так похоже на Пола, что я резко вздыхаю.

Я хотела бы объяснить.

Поэтому я говорю так мягко, как могу.

— Ты бы мне не поверил, если бы я тебе рассказала. Просто иди домой. Всё хорошо. Ты меня больше не увидишь.

Хотя он очевидно хочет задать еще несколько вопросов, еще больше Пол хочет убраться подальше от сумасшедшей незнакомки. Он пятится из-под навеса до тех пор, пока капли дождя не начинают попадать на его длинное пальто и взъерошенные волосы. Потом он поворачивается и теряется в лондонской толпе.

Только теперь я понимаю, что моё кольцо уже давно вибрирует. Я нажимаю на него, надеясь увидеть Тео. Когда трехмерная проекция его лица появляется передо мной, я полна надежд, но потом я понимаю, что это сообщение.

— Маргарет, я молюсь Богу, чтобы с тобой все было в порядке, — его лицо напряжено, он боится за меня. Тео продолжает. — Пол прыгнул из этого измерения несколько секунд назад. Я догадываюсь, что ты уже это знаешь. Ты должны пойти за ним. Не волнуйся, я настроил твою Жар-птицу, чтобы следовать за ним, когда он прыгает, так же как мою. Я чувствую себя, более чем странно, что иду к тебе, но я знаю, что ты сказала бы мне, что Пол не должен сбежать, неважно что случится. Правосудие для Генри, вот что важнее всего.

Я киваю, как будто его сообщение может меня видеть. Но это только голограмма, говорящая с пустотой.

Тео улыбается, натянуто и нервно.

— Увидимся в соседней вселенной, хорошо, Мег?

— Да, — шепчу я. — В соседней.

Хотя я беру Жар-птицу в руку, я не сразу настраиваю её для следующего прыжка. Сначала я смотрю на мрачный Лондон передо мной, где технологические чудеса приколоты или летают перед каждым человеком, и все они слишком увлечены или озабочены, чтобы заметить. Я пытаюсь представить, как будет чувствовать себя эта Маргарет, когда она очнется одна через несколько секунд, удивленная бешеному ритму сердца.

Кажется, она не много сможет вспомнить. Но, мне не нужны напоминания, как Тео, и как, кажется, Полу. Мои путешествия отличаются от их. Поэтому может быть опыт этой Маргарет тоже будет иным. Возможно, она вспомнит какие-то обрывки, образ ощущений, принадлежащих мне и как они делились на нас обеих.

Поэтому я занимаю свой мозг мыслями о родителях, которых она так давно потеряла. Я думаю о том, как они смеялись, когда я раскрашивала радужный стол. О том, как мама держала меня на плечах в музее естественной истории, чтобы я смогла заглянуть в череп трицератопса. Или о том, как папа катал меня вокруг города на своем велосипеде, когда я была достаточно мала, чтобы уместиться в детском сиденье, одно из моих самых ранних воспоминаний, он смеется и мы вместе катимся с горы.

Я надеюсь, эта Маргарет сможет хоть немного их вспомнить. Это пробьет дыру в ужасном горе, которое заключило её в эту жизнь, и может быть, даст ей надежду, чтобы освободиться.

Потом я начинаю манипулировать Жар-птицей, поворачиваю последний рычаг, и думаю: «О Боже, что же дальше? Что дальше?»

Я врезаюсь в себя, в другую себя, и в этот раз я совершенно теряю равновесие. На долю секунды я лечу в воздухе, и я понимаю, что падаю с лестницы. Очевидно, это очень, очень неудачный момент, чтобы путешественник между измерениями запрыгнув в твоё тело, потому что ты промахнешься мимо ступеньки, и...

У меня получается выставить руки вперед при падении, но это не уберегает меня от жесткого приземления на ступеньки, но по меньшей мере позволяет мне подготовиться к падению еще на несколько ступеней вниз, и там я ловлю себя. Колье вокруг моей шеи

разрывается, и я слышу, как бусины катятся в разных направлениях. Вокруг меня кричат люди и торопятся ко мне. Ошеломленная, я поднимаю голову.

Первое, что я замечаю, это красный бархатный ковер на лестнице. И это хорошо, потому что ступени под ним кажутся мраморными, и это было бы больно. Второе, что я замечаю, что бусины, стучащие и катящиеся по ступенькам, это совсем не бусины. Это жемчужины.

Я прикладываю руку к ноющему лбу и поднимаю взгляд. Мои пальцы встречаются с чем-то в волосах, с какой-то тяжелой шгукой у меня на голове.

Это тиара?

Наконец, я вижу столпившихся вокруг меня людей, все как один в невозможно элегантных вечерних платьях, мужчины в незнакомой военной форме, блистающие медалями и орденами, женщины в белых, длиной до пола, нарядах, таких же как то, которое запуталось у меня в ногах.

— Маргарет? — мягко говорит мужчина всего на несколько лет старше меня, с темными волосами, такими же вьющимися, как и мои, хотя они и коротко острижены. Из его беспокойства я понимаю, что он хорошо меня знает, но я никогда его раньше не видела. Однако, что-то в его лице странно знакомо...

— Всё в порядке, — говорю я. Я не имею понятия, что еще сделать, только ободрить их. Потом я кладу руку на грудь, чтобы успокоиться, вскрикиваю и смотрю вниз.

Все слои Жар-птицы лежат в беспорядке у меня на коленях и на ступеньках вокруг. Только открывающийся кулон все еще висит вокруг моей шеи.

Она сломана.

Жар-птица сломана, и я не знаю, как её починить.

Ох, дерьмо.

Глава 10

— Маргарет? — русский молодой человек встает рядом со мной на колени и берет меня за руку. Мы оба одеты в перчатки из белой кожи, такие мягкие и тонкие, что они почти не ощущаются. — Маргарита? Ты в порядке?

— Я в порядке. Честно. Только неуклюжая, — о Боже, где я? Что происходит? Я думала, что предыдущая вселенная сильно отличалась от моей, но эта, эта была совсем другой.

— Вы волнуетесь, как старушка, Владимир. Снова, — самый массивный мужчина в группе хмурится, его голос такой глубокий и резонирующий, и из его тона я понимаю, что он привык к тому, что ему подчиняются без раздумий. На его форме с мундиром цвета слоновой кости больше медалей, чем у остальных. Он гораздо выше шести футов.

— Тогда я бабушка, — говорит молодой человек, Владимир, и посылает мне ободряющую улыбку. Я быстро собираю части Жар-птицы, с моего запястья свисает маленькая розовая сумочка, и я складываю туда части.

— Почему вы беспокоитесь о брелоке? — командует массивный мужчина, который, кажется, заведует этой костюмированной вечеринкой. Или что это такое. — Жемчуга Тарасовой все на полу, а вы просто позволяете им рассыпаться.

— Мы их соберем, Ваше Императорское Величество, — шепчет женщина, которая вместе с несколькими другими, одетыми менее пышно, чем остальные, включая меня, встают на колени, чтобы собрать все жемчужины. Я поднимаю руку к горлу и обнаруживаю, что помимо Жар-птицы и разорванной висящей нитки от жемчуга на мне надето какое-то огромное тяжелое кольцо.

Его Императорское Величество?

— Папа, если бы у меня был такой прекрасный жемчуг, я бы не упала и не порвала его, — говорит девушка на несколько лет моложе меня, даже несмотря на то, что я никогда не видела её раньше, она тоже выглядит слишком знакомо.

Немного похожа на Владимира и немного...

— Если бы у вас был такой прекрасный жемчуг, Катя, вы бы потеряли его еще до бала, — высокий мужчина даже не удостоил её взглядом, и Катя вешает голову. — Маргарет, вы можете сегодня танцевать? Или мы должны извинить вас?

— Я в порядке, правда. Пожалуйста, позвольте мне восстановить дыхание, — подождите, что я говорю? Танцы? Какие танцы? Может быть, мы актёры и это какое-то представление. Это объяснило бы костюмы, так?

Но я уже догадалась. Мраморная лестница, красный бархатный ковёр, это только часть огромного дома и пятидесятифутовыми потолками, и лепниной, покрытой тем, что похоже на настоящее золото. Это дворец. И мы не туристы, которых ведут по залам с заграждениями и предупреждают о фотографиях со вспышкой.

Когда Владимир помогает мне встать на ноги, высокий мужчина говорит ему:

— У Маргариты есть слуги, чтобы помочь ей, Владимир. Сын Царя должен быть выше того, чтобы, нянчиться.

Глаза Владимира загораются огнем, и он поднимает подбородок.

— Как желание помочь сестре может быть ниже достоинства любого мужчины? Разве дочь Царя не должна ожидать помощи от любого, в любую минуту?

Сестра. Мои глаза расширяются от шока, когда я понимаю, почему Владимир кажется мне таким знакомым. Он, и Катя, сейчас, когда я снова изучаю её лицо, они очень похожи на мою маму.

На нашу маму?

Нет. Абсолютно нет. Они — дети Царя, черт, здесь всё еще Цари? Что это за измерение? Ладно, этот парень — Царь, а это его дети, но я не могу быть его дочерью. Невозможно, чтобы кто-то кроме доктора Генри Кейн был моим отцом. Так же, как и у любого человека, мой генетический код уникален, его невозможно воссоздать. Я могу родиться в любом измерении только у родителей, которых я всегда знала.

Мама? Я осматриваю пышно одетую группу, надеясь увидеть её. Какая бы версия моей матери ни существовала в этом измерении, она нужна мне немедленно.

Но я нигде её не вижу.

Ладно. Одно я знаю точно: я не смогу здесь притворяться. Прямо сейчас мне нужно немного времени в одиночестве, чтобы понять, что происходит.

Я падаю на плечо Владимира в обмороке, притворном только наполовину.

— У меня так кружится голова, — шепчу я.

— Ты ударилась головой? — Владимир берет меня обеими руками, его лоб наморщился от беспокойства. Он очевидно верит, что он мой старший брат, его нежная забота очень успокоила бы меня, если бы я знала его дольше трёх минут. — Отец, мы должны позвать к ней доктора.

— Я не ударилась головой, — возражаю я. — Но я плохо себя чувствовала раньше. Я, я думаю, что я съела что-то не то.

Царь раздраженно выдыхает, он кажется зол из-за того, что не всё в мире подчинено ему.

— Ваш здравый смысл должен был подсказать вам оставаться в постели. Возвращайтесь в свои комнаты. Владимир и Катя будут представлять семью.

Будучи в безопасности за согнутой рукой Царя, Катя показывает мне язык. Она кажется совсем еще ребёнком.

— Позвольте мне пойти с ней, — говорит Владимир. Я никак не могу осознать то, насколько он похож на маму и на меня. — Я вернусь через несколько минут.

— Вы заходите слишком далеко, — рычит Царь. — Зачем ей тогда фрейлины? Зачем ей личный страж? Они должны присматривать за ней. Даже вы должны это понимать.

— Всё хорошо, Владимир, — шепчу я. Я не хочу начинать семейную ссору и, кроме того, мне нужно побыть одной. — Иди.

Владимир сомневается, но кивает и отпускает меня. Руки моих фрейлин порхают вокруг меня, пытаясь поддержать, но не осмеливаясь прикоснуться.

Царь знаком подзывает кого-то из группы, кого-то немного позади меня.

— Вы, там. Лейтенант Марков. Отведите её в её комнату, — потом твердая рука берет меня за локоть.

Я поворачиваюсь и вижу Пола, стоящего рядом, сразу за людьми, окружающими меня.

В первую секунду я боюсь его. Но страх быстро сменяется надеждой, потому что я вижу, что он меня узнал. Это мой Пол, он здесь, и я не так одинока, как думала.

Он выглядит блестяще в форме гвардейца, аккуратно подстриженная борода оттеняет линию его подбородка, он в высоких сапогах и к его бедру прикреплена шпага. Однако на воротнике я вижу поблескивающую цепочку, там Жар-птица.

Пол склоняет голову, потом начинает вести меня обратно по лестнице. Остальные участники королевской вечеринки наблюдают за моим уходом, Владимир, с беспокойством, Катя открыто злорадствует, что она пойдет на бал, а я — нет, а Царь, предположительно мой отец, всего лишь со скучающим презрением.

— Мы всё правильно делаем? — шепчу я.

— Откуда я знаю? — отвечает Пол таким же приглушенным голосом. — Никто ничего не говорит. Продолжай идти.

Когда мы достигаем площадки наверху лестницы, я вижу своё отражение в длинном ряду зеркал, украшающих стену. Бриллиантовое кольцо вокруг моей шеи толщиной в несколько рядов, и каждый камень блестит, так же, как и рубины в моей тиаре. Моё вычурное белое платье тоже немного блестит, потому что, кажется, в ткань вплетены серебряные нитки. Пол, должно быть, только солдат, но его форма с алым мундиром выглядит так же прекрасно, как моя одежда. Мы словно переоделись для Хэллоуина, или первоклассного выпускного.

Как только мы оказываемся одни, Пол с гневом поворачивается ко мне:

— Я же сказал тебе идти домой!

— Ты не можешь мне приказывать! Почему ты думаешь, что можешь управлять мной? Потому что ты — гений, а я — нет?

— Я должен нести ответственность, потому что я старше тебя и понимаю, что происходит, а ты — нет, — отвечает он.

— Единственная причина, почему я не понимаю, это то, что ты не объясняешь.

— Слушай, Конли опасен. Тебе нужно домой, — повторяет он, и что-то в его тоне заставляет меня понять, что он на самом деле имеет в виду. Пол не приказывает мне обратиться с дороги, он действительно имеет в виду какую-то причину, по которой мне нужно

быть дома, причину, по которой мне важно там быть.

Не то, чтобы это позволит ему сорваться с крючка. Во всяком случае, ненадолго. Но это успокаивает меня достаточно, чтобы сосредоточиться на нашей наиболее важной проблеме. Я запускаю ладонь в маленький шелковый кошелек и показываю Полу куски Жар-птицы.

— С этим я не попаду домой.

Большинство парней выругались бы. Пол просто сжимает губы в бледную линию.

— Это плохо.

— Преуменьшение года.

Пол берет сумочку и начинает изучать куски один за одним. Я борюсь с желанием продолжить с ним спорить, если он починит Жар-птицу, то есть мой единственный способ покинуть это измерение, а не остаться в нём навечно, я собираюсь позволить ему сосредоточиться.

Наконец, он говорит:

— Её можно починить.

— Ты уверен?

— Почти уверен, — отвечает Пол. Должно быть он увидел выражение моего лица, потому что он добавляет. — Жар-птица была сконструирована так, чтобы её легко можно было собрать. Мы хотели, чтобы они разбирались на части для ремонта, настройки и всего такого. Похоже, здесь так и случилось.

— То есть ты сможешь её собрать? — меня окатило волной облегчения, от этого у меня закружилась голова. Словно я уклонилась от пули.

— Мне нужен свет получше, и я хочу сравнить со своей Жар-птицей, — Пол передает мне шелковую сумочку и тянет за цепочку вокруг своей шеи. Кулон матово поблескивает на алом мундире. — Пойдем, закончим с этим и отправим тебя домой.

Я дергаюсь назад.

— Я не пойду домой, пока ты мне не скажешь, почему ты здесь!

Пол не один из тех людей, которые повышают голос, раздражаясь. Он становится тише. Становится неподвижным.

— Это не то измерение, которое я искал. Это уже очевидно. Мне нужно продолжать двигаться, но я не могу уйти, пока ты...

— Что это значит?

Мы оба выпрямляемся, застигнутые врасплох другим русским офицером, направляющимся к нам. У него седые волосы, борода как у Царя и монокль. Пол стоит во внимании, или это выглядит как внимание с моей точки зрения. Я не думаю, что кто-либо из нас знает что-то о русском военном этикете.

Офицер говорит:

— Марков, я вами удивлен. Вы докучаете Её Императорскому Высочеству вместо того, чтобы выполнять свои обязанности.

Ох, это я. Я Императорское Высочество. Мне приходится подавить смех.

— Я, гм, попросила его посмотреть на что-то, что я сломала, я протягиваю ему осколки Жар-птицы, чтобы показать.

Надутая грудь офицера немного опадает, он кажется меньше без своего негодования. Но его глаза вспыхивают, когда он находит ответ:

— И что это? Не по форме одеты на службе?

И он хватает Жар-птицу, висящую на шее Пола.

Я вскрикиваю. Глаза Пола расширяются. Мы оба слишком поражены, чтобы думать, не то что двигаться.

— Теперь, когда вы в надлежащей форме, лейтенант Марков, вы можете продолжать, — говорит офицер, засовывая Жар-птицу в карман и продолжает идти по длинному коридору.

Мы в ужасе наблюдаем за тем, как он удаляется. Я первая нахожу слова:

— Ох, дерьмо.

— Нам нужно вернуть Жар-птицу, — Пол глубоко вдыхает. — Мне нужно пойти за ним.

— Он конечно отдаст тебе её. В конце концов. Правда?

— Откуда мне знать? Кроме того, у нас не много времени. Моя память, она уже становится туманной. Пол Марков из этого измерения снова появится. В любую минуту.

Потом до меня доходит: если Пол не сможет вспомнить, кто он на самом деле, он не сможет починить мою Жар-птицу. Это значит, что пока Тео нас не найдет, если Тео вообще существует в этом измерении, мы будем заперты здесь. Возможно, навсегда.

— Хорошо, ты пойдешь за ним, и... — я прикладываю руки к голове, пытаюсь думать, и только когда мои пальцы прикасаются к тиаре, я вспоминая, кто я здесь, что я могу сделать. — Подожди! Нет, я пойду за ним и прикажу ему отдать кулон. Он должен это сделать. Я принцесса! Или Великая Княжна, или как они их называют в России...

— Да! Хорошо. Правильно. Иди, — Пол кивает головой, почти комически-быстро.

Я бегу по коридору к лестницам так быстро, как могу, что на самом деле не очень быстро, потому что на мне длинной платье с узкой юбкой и туфли на высоком каблуке, на которых даже нет ленты, чтобы они держались на месте. Украшения звенят у меня на шее, тиара соскальзывает на бок, и я поднимаю руку, чтобы прижать её к голове.

— Сэр! — кричу я, жалея, что не спросила имя мужчины. Имя бы лучше сработало. Могу ли я просто крикнуть «Приказываю вам остановиться»?

Но достигнув низа и повернув за угол, я вижу огромное собрание людей, идущих по широкому коридору. Это не сама вечеринка, но место, где входили большинство гостей. Дюжины женщин в нарядах всех цветов радуги и украшениях почти таких же прекрасных, как мои, от девочек моего возраста с перьями в волосах до дам старшего возраста, кажется, склонявшихся под весом собственных бриллиантов, молодые люди в элегантных вечерних костюмах, с шарфами, заколотыми бриллиантами на их шее и военные офицеры.

Их было по меньшей мере пятьдесят, все одеты в форму, которая выглядела точно так же, как у мужчины, забравшего Жар-птицу Пола. Я пытаюсь вспомнить его лицо, у него был монокль, они же не могут все носить монокль, да? Но найти его в толпе невозможно. Он мог уже уйти на бал.

Должна ли я побежать туда и устроить сцену? У меня есть ощущение, что это не приведет ни к чему.

Я бегу вверх так быстро, как могу. Пол стоит, прислонившись к стене, словно от переутомления.

— Я потеряла его! — кричу я. — Он на балу, но ты можешь узнать его, да? Помоги мне найти его!

— Я, я думаю да, — он морщится и прижимает пальцы к виску, как будто у него мигрень. Его вид напоминает мне о Тео в Лондоне, в последние секунды до того, как он совершенно забыл себя.

— Пол, нет! Ты должен остаться со мной, — я беру его за плечи и смотрю ему в лицо. — Посмотри на меня. Посмотри на меня.

— Ты должна забрать Жар-птицу, — говорит он, медленно и осторожно выговаривая каждое слово, как будто не доверяет себе. — Ты должна вернуть меня с её помощью.

— Как мне снова найти этого мужчину? — как мне вообще что-либо сделать в этом измерении? У меня трясутся руки и бриллиантовое кольцо вокруг моей шеи кажется удавкой. — О Боже, о Боже, у него была большая борода и монокль...

— Полковник Азаренко, — отсутствующе говорит Пол.

Я смотрю на него:

— Что?

Он смотрит на меня, как будто не видел меня раньше. Потом он выпрямляется, вырываясь из моих рук.

— Ваше Императорское Высочество.

Это уже не мой Пол. Это Лейтенант Марков.

Он продолжает:

— Простите меня, Ваше Императорское Высочество. Я не могу понять почему, я не помню, как я оказался здесь. Я болен?

— Вы, у вас закружилась голова, — я придумываю лучшее оправдание, какое могу. — Я тоже плохо себя чувствую. Поэтому вы провожали меня в мои покои, чтобы я могла отдохнуть.

— Очень хорошо, миледи, — он кланяется и начинает быстро идти по коридору, его сияющие сапоги выделяются на красном ковре. В замешательстве, я следую за ним.

По крайней мере, один из нас знает, где моя комната.

Мы с Полом заперты здесь. Не зная, как связаться с Тео, если я вообще смогу это сделать. Все, что я могу сделать, это повторять имя «Полковник Азаренко».

Завтра, говорю я себе. Я смогу завтра узнать о нём, вызывать его к себе и забрать Жар-птицу Пола.

Если я не смогу...

Но нет. Я не могу об этом сейчас думать. Вместо этого я поправляю тиару на голове и притворяюсь, что знаю, что делаю.

Глава 11

Позже тем же вечером, после того, как мои служанки (а у меня их три) одели меня в свободную ночную рубашку и положили меня в кровать, я разложила кусочки своей Жар-птицы на вышитом покрывале. Это была огромная кровать из резного дерева, каждое одеяло и простыня были настолько белоснежными, что создавалось ощущение, что я размышляю, лёжа на облаке.

Со вздохом я откинулась на мягкие подушки в изголовье кровати. Комната, окружающая меня, была не очень большой и не очень пышно убранной, но в ней безошибочно угадывалось богатство и элегантность. Стены и высокий потолок были покрашены в прохладный зеленый цвет медной платины. Письменный стол в углу был инкрустирован в виде виноградной лозы, настолько правдоподобной, как если бы её воссоздавала сама природа, лист за листом. Напротив кровати располагался широкий камин с глазурованной плиткой, огонь в котором согревал мою комнату.

Мои украшения вернулись обратно в бархатные коробочки к остальным.

По меньше мере, у этой моей версии были книги, несколько из которых сейчас были разбросаны вокруг меня. Многие из них были на русском, но здесь я могла читать и говорить

на нём. Очевидно, память такого рода вживляется в мозг отличным от остальных воспоминаний образом.

Из того, что я могу понять, пролистав книги, если технологии развивались быстрее в Лондонском измерении, здесь они развивались гораздо медленнее. Мое окружение, казалось, больше подходило к 1900 году, чем к двадцать первому веку. Хотя некоторые вещи из этого мира казались менее развитыми в моем измерении, создавалось общее ощущение того, что я шагнула на век назад. В этом измерении, двадцать первый век просто выглядел совсем по-другому. Люди путешествовали поездом или пароходом, и даже иногда верхом или на санях. Телефоны существуют, но они такие новые, что во дворце их всего несколько и они используются только для официальных нужд, никто даже не думает о том, чтобы позвонить другу для того, чтобы поболтать. Интернет никому даже не снится. Вместо этого, люди пишут письма. Я вижу стопку кремовой бумаги, ожидающую меня на столе.

Соединенные Штаты Америки существуют, но о них думают, как об отдаленной провинции. (Я не знаю, правда это или нет, но все в Санкт-Петербурге с этим согласятся.) В Европе всё еще королевская власть, включая, конечно, Дом Романовых. Мужчину, которого все считают моим отцом, это Царь Александр V, Император Всея Руси. Насколько я могу судить, в этом измерении не было эквивалента Ленина или Троцкого. Это хорошо, потому что у меня нет желания повторять судьбу Анастасии, быть застреленной в подвале, чтобы потом все сумасшедшие женщины Европы притворялись бы мной следующие пятьдесят лет.

Собрание энциклопедий в кожаном переплете на нижней полке содержит статью о Доме Романовых. В ней я прочитала о том, что Царь Александр женился на молодой дворянке Софии Коваленко. С неё у него было четверо детей: Царевич Владимир, Великая Княжна Маргарита (то есть, я), Великая Княжна Екатерина (официальное имя для девочки, которая показывала мне язык) и наконец Великий Князь Пётр.

Моя мать умерла, давая жизнь своему четвертому ребенку.

Мама и папа всегда говорили, что беременность для неё «сложна», но я никогда не осознавала, что это означало «опасна». Здесь, понимаю я, Царь постоянно требовал еще детей, вынуждая её беременеть, пока она, в итоге, не умерла в родах младшего сына.

Они вырезали его из неё после её смерти. Я пожалела, что прочитала это.

Моя мама — ученый. Она — гений. Она сильная и жесткая, и, ладно, она может быть немного глуповата в обычной жизни, плюс она совсем её не понимает, но она всё равно моя мама. Она может дать миру больше, чем почти все, о ком я могу подумать.

Царь Александр думал, что она может предложить только наследников Престола, поэтому он, заставил её размножаться до смерти.

Я поднимаю серебряную фоторамку с ночного столика. В ней овальный портрет, слегка туманная черно-белая фотография, на которой изображена моя мама с более младшими версиями меня, Владимира и Кати. Она одета в замысловатое платье с длинным рукавом и её руки защищающим жестом обхватывают меня и Владимира, и то, как она улыбается маленькой Кате на своих коленях, говорит мне о том, что в ней есть что-то общее с нашей вселенной.

Но недостаточно. Здесь у моей матери никогда не было возможности изучать науку. Что интересовало её в этом мире? Чем она занимала свой острый, живой ум? Смотрела ли она когда-нибудь на Царя Александра с любовью и доверием, как на моего отца?

И здесь, Джози не родилась. Папа, похоже, мимолетно присутствовал в её жизни, и мне было почти невозможно это представить.

Трясущимися руками я ставлю фотографию обратно на место, я не могу вынести даже мысли о том, что случилось с моей матерью. Я падаю обратно на гору пуховых подушек и делаю медленные, глубокие вдохи.

Мои глаза переходят на полоску света, виднеющуюся под дверью моей спальни. Все это время этот свет прерывался двумя темными линиями, тенью сапог Пола, который охранял меня снаружи. Но очевидно, даже личному гвардейцу Великой Княжны дозволялось спать. Энциклопедия информировала, что я живу в Санкт-Петербурге, а именно в Зимнем Дворце.

Что насчет Тео? Если он существует в этом измерении, он, возможно, будет в Соединенных Штатах, или, может быть, в Нидерландах, откуда происходят его родители. Моё сердце падает, когда я понимаю, что в мире, где самые быстрые путешествия происходят по железной дороге, Тео ни за что не доберется до меня сегодня или завтра, или даже через несколько недель. Зная о знаменитой жестокости русских зим, очень возможно, что он не доберется до весны. Даже если он умудрится доехать до Санкт-Петербурга, как он сможет добиться аудиенции с Великой Княжной?

Всё хорошо, говорю я себе. Ты найдешь Полковника Азаренко завтра. В любом случае, здесь Пол. Тебе больше никто не нужен.

Мой ум наполняется мыслями о Поле. Как я могла совершенно не понимать его?

— Другими словами, — говорила я. — Ты пытаешься доказать существование судьбы.

Я помню эту сцену так же отчетливо, как и в тот день. Тео якобы выгоревшей футболке RC Cola. Пол в одной из своих непримечательных серых футболок, которые, как я знала, он носил только потому, что не догадывался, как они подчеркивали его мышцы. Я заправляла волосы за уши, пытаясь выглядеть и чувствовать себя такой же взрослой, как они. Все мы вместе в большой комнате, окруженные мамиными растениями и летним теплом, льющим из открытой двери на веранду.

Я шутила, говоря о судьбе, но Пол медленно кивнул, как будто я сказала что-то умное.

— Да. Именно.

Хотя я знала, что Тео считал идею глупой, она меня заинтриговала. Каждый раз, когда физические обсуждения вокруг меня от сложных формул переходили к утверждениям, которые я понимала, я хваталась за них. Поэтому я села рядом с Полом за радужный стол и сказала:

— Как это тогда устроено? Судьба?

Он склонил голову, стесняясь меня даже после года, в течение которого он практически жил в моём доме. Но, как любой ученый, он был так поглощен идеями, что не мог долго о них молчать. Он сложил свои большие ладони так, что они соприкасались кончиками пальцев, держа их передо мной, как образ зеркала.

— Шаблоны повторяются из измерения в измерение. Эти шаблоны отражают определенные резонансы...

— И у каждого человека свой собственный резонанс? — я думала, что это я уловила.

Он улыбнулся, осмелев. Улыбки Пола были редкими, почти неуместными для кого-то настолько массивного, жесткого и серьезного.

— Правильно. Поэтому, похоже на то, что те же группы людей снова и снова находят друг друга. Не всегда, но гораздо чаще, чем предполагает теория вероятности.

Тео, сидевший на другом конце комнаты, погруженный в свои формулы, соорудил гримасу.

— Слушай, братишка, если ты напишешь такую теорию и добавишь числа, ты брильянт.

Когда ты переходишь к этой ерунде насчет души-и-судьбы, ты топишь свои тезисы. Серьезно, ты хочешь встать перед ученым советом и защищать это?

— Прекрати к нему придирааться, — сказала я Тео. В то время я была слишком очарована идеей Пола, чтобы выслушивать даже рациональные возражения. — Здесь у всех могут быть самые дикие теории. Мамино правило.

Тео пожал плечами, уже слишком погрузившись в свою работу, чтобы спорить дальше. Однако Пол смотрел на меня так, словно был благодарен за защиту. Я поняла, как близко мы сидим, ближе, чем обычно, и моя рука почти касается его, но я не отодвинулась.

Вместо этого я сказала:

— Так судьба создает математику, или математика создает судьбу?

— Недостаточно данных, — сказал Пол, но я догадывалась, как сильно он хотел верить в судьбу. Тогда я в первый раз подумала о нем, как о человеке, у которого, не смотря на создаваемое им впечатление, была поэзия в душе.

Может быть, это был единственный случай, когда я его поняла.

На следующий день я поняла, каково это, когда тебе помогают одеваться по утрам.

Я имею в виду, совершенно. Мои служанки появляются вокруг кровати после моего пробуждения, подавая мне чай на серебряном подносе, наполняя мне огромную теплую мраморную ванну, и даже намыливая мне спину.

(Да, я совершенно смущена тем, что моюсь перед зрителями, но кажется, эта Маргарет делает это каждый день, поэтому мне приходится с этим смириться. Я думаю, они уже знают, как я выгляжу обнаженной, но, это не очень помогает.)

Эти женщины даже выдавливают зубную пасту на мою щетку.

Они выбирают для меня платье, мягкого желтого цвета, напоминающего свет свечей, длиной до пола, настолько нарядное для обычного дня, что я едва могу удержаться от смеха. Они заплетают мне волосы в косу и закалывают её шпильками с головками в виде маленьких эмалевых розочек. Я смотрю в зеркало, не веря, что мои неуправляемые сумасшедшие кудри выпрямлены и уложены в прическу настолько же сложную, как и красивую.

Я почти могу поверить в свою красоту, хотя это на самом деле благодаря достижениям личных стилистов (или их эквивалента из девятнадцатого века).

Макияжа нигде не видно, но они втирают сладко пахнущий крем в кожу моего лица и горла, потом наносят пудру с запахом сирени. К тому времени, когда они заканчивают вставлять мне в уши жемчужные серьги, я действительно чувствую себя как Великая Княжна.

— Благодарю вас, дамы, — говорю я. От царской особы ожидаются хорошие манеры, так? Чувствуя себя одновременно смешной и великой, я открываю дверь и вижу Пола.

Замечание: Лейтенанта Маркова.

Он стоит во внимании, совершенно правильный и соответствующий обстановке. Его чистые серые глаза встречаются с моими, в них почти виноватое выражение, и он отводит взгляд. Может быть, пялиться на особу царской крови, запрещено. Я кажется вспоминаю, что мега-звезды вроде Веуонсэ иногда пишат у себя в контрактах, что никто не должен смотреть им прямо в глаза, Веуонсэ в нашем измерении, Великая Княжна в этом.

Пол, лейтенант Марков, лучше думать о нем так, ничего не говорит. Конечно. Возможно, есть правило, что он не может ничего сказать, пока я не заговорю первой.

— Доброе утро, Марков.

— Доброе утро, миледи, — у него такой глубокий и вместе с тем нежный голос. —

Надеюсь, сегодня вы лучше себя чувствуете.

— Да, спасибо. Скажите мне, Марков, где я могу найти полковника Азаренко?

Он хмурится.

— Моего командующего?

— Да. Именно. Его, — Пол, возможно, не может вспомнить Азаренко со вчерашнего бала, но сейчас он может рассказать мне о распорядке дня офицера. Мы достанем его Жарптицу к обеду и починим мою к вечеру.

— Полковник Азаренко уехал в Москву сегодня рано утром, миледи.

В Москву? Он даже не в Санкт-Петербурге?

— Он отдал тебе твою, отдал вам, что-нибудь перед отъездом?

Теперь лейтенант Марков, должно быть, думает, что я схожу с ума. Хотя на его лбу появляются складки, единственный признак того, что он сдерживается, чтобы не нахмуриться, он вежливо отвечает.

— Нет, миледи. Что полковник должен мне отдать?

Я не собираюсь пускаться в объяснения. Вместо этого, я спрашиваю:

— Когда его ожидают обратно?

— После Нового Года, миледи.

После Нового Года? Это почти через три недели.

Три недели.

Как я должна притворяться принцессой в течение трёх недель?

Я сглатываю и думаю, «Похоже, что я скоро это узнаю».

Глава 12

Будь спокойна. Дыши глубже.

Я иду по коридорам дворца как в тумане. Как будто мое тело слишком оцепенело, чтобы паниковать. Вместо этого я чувствую себя словно под транквилизаторами. Меня немного покачивает, и от сложного узора на ковре начинает кружиться голова.

— Вы уверены, что хорошо себя чувствуете, миледи? — Пол, лейтенант Марков, идет на несколько шагов позади меня.

— Достаточно хорошо, спасибо, Марков, — на самом деле я в пяти секундах от потери самообладания, но давай просто будем идти, ладно? Это подтекст. Может быть, он понимает, но в любом случае он сохраняет молчание.

Мне помогло бы, если бы у меня было представление о том, куда я должна идти. Зимний Дворец огромен, и я не смогла бы найти дорогу, даже если бы знала, что должна делать дальше.

К счастью, я не долго остаюсь одна.

— Вот ты где! — Владимир возникает из примыкающего коридора и начинает идти рядом со мной, несмотря на то, что он, должно быть, поздно лёг и выпил много шампанского, он излучает энергию. — Чувствуешь себя лучше?

— По большей части, — Владимиру улыбается, кажется вполне естественным. Его легкие шаги и теплая улыбка очаровывают меня, и привязанность, которую он чувствует по отношению к сестре, нельзя ни с чем спутать. Что бы любимая сестра сказала в такой момент? Подумаем. Он посетил большую вечеринку прошлой ночью, так? У Джози было достаточно поздних возвращений и вечеров не дома, больше чем у меня, поэтому я говорю ему то, что сказала бы ей.

— А как насчет тебя? Я удивлена, что ты не под одеялом, стена и держа грелку со льдом на голове.

Владимир поднимает глаза к нему и драматически вздыхает:

— Ты никогда мне этого не забудешь, да?

— Нет, никогда, — блефовать проще, чем я думала, и я не могу сдержать улыбку.

Он продолжает:

— Однажды вечером я выпиваю слишком много тостов водкой и один раз в своей безупречной благодетельной жизни меня тошнит в декоративную вазу. Цена? Вечные насмешки моей сестры.

— Не насмешки. Но вечное поддразнивание? Определенно.

На это Владимир смеется, и его смех очень напоминает мамин. Вот что значит иметь брата. Я всегда хотела брата, и Владимир кажется именно тем братом, которого я хотела, покровительственный, смешной и добрый.

Именно в эту секунду я чувствую, как меня сильно ущипнули за руку.

— Ой! — я разворачиваюсь назад и вижу Катю, которая выглядит очень удовлетворенной собой в своем розовом платье. Хотя она похожа на Царя больше, чем все остальные, у неё те же буйные кудри Коваленко. — За что это?

— За то, что ты думала, что я слишком мала для бала! Мужчины танцевали со мной весь вечер!

Я смотрю на Владимира за подтверждением. Он бросает Кате многозначительный взгляд.

— Наша маленькая Катя протанцевала ровно четыре танца, один из них со мной, и два со своими дядями. Но один очень милый офицер действительно пригласил её на танец, и она танцевала хорошо.

Катя поднимает свой упрямый подбородок, как будто её только что не опровергли. Покачав головой, я говорю:

— Они так быстро растут.

— Куда летит время? — соглашается Владимир, притворяясь старым и мудрым.

За это Катя нахмуривается на меня.

— Вы не такие уж большие, — говорит она и бежит от меня, в её руках кончик моего пояса. Он развязывается и падает на ковер. Она бросает его и несется вперед, смеясь.

— Ох, правда, — она всегда так раздражает? Маргарет из этого измерения едва ли может её выносить.

Но что-то в хихиканье Кати напоминает мне о том, как несколько лет назад я пробралась за спину Джози, пока она разговаривала по телефону и вытащила заколку из её волос. Ей десять минут пришлось бегать за мной по дому, пока она не поймала меня. Почему мне в девять лет это казалось веселым? Не имею представления. Но это было потрясающе. Я даже перепрыгивала через диван, и надрывала живот, когда Джози пыталась повторить мой маневр, зацепилась за спинку и свалилась на пол.

Я помню, как Джози кричала:

— Младшие сестры — самые надоедливые создания на земле!

Теперь я понимаю, что она была права.

Пол шагает вперед и наклоняется, чтобы взять мой пояс, когда он протягивает его мне, он смотрит мне в глаза как будто, как будто я не только обязанность для него. Как будто он знает меня. Он вспомнил? Во мне зарождается надежда, но через секунду я понимаю, что

это всё еще Лейтенант Марков. Он говорит только:

— Миледи.

— Спасибо, Марков.

Мои слова звучат достаточно спокойно, но это так странно, смотреть на Пола и видеть его и не его одновременно.

Кого-то очень похожего на мужчину, которым, как я мечтала, мог бы быть Пол...

Владимир, кажется, не заметил ничего необычного между нами.

— Теперь, когда я вижу, что ты пришла в себя, я должен направиться в казармы, — говорит он, когда Пол снова отходит назад и я быстро завязываю пояс. — Хороших занятий.

— Увидимся за ужином, — ох, черт, что если они не ужинают вместе? Или я должна была сказать «обед»? Но не похоже, чтобы я ошиблась, потому что Владимир кивает. Я подставляю ему щеку для поцелуя и его усы щекочут мою кожу.

В конце коридора я обнаруживаю библиотеку, нет классную комнату.

— Ты дашь мне сегодня вставить хоть слово? — требует Катя, садясь за одну из широких парт, которые больше похоже на то, что можно увидеть антикварном магазине, чем на предмет школьного обихода. — Или ты снова будешь притворяться любимой зверушкой учителя? Он должен учить нас всех, не только тебя.

— Будем говорить по очереди, — отсутствующе обещаю я. По коридору приближаются шаги, легкие и тихие.

Потом в дверях появляется маленький мальчик, его лицо открыто, и он улыбается.

— Маргарет!

Энциклопедия подсказала нужное имя, а то, что она совершенно очарователен, помогает почувствовать то, что нужно.

— Пётр, — я вытягиваю руки к младшему брату, который кидается ко мне в объятия. Он даже больше похож на маму, чем я, стройный, почти хрупкий, слишком маленький для десятилетнего мальчика, но с милым выражением на лице, которое принадлежит только ему. Дает ли ему Царь любовь, в которой он нуждается? Я не вижу этого. То, как Пётр прижимается ко мне, болезненно напоминает мне о том, что его матери, моей матери, нашей матери, больше нет.

Даже Катя при виде его немного смягчается.

— Вы сегодня поразите меня своим французским, Пьер?

Он серьезно кивает.

— Я тренировался с Зефириным.

— Зефирин не говорит ни слова по-французски! — смеётся Катя, указывая на стража, стоящего за дверью рядом с Полом. Зефирин ничего не говорит, только продолжает смотреть вперед. — Посмотрим, как ты справишься, Питер.

Пьер, назвала она его, и потом Питер. В коридоре, Владимир назвал её Кати, а прошлым вечером он звал меня Маргарет, хотя энциклопедия утверждает, что в этом измерении мне дали русский вариант имени — Маргарита. Из уроков истории я знаю, что дворянство в девятнадцатом веке часто использовали другие формы их имен из языков, на которых они говорили, и эта аристократическая привычка, должно быть, выжила здесь.

Я бросаю взгляд через плечо на Пола. Здесь, без сомнения, он Павел, русская форма имени, но я не могу заставить себя называть его по-другому.

Классная комната не похожа на тусклые, формальные помещения, которые я видела по телевизору. Вместо пластиковых столов и плакатов здесь книжные полки от пола до

потолка. Персидский ковер здесь немного больше вытерт, чем в большинстве комнат дворца, тёмно-зеленые бархатные портьеры немного поношены. Эта комната не для хвастовства богатством и властью. Она похожа на дом.

Я занимаю место, которое должно быть моим, и думаю о том, как я смогу притворяться, потому что я не имею представления о том, что они изучают, кроме французского. Катя может привлекать внимание учителя, сколько хочет. Я, вероятно, не смогу ответить ни на один вопрос.

Потом знакомый голос говорит на английском:

— Я вижу, что Великие Князья прекрасно выглядят после вчерашнего веселья.

Я оборачиваюсь и вижу своего отца.

Он жив. Он жив, и он здесь, и больше, чем чего-либо, я хочу побежать к нему, обнять его, сказать, что я люблю его и все то, что я так хотела ему сказать еще раз. Это чудо, на которое я надеялась с начала путешествия.

Но я остаюсь в своем кресле, мои руки крепко сжимают подлокотники. Что он здесь делает? Я не понимаю...

— Давайте начнем урок, — говорит он. Мой отец, должно быть, приехал в Россию, чтобы учить царских сыновей и дочерей. Тогда он встретил мою мать.

Я не могу выпрыгнуть со своего места, чтобы обнять «царского учителя». Я должна продолжать играть роль. Но это все, что я могу сделать, чтобы сдержать слёзы счастья.

Он занимает свое место в передней части комнаты, бумаги рассыпаются из его портфеля. В этом измерении он так же рассеян, как и дома. Не смотря на странный официальный костюм, надетый на нем, старомодный костюм с жилетом и очки в тонкой оправе, он абсолютно, совершенно мой отец. Всё то же узкое привлекательное лицо, те же светло-голубые глаза, та же вопросительная улыбка, когда он беспокоится.

— Ваше Императорское Высочество, я слышал, что вам нездоровится. Вы лучше себя чувствуете?

Ох, да. Он имеет в виду меня.

— Гораздо лучше, благодарю Вас, Профессор, — мой голос кажется таким натянутым, как будто я едва могу произнести слова. Папа знает, что что-то происходит, но он просто изучает меня несколько секунд, потом кивает и позволяет мне продолжить.

— Хорошо. Я понимаю, что вам не терпится вернуться к урокам французского, поэтому, давайте начнем.

Питер изучает основы грамматики. Катя перевела какой-то текст. Я должна была закончить сочинение по работам Мольера. К счастью, я дома тоже изучала Мольера, поэтому я могу с этим справиться. Однако, все, что я могу сделать, это сжимать книгу трясущимися руками и бросать взгляды украдкой на моего отца, живого и здорового, и всего в нескольких шагах от меня.

Я никогда никого не теряла, не так. Мои бабушки и дедушки умерли до моего рождения, или, когда я была настолько маленькой, что едва ли их помню. Единственные похороны, на которых я была — похороны моей золотой рыбки. Поэтому я не знала, что такое горе.

Теперь я знаю, что горе — это наждак. Оно обостряет любовь, самые счастливые воспоминания, превращает их в клинки, которые разрывают тебя на части. Что-то вырвано изнутри, и эта пустота никогда не заполнится, никогда, не важно, сколько я проживу. Говорят, что время лечит, но даже сейчас, меньше чем через неделю после папиной смерти, я знаю, что это ложь. Люди на самом деле имеют в виду, что ты привыкаешь к боли. Ты

забудешь, какой была до неё, ты забудешь, как выглядела до шрамов.

Да, думаю я, это порог взрослой жизни. Не то, обычно говорят — окончание школы, или потеря девственности или твоя первая квартира, или что там еще. Ты пересекаешь порог первый раз, когда меняешься навсегда. Ты переходишь его в первый раз, когда понимаешь, что не сможешь вернуться.

Каждый раз, вид папиного лица или слыша его голос, я борюсь с желанием заплакать. Однако каким-то образом я держусь до конца занятий, французский и география, и, наконец, события в мире.

— Какие перемены нас ждут в следующие десятилетия? — говорит папа, когда мы изучаем самый свежий выпуск Le Monde (четырёхдневной давности, все здесь путешествует медленно). Он возбужден, как каждый раз, когда дает волю своему воображению. — Если этот конвейер применяют для машин, что еще можно сделать с его помощью? Подумайте о выигрыше в производительности и о технологиях!

— Или о войне, — тихо говорю я. — Оружие тоже будут так производить.

Папа смотрит на меня изучающим взглядом.

— Я полагаю, вы правы. Автоматизация увеличивает возможности человечества, в хорошую и плохую сторону.

Я вижу, как Питер пытается слушать, а Катя складывает самолётик из газетной страницы. Я действительно должна позволить им высказаться, но я не могу отказаться от возможности поговорить с отцом.

— Однако, вы не думаете, Ваше Императорское Высочество, что преимущества перевешивают недостатки? — папа поправляет очки. Я догадываюсь, что они сводят его с ума, эта версия папы не сможет носить контактные линзы.

— Это не простая формула. Не сложение и не вычитание, больше похоже на высшую математику, — я начинаю играть со своими волосами, но вспоминаю, что они уложены. — Товары будут дешевле и более разнообразны, это приведет к тому, что люди будут относиться к ним, как к мусору. Мы сменим индивидуальность и искусство на предсказуемость и доступность. Будут созданы бесконечные рабочие места, но когда промышленность глобализируется, эти рабочие места переместятся в менее развитые страны, где не так сильно развито трудовое законодательство...

Все остальные уставились на меня. Папа выглядит восхищенным, Питер и Катя выглядят беспокоящими. Сколько анахронизмов я только что сказала? Может быть, эта Маргарет не очень много думает об экономике.

— Поэтому, гм, последствия Промышленной Революции будут комплексными. Да, — моя улыбка, должно быть, выглядит такой же неловкой, как я себя чувствую.

— Промышленная Революция, — медленно повторяет папа. — Какой интересный поворот фразы. Как это отражает то, что сегодня происходит в мире. Промышленная Революция, очень хорошо сказано, Ваше Императорское Высочество.

Не смотря на абсурдность ситуации, я не могу ничего с собой поделаться и греюсь в лучах отцовской похвалы. Мне снова хочется плакать, и мне приходится отвести глаза.

Наши уроки заканчиваются, и, с сожалением, я ухожу из класса вместе с братом и сестрой. Прежде, чем выйти, я дарю отцу улыбку. Я чувствую намного больше, но я не могу рисковать. Пол ждал меня всё это время, с боков от него стояли личные стражи Петра и Кати. В нём нет признаков нетерпения, как если бы он дождался меня, независимо от того, сколько пришлось бы ждать.

— Опять любимая зверушка учителя, — шмыгает Катя и уходит.

— Ох, замолчи, — говорю я ей.

Пётр смеется.

— Ты его любимица и знаешь об этом. Но это естественно, потому что ты самая умная. Мой младший брат не обижается на нашу близость с учителем, в отличие от сестры.

— То, как вы оба держитесь, почти неприлично, — Катя откидывает волосы, которые заплетены в длинную косу. — Может быть, он хочет научить тебя не только истории?

— Екатерина! — это слово оказалось жестким и холодным. Конечно, она не знает, насколько гротескна её шутка на самом деле, но это не меняет того факта, что я хочу дать ей пощечину. — Как ты можешь говорить такие жестокие и лживые вещи?

Она отдергивается назад. Даже её воинственность не заходит так далеко.

— Это всего лишь шутка!

— Это не та тема, о которой можно шутить, даже со мной. Профессор Кейн хороший учитель для всех нас, и ты должна это уважать.

— Ладно-ладно, — ворчит Катя, явно готовая сменить тему разговора. Слава Богу. Последнее, что мне нужно, это чтобы она догадалась, почему я любимица.

Я обнаруживаю, что мы проводим день по-разному: Катя вышивает с одной из наших кузин, что она ненавидит. У Петра уроки верховой езды и может быть учеба военному делу в лагере с Владимиром, что он обожает. Я? Предполагается, что я проведу остаток дня, отвечая на письма разных царских родственников из Европы.

Столько неприятностей с планом. Во-первых, я на самом деле не знаю, кто эти родственники, конечно, у меня есть список, но кто именно такая Её Королевское Высочество Принцесса Дагмар Датская? Ну, я имею в виду, её очевидно зовут принцесса Дагмар, но кузины ли мы? Подруги? Почти незнакомки? О чем мы обычно разговариваем? Во-вторых, я уверена, что такие вещи предусмотрены этикетом, царские письма должны следовать шаблону, которого я не знаю.

Всё же, я не знаю, чем еще заняться. Пока Полковник Азаренко не вернется, я не смогу забрать у него Жар-птицу Пола, и мне придется приложить все усилия к тому, чтобы притворяться Великой Княжной. Это значит, что нужно писать письма. В библиотеке я умудрилась найти фолиант под названием «Список ведущих королевских, дворянский и официальных лиц», который перечисляет королевские семьи каждой страны с заметками о том, в каких мы находимся родственных отношениях.

Кажется, они все мои родственники.

Пол всё это время остается со мной, всего в нескольких футах от меня. Он, должно быть, заметил, как странно то, что мне нужны справочники, но он совершенно ничего об это не говорит, просто терпеливо ждет. Это помогает мне почувствовать себя более собранной, даже если я испорчу письма. Перьевая ручка течет каждые десять секунд, и писать руками так долго, и если вы спросите меня, то Скайп — гораздо лучший способ поддерживать связь.

В перерывах между письмом, я ищу в Списке упоминание о Теодоре Виллеме Беке. Ладно, сложно предположить, что Тео тоже входит в число дворян, но я отчаянно хочу узнать, где он. В мире без Google эту информацию гораздо сложнее достать. В книге нет упоминаний о нем, так же, как и мои служанки никогда не слышали его имени. Местонахождение Тео остается загадкой.

Работая над письмом к греческой принцессе, которая, очевидно, приходится мне теткой, я очень сильно ощущаю присутствие Пола. Он стоит в дверях салона, где я решила

работать, мы вдвоем в просторной элегантной комнате, с портретов на нас смотрят мои разнообразные предки, и все они, кажется, осуждают меня. Наконец, я больше не могу сидеть в тишине.

— Должно быть, вы находите это очень скучным, Марков, — говорю я.

Пол даже не поворачивает головы:

— Совсем нет, миледи.

— Разве вы не предпочли бы быть в своем, полку? — это будет правильно? — С другими солдатами?

— Моя обязанность оставаться с вами, миледи.

И что-то в том, как он говорит «миледи», волнует меня. Я возвращаюсь к письму, но могу только смотреть на страницу.

Ладно, я узнала, что Пол Марков — не убийца. Это облегчение, но правда создала больше вопросов, чем ответила. Почему Полу понадобилось разрушать мамины исследования и данные, и сбегать? И если он совершенно невиновен, почему он так жестоко дрался с Тео в Лондоне?

Что же. Мы с Тео первые напали на него, и Пол сказал, что подозревал Тео, когда увидел его...

Подождите. Мои глаза расширяются. Тео, этого не может быть.

Нет. Действительно не может быть. Тео сильно рисковал, чтобы попытаться и помочь моей матери и отомстить за моего отца, и он прыгал через измерения без гарантий, что он не превратится в «атомный суп». Он так же ничего не понимает, как и я. Изменяющиеся миры вокруг лишили меня уверенности во многом, но верность Тео, по меньшей мере, была без сомнений доказана.

Пол Марков остается загадкой.

Однако, эту загадку я смогу разгадать если у меня есть хоть какая-то надежда починить Жар-птицу.

Я пытаюсь сконцентрироваться на письме, но не могу. Я роняю голову на руку. Пол делает ко мне один шаг.

— Миледи? Вам нездоровится?

— Я, устала. Это всё.

— Не хотите пойти в Пасхальную комнату?

Пасхальная комната? Когда я поднимаю глаза, Пол улыбается, но застенчиво. Даже здесь, в мире, где он военный офицер в полной форме, ножом и пистолетом на поясе, он не уверен в том, что говорит правильные вещи.

Я поднимаюсь с кресла и позволяю ему показывать дорогу.

Пол ведет меня по длинным коридорам Зимнего Дворца. Золоченые потолки блестят над головой, когда мы проходим мимо колонн зеленого мрамора через комнаты, окрашенные в золотой или алый, или темно-синий, мои туфли мягко повторяют стук его сияющих сапог на паркетном полу. Наконец, мы достигаем высоких белых дверей. Пол открывает их и отступает в сторону, позволяя мне зайти первой. Я захожу внутрь, едва подавив удивленный вскрик.

Оказывается, в Пасхальной комнате моё семейство хранит яйца Фаберже.

Каждое яйцо — это шедевр ювелирного искусства. Достаточно маленькие, чтобы уместиться в руке взрослого, они отделаны фарфором, или золотом, или драгоценными камнями, или, чаще всего, всеми тремя материалами одновременно. Некоторые скромные,

как розовое эмалированное яйцо, отделанное рядами маленьких жемчужин, другие — эффектные и необычные, как яйцо из лазурита, окруженное серебряными кольцами, как у планеты Сатурна, гнездящееся «облаке» молочного кварца, украшенного платиновыми звездами.

В моем измерении несколько дюжин яиц Фаберже выжили с тех десятилетий, когда Романовы дарили их друг другу, как подарки на Пасху. В этом измерении традиция продолжалась больше ста лет. Несколько сотен яиц блестят и сверкают со своих мест на длинных полках. Похоже, что я угодила в шкатулку с драгоценностями, но в тысячу раз более ослепительную, потому что каждое яйцо — это уникальный предмет искусства.

На цыпочках я подхожу к одной из полок и выбираю алебастровое яйцо. Мой внутренний голос говорит «не урони, не урони, нет, нет, нет». Серебряный шарнир посередине открывается, и я поднимаю крышку, чтобы увидеть маленькую балерину с часовым механизмом, крошечную куколку, которая начинает танцевать пока играет мелодия. Она такая красивая, такая нежная, что я задерживаю дыхание.

— Не то, что вы обычно предпочитаете, миледи, — тихо говорит Пол.

Сколько раз он приводил меня сюда, когда мне было грустно или одиноко? Я чувствую, что это далеко не первый день, когда мы оказываемся здесь одни.

— Какое я обычно предпочитаю? — я смотрю вверх на серые глаза Пола, бросая ему вызов.

Не сомневаясь, он указывает на яйцо глубокого яркого цвета красного вина, украшенного завитками тонкой золотой филигрانی. Я могла бы смешивать краски часами и не добиться такой красоты, как в этом красном цвете.

Я понимаю, почему Пол сдерживается, конечно, ему не дозволяется к ним притрагиваться.

Поэтому я поднимаю подбородок и говорю:

— Принесите его мне, Марков.

Он сомневается только на мимолетное мгновение, потом берет яйцо своими большими руками. Они такие большие, такие сильные. Я думаю, он может обхватить мою талию ладонями. Я смотрю, как он поднимает крышку, чтобы открыть «сюрприз», еще одно произведение искусства, спрятанное в яйце. Здесь это маленькая серебряная подвеска — портрет моей мамы.

— О, — шепчу я. Конечно, это будет вещь, к которой я всегда возвращаюсь, которую я люблю больше остальных. Пол кладет яйцо в мои ладони. Его пальцы скользят по моим всего долю секунды, но мне кажется, что я чувствую его прикосновение еще долго.

Мы стоим там в течение нескольких долгих мгновений, так близко, глядя на тонкую бесценную вещь в моих руках. Я ощущаю молчание Пола, как его грудь поднимается и опускается с каждым вдохом. Мы одни в комнате, которая тянется на дюжины футов со сводчатым потолком в двадцати футах над нашими головами, и всё же наша близость почти невыносимо интимная. Послеобеденное солнце заглядывает через высокое окно, блестит на его знаках отличия и яйце, которое я держу.

Пол говорит:

— Ваша мать была очень красивой, миледи.

Он судит только по портрету. В этом измерении у него, вероятно, не было возможности узнать маму. Я думаю о том, как сильно она его любит дома, и чувствую боль потери — эта связь должна была существовать, но так не случилось.

— Да, была.

— Так же, как и вы, миледи.

Я не могу взглянуть на него. Я не могу вдохнуть.

Почему он так на меня действует?

Но, если быть честной, то, что я чувствую, началось уже давно, выросло из любопытства во что-то, что я даже не могу назвать.

— Ох, — вздрагиваю, и один из зубцов внутри яйца винного цвета падает в оболочку. Мамин портрет больше не будет висеть на своем месте. — Я его сломала.

— Не волнуйтесь, миледи. Ваш учитель сможет это починить, я уверен. Профессор Кейн прекрасно управляет с инструментами часовщика.

Конечно. Дома время от времени папа возится со старыми часами, снова приводя их в рабочее состояние. Его острый ум ученого отверг теоретические глубины мира и повернулся к практике. Здесь он наверняка тоже работает с механизмами.

Наконец, я поднимаю глаза на Пола, и я сияю таким счастьем, что это удивляет его. Но я не могу с собой ничего поделать.

Я только что нашла еще один выход.

Глава 13

— Профессор Кейн, — странно называть его как-то кроме папы.

Но что в этом всем не странно?

Папа заходит в Пасхальную комнату, сопровождаемый Полом, который вызвал его по моему приказу. Увидев бордовое яйцо у меня в руках, папа кивает, предугадывая мою просьбу.

— Это тот крючок, не так ли? Действительно, в скором времени вам нужно отдать его ювелирам Фаберже, чтобы они правильно его поставили, Ваше Императорское Высочество, — он запускает руку в карман и вытаскивает кожаный сверток, содержащий инструменты. — Но я могу поставить его обратно, не беспокойтесь.

— Конечно, вы можете, — я улыбаюсь ему, надеясь умаслить его еще для одной услуги. Потом я понимаю, что это в какой-то степени нелепо. Когда ты Великая Княжна дома Романовых, ты не просишь об одолжении, ты отдаешь приказы.

Но это все еще мой отец, и больше, чем когда-либо, я хочу обращаться с ним уважительно.

— У меня есть для вас еще одно дело, если вы заходите взглянуть на него, — я осторожно ставлю сломанное яйцо на маленький столик, потом засовываю руку в карман. Там, бережно завернутые в кружевной носовой платок, лежат части моей Жар-птицы. — Вот, этот кулон сломан.

Папа взглянул на меня и улыбнулся.

— Я полагаю, вы хотите сделать из меня ювелира, чтобы избежать экзамена по французскому.

— Нет, честное слово. Это важно для меня, и он сложный, — я замолкаю прежде, чем начну паниковать. Если папа (или Пол, охраняющий дверь) поймут, насколько я переживаю из-за Жар-птицы, могут возникнуть вопросы, на которые я не смогу ответить. — Кулон нужен не только для красоты. Когда все части будут правильно соединены, он снова будет работать.

— Что он делает? — папа поправляет очки на носу, когда я немного разворачиваю платок, чтобы показать бронзовые детали. — Играет музыку?

— Нет, — что я должна ему сказать? Он вряд ли поверит в правду. — Я боюсь, что не знаю.

— Тогда я сомневаюсь, что смогу правильно собрать его, не зная, как он должен работать. Конечно, я хочу помочь вам, Ваше Императорское Высочество, но это может быть задача, которую лучше доверить профессионалу.

Ох, нет. Если у нас с Полом и будет запасной план того, как выбраться из этого измерения, мне нужен кто-то такой, как отец для того, чтобы поработать над Жар-птицей. Ладно, он застрял в роли учителя в этой жизни, но это не меняет того, что он гений. Он — мой шанс, может быть, единственный.

Нет гарантий, что Полковник Азаренко не выбросит или не продаст Жар-птицу Пола к тому времени, как вернется из Москвы, и если мою не починить, то мы с Полом оба будем заперты здесь навечно.

Чтобы успокоить нарастающую панику, с делаю несколько глубоких вдохов, пока папа работает над яйцом Фаберже. Он искусно работает над крошечной парой зубцов, чтобы придать крючку правильную форму, но то, что он делает дальше, лишает меня способности дышать.

Папа берет подвеску с портретом мамы, купленную царем Александром V, который, вероятно, никогда больше не смотрел на неё. Но папа долго держит подвеску, его глаза впитывают изображение её лица, и в нём я вижу самую большую грусть и тоску, которую я когда-либо видела.

«Я не знала, как выглядит твой отец в первый раз, когда он приехал ко мне», однажды сказала мама, когда мы готовили на заднем дворе, одним ленивым летним днем. «Но я уже наполовину была влюблена в него».

Папа рассмеялся, когда она обняла его со спины.

— И я нашел фотографию с другого факультета, поэтому я думал, что доктор Коваленко гораздо старше, — он поднял её руку и поцеловал. — Все же, мы обменялись некоторыми заманчивыми формулами. Я тоже был наполовину влюблен. Поэтому, вы видите, что это было интеллектуальное ухаживание — поначалу.

— Поначалу, — мамина улыбка была определено порочной. — Я влюбилась на вторую половину, когда мы встретились в аэропорту и я обнаружила, как ты невероятно сексуален.

— И я тоже, — признал отец. — Я почти затащил тебя в багажное отделение.

Мы с Джози изобразили отвращение, потому что были моложе и думали, что обнимающиеся родители — это отвратительно. Это было до того, как я осознала, насколько большая редкость — наблюдать, как два человека на самом деле остаются влюбленными друг в друга всю жизнь.

Может быть, с моей стороны неправильно использовать его чувства против него, но глубоко внутри я знала, что папа хочет помочь мне и успокоить ту версию мамы, которая дома оплакивает его и к которой я отчаянно хочу вернуться. Поэтому всё правильно. По меньшей мере, я надеюсь на это.

— Это принадлежало моей матери, — говорю я, протягивая осколки Жар-птицы, завернутые в кружево.

Это сработало. Папа отвернулся от яйца Фаберже.

— Вашей матери?

— Она всегда показывала мне его, когда я была маленькой, — первое правило лжи, как однажды объяснил Тео, пусть это будет просто и глупо. — Я не помню фокус, что именно оно делало, но помню, что любила его. Мама всегда делилась им со мной, поэтому, найдя его несколько дней назад, я была так рада. Но видите, оно разломано на куски. Кому-то нужно снова его собрать. Вы можете, я знаю, вы можете.

Очень нежно папа вешает мамин эмалевый портрет обратно в яйцо цвета вина и снова закрывает его. Потом он берет кружевной платок в руки и поднимает один из обломков Жар-птицы, овальный кусок металла со встроенным чипом. Невозможно, чтобы он знал, что такое микросхема, понимаю я, и мое сердце падает. Не обманываю ли я себя, веря, что это возможно?

— Вы имеете представление о его общем устройстве, Ваше Императорское Высочество? — говорит он.

Я постукиваю пальцем по корпусу кулона.

— Все части вставляются в кулон, складываются так, что становятся похожи просто на украшение. И я не думаю, что что-нибудь пропало, сломалось или просто рассыпалось. Но больше я ничего не знаю.

Папа обдумывает это еще какое-то время, потом говорит:

— Во многих устройствах есть внутренняя логика. Может быть, я смогу её понять, если мне дадут время.

— Вы попробуете?

— Почему нет? Я всегда любил головоломки.

Во мне загорается надежда, яркая и дикая.

— О, спасибо вам! — я порываюсь обнять его, но всё-таки сдерживаюсь.

Папа улыбается и завертывает останки Жар-птицы обратно в кружево.

— Мое удовольствие, Ваше Императорское Высочество. Я всегда рад помочь вам.

— Вы не знаете, что это для меня значит, — возможно ли, что я на самом деле выберусь отсюда?

— Я понимаю, — всё, что говорит он, но в этих двух словах я слышу его любовь к моей матери и глубину того, на что он пойдет ради её памяти.

Даже такой гений, как мой отец не может в ту же минуту починить сложное устройство, которого он никогда не видел прежде. И он не может растянуть время. Рождество — это венец сезона здесь, в Санкт-Петербурге, что значит, что почти каждый вечер включает в себя ужин, танцы или общественное собрание. Мой папа не участвует в этих событиях, а я участвую во всех. Азаренко всё ещё в Москве, и без машины времени, которую мама так и не изобрела, я не могу заставить Новый Год приближаться быстрее.

А пока что мне лучше чувствовать себя как дома.

Я начинаю с основ. Я запоминаю Список Царственных особ так хорошо, как могу. Календарь с моими встречами оказывается у меня в столе, поэтому я могу понять, что делать дальше, и я нахожу карту Зимнего Дворца, которая помогает мне ориентироваться. Если я потеряюсь в собственном доме, это, вероятно, наведет людей на подозрения.

Самое странное то, насколько всё обычно. Через несколько дней я совершенно привыкаю носить платья длиной до полу, и носить прическу в виде сложного переплетения кос. Мой язык привыкает ко вкусу черной икры, пряному аромату борща и крепости русского чая. Я могу читать и говорить по-английски, по-французски и по-русски без затруднений и переключаться между ними, и я много тренируюсь, надеюсь, что буду немного

знать французский и русский по возвращении.

Каждое утро служанки готовят меня к новому дню, делая всё, что нужно, начиная от натягивания чулок мне на ноги, и заканчивая полировкой моих клипс, прежде чем туго закрутить замки в мочках моих ушей. У Великой Княжны не проколоты уши — в этом измерении, по меньшей мере в Санкт-Петербурге, любой вид пирсинга будет равнозначен тому, чтобы надеть футболку с надписью: «Я — ПРОСТИТУТКА, СПРОСИ СКОЛЬКО СТОЮ.»

Они даже заботятся обо всем, когда, на мое четвертое утро, начинаются месячные. Здесь это очень хлопотно, и нужно пользоваться хитроумным изобретением, похожим на пояс для чулок, но совершенно не сексуальным и настоящими полотенцами, сложенными у меня между ног. Я должна стоять краснея так сильно, что я, должно быть, стала фиолетовой, пока они меняют их каждый несколько часов и уносят полотенца, чтобы их постирала вручную какая-то несчастная женщина. Почему у меня не начались месячные пока я жила в Лондоне? У них возможно были волшебные тампоны или что-нибудь вроде того. Но служанки, кажется об этом не думают, поэтому я стараюсь сыграть свою роль, не выдавая, насколько для меня это чуждо.

Каждый день я иду в классную комнату и изучаю французский, географию, экономику и все, на что я могу уговорить папу. Он откликается на моё возрастающее любопытство и проводит уроки о последних изобретениях, например, о гонке на изобретение самолёта. Их уже здесь изобрели, но совсем недавно, и они всё ещё очень ненадежны. Самый длинный полет в истории длился пока что около двадцати минут. Пётр это обожает, задает столько вопросов, что я думаю, не унаследовал ли он мамин пылкий ум, Катя дует губы из-за дополнительного домашнего задания, но я догадываюсь, что она тоже заинтригована.

Снова видеть отца не становится проще, но я радуюсь даже боли. Эта последняя возможность провести с ним время, подарок, за который я никогда не смогу отблагодарить.

И Пол всегда рядом со мной. Всегда со мной. Если он не со мной в комнате, то он за дверью.

Поначалу, ободрение, которое я получаю от него, очень простое. Пока Пол рядом, я знаю, что он в безопасности. Я могу верить, что мы достанем обратно его Жар-Птицу, или папа сможет починить мою и я смогу напомнить Полу, кто он, и потом я буду уверена, что мы вернемся домой.

Назначен еще один большой бал, еще один из более чем дюжины, ведущих к Рождеству. Я не смогу снова сослаться на головокружение, чтобы не ходить на него К несчастью, танцы, которые танцуют на балах, далеки от тех, к которым я привыкла. Кажется, вальсы играют главную роль.

Я не имею представления, как вальсировать. Если дочь царя выйдет на паркет и выставит себя на посмешище, люди начнут задаваться вопросом, что со мной не так.

После полудня, когда мы с Полом идем в библиотеку, я даже не утруждаю себя тем, чтобы сесть за стол. Вместо этого, как только Пол закрывает за нами дверь, я говорю:

— Лейтенант Марков, я хочу научиться вальсировать.

Он останавливается. Он смотрит на меня. Через несколько секунд, он осмеливается:

— Миледи, вы — прекрасная танцовщица. Я видел, как вы вальсируете, несколько раз.

— Как бы то ни было, — это звучит по-царски? Может быть, я слишком явно задала вопрос... — Я чувствую, что давно не тренировалась. Я бы хотела порепетировать перед сегодняшним вечером. Вы потанцуете со мной, не так ли?

Пол выпрямляется, выглядя так неловко и неуверенно, как и дома. Но он говорит:

— Как пожелаете, миледи.

— Ладно. Хорошо. Для начала нам нужна музыка, — в углу стоит старомодный патефон, в полной красе со своим огромным раструбом, который использовался раньше вместо колонок. В старых фильмах казалось, что ими пользоваться просто, ставишь запись, опускаешь иглу и вуаля.

Но когда я подхожу к нему, шлепая туфлями по персидскому ковру, я понимаю, что этот патефон не предназначен для пластинок. Я достаточно с ними знакома благодаря папиной виниловой коллекции, но это, цилиндры? Восковые?

Я прикрываю свою неловкость так хорошо, как могу.

— Марков, выберите для нас музыку.

Он плавно идет ко мне и выбирает цилиндр. Я внимательно наблюдаю, чтобы в следующий раз, когда мне это понадобится, я смогла это повторить. Потом он отворачивает маленький рычажок в сторону и начинает играть мягкая, приятная музыка, её ноты прекрасны даже не смотря на шум и помехи.

Я поворачиваюсь к Полу, готовая начать, но он говорит:

— Гладкий пол лучше подойдет, миледи.

Конечно. В танцевальных залах никогда нет ковров.

Поэтому я следую за ним в часть комнаты с окнами, где нет ковра. Квадраты под нашими ногами кажутся полосатыми, собранными из различных пород дерева. Свет из узких окон мягко падает на нас, и волосы Пола отблескивают рыжеватым.

— Разрешите, миледи, — он немного натянуто вытягивает руку, близко ко мне, но не прикасаясь, и я понимаю, о чем он просит. Ему нужно разрешение, чтобы дотронуться до меня.

Я поднимаю к нему лицо и понимаю, что он хочет дотронуться до меня.

Каким-то образом я говорю:

— Разрешаю, Марков.

Он берет мою ладонь в свою. Моя рука ложится ему на плечо, это всё, что я знаю. Его левая рука обхватывает изгиб моей талии, я чувствую тепло даже через белый шелк своего платья.

Мне тяжело встретиться с ним глазами, но я не отворачиваюсь. Я не могу.

Потом Пол начинает вальсировать. Это простые шаги — РАЗ-два-три, РАЗ-два-три — и всё же первые несколько секунд я чувствую себя неловко. Танцы сложнее имитировать. Но я вспоминаю то, что моя мать однажды сказала про танцы, она сказала, «ты просто должна следовать туда, куда тебя ведет мужчина. Ты должна полностью подчиняться, позволить ему направлять тебя каждую секунду.»

Обычно я плохо умею передавать ответственность. Но сейчас я это делаю. Я позволяю Полу руководить.

Теперь я чувствую легкое присутствие его руки у себя на спине, он не толкает меня, а нежно, очень нежно подсказывает, в каком направлении он повернет. Наши сомкнутые руки вместе опускаются, и моя поза меняется так, что я позволяю ему немного наклонить меня назад. От наклонов и танцев у меня немного кружится голова, но это почти мне помогает. Сейчас я могу ему подчиниться. Я могу перестать думать, перестать волноваться и существовать только в танце.

Увидев перемену, Пол становится смелее. Мы описываем более и более широкие круги.

Моя длинная юбка развеивается вокруг меня, я смеюсь от радости и меня награждает его улыбка. Как будто все мое тело понимает, какое движение он сделает в следующее мгновение, и мы увлеченно танцуем только ради удовольствия от танца. Рука Пола напрягается у меня на спине, прижимает меня ближе...

И песня заканчивается. Мы дергаемся и останавливаемся, и музыка пропадает. Остается только шипение.

Несколько секунд мы еще стоим в танцевальной позе, которая превратилась в объятия. Потом Пол отпускает меня и делает шаг назад.

— Вы великолепно танцуете, Ваше Императорское Высочество.

— Благодарю вас, Марков.

Так должна вести себя принцесса? Уйти от партнера по танцу и даже не оглянуться? Я надеюсь, что да. Я сажусь за свой стол, притворяясь, что могу читать письма, разложенные передо мной, что каждая частичка меня не ощущает присутствие Пола, опять стоящего на страже у двери.

То, как он танцует со мной, смотрит на меня, я должна это понять. Что произошло между Маргарет из этого измерения и Лейтенантом Марковым?

В тот вечер, пока я жду, что появятся служанки и приготовят меня к балу, я копаюсь в вещах Великой Княжны Маргариты, в поисках любовных писем, дневника, чего-нибудь. Увидев папку с рисунками, мое сердце переворачивается. Она тоже художница! Я бы все отдала сейчас за свои масляные краски.

Но эта Маргарет не пишет маслом, она — графист.

Карандаши и уголь — вот её инструменты, которые я обнаружила в маленьком кожаном чехле. Мой собственный огромный интерес с цвету и глубине не отражен в её работах, вместо этого она увлечена деталями, точностью. И всё же я узнаю в её работах некоторые фрагменты, как свои собственные.

Вот Питер, читающий книгу, его брови завороченно приподняты, Катя, так сильно пытающаяся выглядеть по-взрослому, что это кажется нелепым...

И, Пол.

Сидя на вышитом ковре у себя в спальне, я переворачиваю листы бумаги и вижу два, три и даже больше набросков Пола Маркова. Вспомнив его разрезанный портрет, я чувствую, прилив стыда, не только из-за того, что уничтожила свою работу, потому что я верила в то, что было неправдой, но и потому, что я не смогла поймать его характер на картине. Мой портрет не сравнится с портретом этой Маргарет — она очень хороша.

Она поймала что-то почти неощутимое в его портрете в профиль, то чувство предназначения, которое Пол излучает каждую секунду, не важно, насколько это обычно для него. Этот набросок изображает Пола, стоящего во внимании, его плечи нарисованы с любящим сниманием к деталям, что говорит мне о том, что она замечает то, как форма облегает его тело, как он двигается.

Наконец, я поднимаю рисунок, на котором изображена Пасхальная комната. Я не знаю, добровольно ли Пол позировал для остальных, но для этого он точно не позировал. В портретах, написанных по памяти, есть что-то более мягкое, одновременно более страстное и неуверенное. Она поймала легкий наклон его головы, означающий, что он внимательно наблюдает, штормовой оттенок его глаз. Позади него нарисованы яйца Фаберже, больше похожие на тени хотя я вижу, что она нарисовала несколько деталей, намек на эмаль в одном, искру света на другом.

Я пытаюсь рассмотреть их, а не то, как она нарисовала Пола, смотрящего прямо на художника с выражением, показывающем в равной мере боль и надежду.

Он смотрит на меня. Всегда, всегда смотрит на меня.

Я быстро складываю рисунки, разбросанные у меня на коленях, и вставляю их обратно в папку. Карандаши и уголь остаются, но, пока я здесь — никаких портретов, думаю я. Может быть, пришла пора попробовать пейзажи для разнообразия.

Что за черт, думаю я. Если я застряну в этом измерении, то смогу быть тем, кто изобретет абстрактное искусство.

Но я не застряну здесь. Нет. Если всё остальное не удастся, папа сможет меня спасти. Я должна в это верить.

Если я здесь не застряну, мне не придется снова и снова спрашивать себя, что за чувство заставило эту Маргарет снова и снова рисовать Пола. То, что она видела в нем позволило ей поймать его душу более полно, чем когда-либо удавалось мне.

Или думать о том, что душа Полка кажется всё такой же.

Мои служанки превзошли сами себя в приготовлениях к балу. Моё сегодняшнее платье — чистое серебро, шелк, вышивка, бусины, пришитые вдоль глубокого квадратного выреза, на манжетах и подоле. Они снова помещают рубиновую тиару мне в волосы, закрепляют бриллиантовые серьги, такие тяжелые, что я не могу представить, как смогу проходить в них весь вечер. Моё отражение в зеркале поражает меня.

Почему я так выгляжу в измерении, где нет камер на телефоне? Думаю, я в отчаянии, поворачиваясь то одним боком, то другим. Я бы делала селфи целый час, и это были бы единственные фотографии, которые я использовала бы до конца жизни.

Но выходя из своей комнаты, я вижу свое истинное отражение в глазах Пола.

Он резко вдыхает, потом говорит почти шепотом:

— Миледи.

— Лейтенант Марков, — даже несмотря на то, что я знаю, что он должен проводить меня на бал, это всё что я могу сделать, чтобы не протянуть к нему руки и не пригласить на следующий танец.

Можем ли мы сегодня потанцевать? Вероятно, я должна буду сначала потанцевать с дворянами, и Владимиром, конечно, потому что если он танцевал с Катей, то он потанцует и со мной...

— Конечно, вы не имеете в виду, что я не приглашен?

Мужской голос звенит по коридору, когда мы с Полос спускаемся по лестнице. Из того, что все вокруг меня застывают, я понимаю, что это плохие новости.

Катя топает по лестнице позади меня, неуклюжая, даже не смотря на свое длинное белое платье.

— Он пришел, — шепчет она. — Говорили, что не придет.

— Всё хорошо, — говорю я, хотя я не знаю, так ли это.

Пол поворачивается ко мне.

— Если в любую минуту этого вечера вы почувствуете себя в опасности...

— Я приду сразу к вам, — обещаю я.

Потом появляется Владимир с угрюмым выражением лица, которое контрастирует с его отутюженной формой и сияющими медалями.

— Тогда пойдём, — говорит он, предлагая мне руку. — Кажется, сегодня мы должны изображать Счастливую Семью. Давай встретим дракона вместе, а?

Бок о бок с Владимиром и Катей, тенью, следующей за нами, я прохожу в главный коридор. Снова дюжины дворян в бриллиантах и лентах окружают меня, притворяясь, что не замечают едва прикрытый спор в центре. Там напряженно стоит Царь Александр, принимая кого-то. Мужчина на год или два моложе него, немного стройнее, но такой же высокий, с выражением гордого презрения и в военной форме такой же блестящей, как у остальных в комнате.

— Дядя Сергей, — произносит Владимир, кланяясь ему. До этой минуты я не понимала, как поклон может быть саркастичным. — Как приятно вас видеть. И как раз вовремя к праздникам!

Великий Князь Сергей. Факты, которые я запомнила из списка, приходят мне на помощь. Он — младший брат царя и соперничает с ним за власть. Я не знала, насколько серьезно принимать газетные статьи об их соперничестве, но сейчас, когда я вижу яд во взгляде Сергея, я наконец-то понимаю.

Его глаза прищуриваются, когда он смотрит на меня.

— Ваша лесть никого не убеждает, Владимир. Но по меньшей мере, у вас есть манеры, чтобы притвориться, что вы рады меня видеть.

Я призываю свою смелость.

— Дядя Сергей. Добро пожаловать, — потом я протягиваю ему руку для поцелуя. Сергей смотрит на неё так долго, что я начала сомневаться, правильно ли я сделала, но потом он наклоняется и прижимает губы к моим костяшкам.

У него холодные губы. Я чувствую, что он представляет, как будет выглядеть моя рука без пульса.

Катя в свою очередь предлагает руку, на её маленьком, упрямом лице такое недовольное выражение, что я не могу ничего с собой поделать и представляю, как она показывает ему средний палец. Пока Сергей обращается с ней так же скользко, как и со мной, я изучаю лица вокруг — царя, брата, дворян, Пола. Все как один они выглядят злыми, и в нескольких я чувствую страх.

Соперник за власть хочет власти. Он попытается отобрать её у царя, у мужчины, которого все считают моим отцом. Ему придется уничтожить наследника отца — Владимира. И Петра. И Катю. И...

Стать Маргарет из этого измерения, значит жить её жизнью. Не только платья и драгоценности, не только танцевать с Полом.

До этого я боялась только не попасть домой. Теперь я боюсь не убраться из этого измерения вовремя, чтобы избежать опасности, которая, как я понимаю, очень, очень реальна.

Глава 14

На следующее утро Владимир входит в студию с пачкой писем в руке.

— Ты сейчас отвечаешь за царскую корреспонденцию? — я улыбаюсь, чтобы превратить это в шутку, но я честно хочу узнать, почему он делает что-то настолько необычное. После полутора недель в этом измерении понимаю, как странно то, что он приносит почту вместо слуги.

— Сегодня утром пришло странное письмо. Главный секретарь спросил моего мнения, и я не знал, что об этом подумать, поэтому я сам принес его, — Владимир стучит всей пачкой конвертов об мой стол, прежде, чем подать её мне. — Оно прибыло французской

почтой. Очень необычно, это может быть работа сумасшедшего, но очевидно конверт очень убедителен. Клялся, что ты захочешь это увидеть.

Он вытаскивает конверт из пачки и подает мне.

— Это так?

Написанный прекрасным, элегантным почерком по-английски адрес гласит: «Её Императорскому Высочеству Великой Княжне Маргарите Всея Руси.»

Внизу еще одно имя: «Мег».

Тео! Я хватаю конверт из рук Владимира так быстро, что он смеется от удивления. Но он не мешает мне сломать печать и почитать записку внутри.

«Итак, я — химик в Париже, и я думал, что это довольно удивительно, до тех пор, пока я не прочитал газету и не понял, кто ты. Какого черта ты стала дочерью царя? Не знаю, как это спланировано, но сыграно хорошо, Мег. Хорошо сыграно.

Пол, очевидно, прыгнул в это измерение, и ты тоже, моя Жар-птица говорит мне об этом. Почти неделя здесь — и никто из вас не прыгнул обратно, и я схожу с ума, пытаюсь понять, почему. Я бы больше беспокоился, если бы не знал, что ты окружена стражами, которые могут защитить тебя, если меня нет рядом, чтобы сделать это самому. Ты видела Пола? Ты использовала свою власть чтобы казнить его в какой-нибудь варварской русской манере?»

Слова Тео меня ошеломляют. Ещё хуже — это вспоминать, что совсем недавно я думала, что Пол — убийца. Я бросаю взгляд над письмом чтобы посмотреть на Пола, стоящего в дверях. Тео думал, что мне нужны охранники, чтобы защитить меня от него, вместо этого Пол сам меня защищает.

«Со всей серьезностью, я беспокоюсь за тебя. Я не знаю, почему ты еще там. Ты ждешь меня? Пожалуйста, не надо. Визы в Россию сложно получить (я проверял), в частности, когда ты не говоришь по-русски.

Единственная другая вероятность, о которой я могу подумать, это то, что твоя Жар-птица каким-то образом повреждена, или что ты больна, или ты не помнишь себя. Если это последнее — да, это письмо кажется безумным. Я надеюсь, что ты не больна. Я читаю газеты каждый день, пытаюсь узнать, как у тебя дела.

Если что-то случилось с твоей Жар-птицей, дай мне знать, хорошо? Тебе будет легче написать мне, чем наоборот. Ты может быть даже сможешь организовать визу многообещающему парижскому химику. Или, эй, ты можешь поехать в Париж за модными платьями, так? Эти чертовы шляпы, кажется, в тренде. Скажи царю что тебе нужны чертовы большие шляпы. Сделай что можешь, чтобы приехать. Тогда я помогу тебе и просто снова увижу твое лицо. Я не знал, как сильно буду по нему скучать.

Кстати, не беспокойся обо мне. Я отказался от предложения изучать радий, и я живу только в нескольких остановках метро от Мулин Руж. Так что Париж прекрасно мне подходит.

Все, чего мне не хватает здесь — это ты.»

Письмо падает мне на колени, меня охватывает столько эмоций, что я едва ли могу в них разобраться. Моя радость восточки сплетается с надеждой, может быть, он сможет починить Жар-птицу, если у папы не получится, волнением, как мы должны встретиться и чувством вины... Потому что Тео скучает по мне. Волнуется обо мне. Заботится обо мне, и я не знаю, что чувствую к нему в ответ.

Иногда я думаю о той ночи в Лондоне, как он наклонился надо мной в постели и

поцеловал меня в шею. Это воспоминание опьяняет.

И всё же, оно не такое сильное, как воспоминание о том, как Пол стоял в дверях моей спальни и наблюдал за тем, как я пишу. Или учил меня вальсировать, здесь, в этой самой комнате.

Я еще раз смотрю через комнату на Пола, и в ту же секунду он смотрит на меня. Наши глаза встречаются и что-то во мне дрожит. Пол выпрямляется, становится более строгим, чем раньше, пытаюсь притвориться, что этого не было.

— Ты выглядишь, как громом пораженная, — говорит Владимир, и я слышу искреннее беспокойство в его голосе.

— Это личное, — говорю я. Подняв глаза, я вижу, что Владимир почти уязвлен, возможно, Маргарет в этом измерении рассказывает ему почти все. Он кажется человеком, которому можно доверять. Поэтому я протягиваю руку, и когда Владимир берет её, я пытаюсь улыбнуться. — Как ты думаешь, Царь позволит мне поехать в Париж, чтобы купить несколько шляп?

— Это насчет шляп?

— В каком-то смысле.

Владимир качает головой.

— Я никогда не смогу понять женщин.

Потом он оставляет нас, поэтому я могу ответить Тео. Потом я пытаюсь разобрать остальные письма, но не могу сосредоточиться. Письмо Тео напомнило мне, насколько мое положение здесь странно, как сложно будет выбраться из этого измерения, и если даже я смогу, то что делать с чувствами к нему — и к Полу, и я, я не могу себе позволить сейчас думать об этом.

Я роняю голову в руки, ошеломленная. Через некоторое время Пол говорит:

— Вам нехорошо, миледи?

— Нет. Совсем нет, я, я думаю, сегодня просто трудный день, — я пытаюсь придумать тему разговора, которая не будет минным полем. Это сложно сделать. — Это письмо румынской принцессе, которая приезжает в Санкт-Петербург. Почему русская великая княжна пишет румынской принцессе по-английски? И вообще, почему мы сейчас говорим по-английски?

— Это царская традиция на протяжении нескольких поколений, — говорит он, очевидно не зная, к чему я клоню.

Это правда не только в этом измерении, но сейчас, когда я думаю об уроках истории, которые получила дома, то вспоминаю, что в моем измерении тоже было так. Николай и Александра писали друг другу по-английски. Королевские особы такие странные.

— Вы бы предпочли говорить по-русски, миледи?

— Нет, всё хорошо. Я просто думаю вслух.

— Кроме того... — голос Пола становится жестче, как будто он старается, чтобы он звучал официально. — Тренировка поможет вам в будущем, миледи.

О чем он говорит? Я говорю так легко, как могу.

— Вы так думаете? Почему, в частности?

Пол выпрямляется.

— Я имел в виду что, что ожидается ваше обручение с Принцем Уэльским. Извините что говорю не вовремя, миледи.

На какую-то секунду, это смехотворно — я выйду замуж за Принца Уильяма! Я получу

все симпатичные пальто Кейт Миддлтон! Но потом вспоминаю, что в списке наследник Британской Империи не Уилл, это кто-то гораздо более благородный, гораздо менее привлекательный. И даже если бы это был Принц Уильям, это не долго было бы смешно, потому что я останусь заперта здесь, мне придется на самом деле выйти замуж на совершенно незнакомого человека в на другом конце света.

— Миледи? — нерешительно говорит Пол.

Всё хорошо, хочу сказать я, но вместо этого я прижимаю руку ко рту, пытаюсь сохранить самообладание. Я не должна сломаться. Я не должна.

— Вы имели в виду, что я свободно должна говорить по-английски, — мой голос дрожит, он, должно быть знает, как мне больно, даже если он не совсем понимает, почему. — Потому что однажды я стану их королевой.

Ладно, слава Богу, я об этом подумала, потому что мне становится немного смешно от мысли о том, как я неловко машу рукой из кареты и на мне огромная шляпа с перьями.

Но Пол выглядит так же неловко, как я себя чувствую.

Он осмеливается сказать:

— Миледи, Его Императорское Величество никогда бы не позволил вам вступить в брак с мужчиной, недостойным вас.

Я догадываюсь, что царь Александр практически выставил меня на аукцион и продал той королевской особе, которая заплатила больше всего.

— Я хотела бы быть так же уверена.

Пол кивает со странной горячностью.

— Без сомнения, миледи, Принц Уэльский станет любящим мужем. Я не могу представить себе ни одного мужчины, который бы не считал себя счастливым потому, что ему досталась такая жена. Что он не смог бы полюбить вас с первого взгляда.

Мы в двадцати футах друг от друга, и мне кажется, словно мы настолько близко, что можем прикоснуться друг к другу. Я думаю, он даже слышал, как у меня перехватило дыхание.

— Любой мужчина, — говорит он. — Миледи.

— Любовь с первого взгляда, — эти слова едва ли громче шепота, но они разносятся в обширной гулкой комнате. — Я всегда думала, что настоящая любовь может прийти только со временем. После того, как вы узнаете друг друга, станете доверять друг другу. Через дни, недели, или месяцы, проведенные вместе, научившись понимать даже то, о чем не говорят вслух.

Пол улыбается, и его глаза от этого кажутся более грустными.

— Чувства могут вырасти, миледи, — его слова даже тише моих. — Я знаю, что это правда.

Когда мы смотрим друг другу в глаза, он безмолвно признается в чем-то прекрасном и опасном. Видит ли он то же признание у меня в глазах?

Я знаю, что у другой Маргарет были ответные чувства, безмолвные и безнадежные.

Никакой обычный солдат, не взирая на его верность и смелость, не может жениться на Великой Княжне. Никакая Великая Княжна не осмелится рисковать благосклонностью царя из-за запретной любовной интрижки.

— Благодарю вас, Лейтенант Марков, — говорю я. Я пытаюсь сказать это формальным тоном, как будто меня это не задело. Но не могу.

Пол склоняет голову и снова стоит во внимании словно ничего не было. Он лучше умеет

притворяться, чем я.

Приходит Рождество. Я провожу его в церкви. Само по себе это было бы странно для меня, дочери людей, описывающих себя как «Конфуциагностики». И здесь «церковь» означает русский ортодоксальный собор, с попами, которые одеты в высокие вышитые головные уборы, с длинными бородами и хорами, поющими гимны тихими голосами и таким густым запахом ладана, что мне постоянно приходится прятать лицо в ладонях, чтобы откашляться.

Преклоняя колени на моей скамейке, я думаю о маме и Джози там, дома, как они проводят Рождество без папы и меня тоже. Сейчас они уже знают, что задумали мы с Тео, и они должно быть оставили надежду на то, что я вернусь домой.

Думает ли она, что мы мертвы?

Я должна быть с ней. Вместо этого я начала преследовать Пола, потому что была слишком зла, чтобы думать трезво, слишком расстроена, чтобы притормозить и подождать до тех пор, пока мы с Тео не обретем уверенность в том, что делаем. Достаточно просто было бы винить Тео, он любил папу почти так же сильно, как и я. Он не был более рассудителен, чем я.

Нет, это моя собственная вина, что я сейчас не с моими матерью и сестрой в самое худшее Рождество в их жизни. Моя вина в том, что мама вероятно оплакивает меня и папу. Стыд душит меня, как дым от кадила и темные осуждающие глаза с икон начинают порицать меня из своих блестящих рам.

Тем же полуднем мы обмениваемся подарками в комнатах царя. К счастью, Великая Княжна Маргарита более организована, чем я, её подарки уже были завернуты и подписаны прежде, чем я попала сюда. К моему удивлению, подарки — самые обычные вещи. Владимир подарил мне перьевую ручку, я подарила Кате кружевные носовые платки, Царь Александр кажется совершенно удовлетворен новыми сапогами от Петра. Я бы подумала, что царские семьи дарят друг другу потрясающие, знаковые вещи, например, изумруды размером с бейсбольный мяч. Но может быть, если ты каждый день окружен роскошью, богатство теряет свою силу.

Великий Князь Сергей не участвует в семейном празднике. Я не удивлена.

После этого Пол сопровождает меня обратно в мою комнату, но в дверях он откашливается.

— Миледи?

— Да?

— Если вы окажете мне честь, если не будет неподобающим, чтобы вы приняли это, у меня есть для вас подарок.

Он смотрит так неуверенно, так неловко, как Пол из моей вселенной. Я не могу с собой ничего поделаться и улыбаюсь.

— У меня тоже есть для вас подарок.

Улыбка освещает его лицо.

— Позвольте мне...

Я киваю, извиняя его и он торопится в соседнюю комнату, где он, должно быть, спрятал его. В это время я достаю последний подарок, завернутый в красную ткань, не бумагу, с настоящей белой лентой, держу его в руках и жду. Что она ему купила?

Пол возвращается с маленькой коробочкой, тоже перевязанной лентой.

— Для вас, миледи.

— И для вас, — мы передаем их друг другу одновременно. Это немного неловко, и мы оба посмеиваемся. Я ясно понимаю, что мы это делаем в дверях моей спальни, где нас может увидеть любой. Но я не могу пригласить Пола внутрь, потому что это неподобающе по девяности причинам. — Вот, вы первый.

— Очень хорошо, миледи, — Пол осторожно тянет за ленту и ткань, чтобы освободить книгу. Его глаза светятся, он в восторге, и я быстро смотрю на заголовок: «Законы Оптики, или Отражение Света»

Конечно. Этот Пол и Пол из моего измерения достаточно похожи, и оба они очарованы наукой, и, должно быть, Маргарет из этого измерения, поняла это. Стоять около меня и смотреть, как я пишу письма? Этого недостаточно, чтобы занять блестящий ум Пола. Сейчас он любовно проводит рукой по кожаному корешку книги, как будто я подарила ему глубочайшие тайны Вселенной.

— Благодарю вас, — говорит он, очевидно с трудом подбирая слова. — Я откладывал на неё деньги, но сейчас, я начну читать сегодня же.

Это мир, где книги дороги, они единственный источник информации. Не удивительно, что он в восторге. Я свечусь счастьем, которого я не заслуживаю, в конце концов, это не я выбрала её.

Пол уже извиняется.

— Мой подарок не сравнится с этим.

— Не говорите глупостей, — я разворачиваю его подарок так быстро, как могу, ленточка летит на пол к моим ногам. Когда я снимаю крышку с черной коробочки, я вижу радугу цветов, и моё лицо загорается. — Пастель! Вы купили мне пастельные мелки.

— Я знаю, что вы рисуете карандашом, миледи. Но я подумал, может быть, вы пожелаете попробовать что-то новое.

Даже в своем измерении я всегда хотела однажды поработать с пастелью. Я провожу кончиком пальца по розовому мелку, и моя кожа становится розовой.

— Они прекрасны.

— Не такой хороший подарок, как ваш...

— Прекратите. Вы понимаете, что мы подарили друг другу одно и то же?

Пол склоняет голову.

— Миледи?

— Любая форма искусства — это еще один способ увидеть мир. Другая перспектива, другое окно. И Наука — это самое впечатляющее окно из всех. Отсюда можно увидеть Вселенную, — так всегда говорили мои родители, и как бы ни сентиментально это было, я верю им. Я улыбаюсь Полу. — Поэтому, похоже, что мы подарили друг другу целый мир, перевязанный ленточкой.

— Вы хотите, чтобы я изучил всю Вселенную? — его улыбка естественная, и мы больше не страж и Великая Княжна, мы просто парень и девушка, стоящие очень близко. — Для вас, я это сделаю.

— А для вас... — я думаю о том, что значит пастель в художественном смысле. — Я провела слишком много времени, думая о штрихах и тенях. Вы хотите, чтобы я нашла нежность и глубину.

Лицо Пола гаснет.

— Это не критика, миледи.

— Ах, нет-нет. Я говорила не об этом. Я имела в виду, что вы сделали мой мир более

прекрасным. Это удивительно. Благодарю вас.

— И я благодарю вас.

Я позволяю себе положить руку на его ладонь, только на мгновение, но между нами проскакивает искра. Мы смотрим друг другу в глаза, и я чувствую то, что ощущала только один раз — головокружительное чувство, как будто я нахожусь на краю обрыва, одновременно до смерти напуганная и ощущая безумный порыв прыгнуть в небо.

Пол бормочет:

— Счастливого Рождества, миледи.

— Счастливого Рождества.

Наши руки разъединяются. Он отходит от двери. Я закрываю её и медленно пачусь к кровати. Сжимая коробку с пастелью, я падаю спиной на покрывала, пытаюсь разобраться в том, что произошло.

То ощущение, как будто я стою на краю пропасти, единственный раз, я его чувствовала в тот вечер, когда мы с Полом разговаривали о живописи. Я знала, что он понимает меня глубже, чем кто-либо когда-либо понимал...

Это я имела в виду, когда говорила, что не верю в любовь с первого взгляда. Для того, чтобы истинно, глубоко влюбиться в кого-то, нужно время. Однако я верю в мгновение. Мгновение, когда ты видишь в ком-то правду, и он видит истину в тебе. В эту секунду ты уже не принадлежишь только себе. Частичка тебя принадлежит ему, частичка его принадлежит тебе. После этого ты не можешь забрать её обратно, неважно как сильно ты этого хочешь и как пытаешься.

Я пыталась забрать её, когда поверила, что Пол убил моего отца, но я не могла, не полностью. Даже ненавидя его, я знала, что могла полюбить его. Может быть, я уже начинала любить.

И всё же я не могу отменить то, что произошло между мной и Полом из этой Вселенной. Что-то от меня теперь принадлежит ему, и я чувствую, знаю, что, но принадлежит мне.

Ты видела рисунки этой Маргарет, говорю я себе. У неё уже были глубокие чувства к нему. Может быть, это другая Маргарет, прорывается на поверхность.

Нет, я знаю лучше.

Я влюблена в Пола Маркова. В этого Пола Маркова. Совершенно, непоколебимо страстно влюблена.

Но я влюблена в одного человека или в двоих?

Вскоре после Рождества царская семья совершит поездку в Москву под предлогом какого-то официального дела, однако истинные намерения царя Александра — это испытать своих дворян и приближенных, желая удостовериться, что они будут хранить верность ему, а не Великому Князю Сергею. Остальное семейство недовольно. Я в восторге.

— Мы увидим там полковника Азаренко? — спрашиваю я Владимира обычным тоном, когда мы собираемся уезжать.

Он хмурится.

— Полагаю, что да. Почему тебе есть дело до этого напыщенного старого петуха?

Я пожимаю плечами, предвкушая минуту, когда буду стоять перед Азаренко и требовать возвращения Жар-птицы Пола.

Если она всё ещё у него.

Основываясь на уроках истории о Наполеоне и нескольких документальных лентах,

которые я мельком видела по кабельному, я думала, что невозможно путешествовать по России зимой. Очевидно, если ты не русский. Царский поезд может добраться до Москвы за несколько часов. Мы вернемся в Новогодний Вечер к самому большому балу на первое января.

— Я хочу встретиться с инженером! — говорит Питер, когда мы забираемся по обитым бархатом ступенькам в царский автомобиль. — Можно мне, пожалуйста?

— Вы останетесь со мной, как ваш брат, — настаивает царь Александр. Он даже не улыбается своему младшему отпрыску. — Вы уже достаточно взрослый для того, чтобы начать изучать свои будущие обязанности.

Ему десять. Но я придерживаю язык. Я уже поняла, что спорить с царем — значит только всё ухудшать. Мой отец, стоящий немного в стороне и несущий свой саквояж, сжимает челюсти так, как он это всегда делает, когда он зол, но пытается этого не показать.

Царь посылает Питеру презрительный взгляд.

— Или вы предпочтете сидеть с сестрами за вышиванием цветов?

— Нет, я останусь с вами, — говорит Пётр, однако он выглядит напуганным. Бедный малыш.

Когда царь Александр отворачивается, папа похлопывает Петра по плечу и говорит:

— На обратном пути мы с вами приедем на станцию пораньше, чтобы у вас было время поговорить с инженером. Как вам это?

Питер расцветает, и когда он и папа улыбаются друг другу, я думаю, а не может ли Питер быть тоже его сыном? Каким-то образом я чувствую, что нет, и всё же папа посвящает себя маленькому мальчику. Он заботится о мамином сыне ради неё, ради любви, которую она никогда не увидит, и которая продолжается почти десять лет после её смерти.

— Миледи? — тихо говорит Пол.

Я смаргиваю слёзы.

— Пылинка попала в глаз.

Пока мужчины заходят в следующий вагон, чтобы поговорить о дипломатии и выпить водки, или чем они там занимаются, мы с Катей остаемся в царском вагоне. На этот раз Катя не посвятила себя тому, чтобы надоедать мне, она слишком занята тем, что играет в какую-то карточную игру с Зефировым.

Пол остается впереди вагона во внимании. Я читаю свежие газеты в попытке успокоиться, но все с большим интересом.

Завораживает то, что говорил Пол о том, что события повторяются в разных измерениях, определенно правда. Некоторые из людей, знаменитых в моём измерении, здесь тоже известны, но в неожиданном смысле. Например, «знаменитая певчая птичка Флоранс Велч» заканчивает концертный тур по Европе, где она пела либретто из опер. Билла Клинтона недавно переизбрали на второй срок Президентом Соединенных Штатов, он баллотировался как кандидат от Партии Сохатого (партия «сохатого» (была организована в 1911 г., на президентских выборах 1912 г. поддерживала кандидатуру Т. Рузвельта) и на фотографии он с расширяющимися книзу бакенбардами, которым позавидовал бы любой хипстер.

И колонка новостей из Нью-Йорка сопровождается фотографией признанного изобретателя Ватта Конли.

Пока поезд покачивается из стороны в сторону, я складываю хрустящую газету и ближе смотрю на фотографию. На Конли старомодный костюм, и его волосы разделены на пробор,

это совершенно не красиво, как это могло быть таким модным? И всё же он выглядит похожим на себя. Его притворная улыбка не скрывает его уверенности в себе, так же как его мальчишеское лицо не скрывает его беспощадности. Статья рассказывает о его изобретении движущихся картинок, и говорит о том, что они «продолжаются целых две минуты», что вызывает у меня улыбку. Очевидно, Конли знаменит своими изобретениями в любой Вселенной.

Тормоза скрипят по рельсам и поезд замедляет ход, я кладу руку на бархатное сиденье, нахмурившись. Взгляд в окно подтверждает, что мы посреди дороги в никуда, окруженные заснеженными полями и хвойными лесами, всё еще вдали от Москвы.

— Почему мы остановились?

— Возможно, пути не расчищены, — говорит Пол, но выражение его лица обеспокоенное. — Наденьте шубу, миледи. На всякий случай.

На случай чего? Но я делаю, как говорит Пол, скользя в свою соболью шубу, пока он идет по другим вагонам, чтобы узнать, что происходит.

— Мне тоже надеть шубу? — спрашивает Катя у Зефинова.

— Нет, пока я не выиграю этот кон, — говорит он, смеясь.

Но в его смехе есть что-то странное.

Я медленно поднимаюсь на ноги.

— Катя?

— Не видишь, что я занята? — отвечает она.

Зефинов смотрит на меня, в его мясистом лице видно самодовольство, и мое сердце падает. Что-то не так, отчаянно не так. Он знает, что происходит. Остальные скоро это узнают.

— Катя! — я протягиваю к ней руку. Она со злобой поворачивается ко мне и начинает обзывать меня. Но в эту секунду раздаются звуки выстрелов.

Глава 15

— Катя! — я хватаю её за руку и тащу к себе. Её карты рассыпаются по полу вагона, пики и трефы как мусор у наших ног.

Зефинов не двигается, только улыбается нам, его улыбка такая наглая, что я хочу дать ему пощечину, чтобы стереть её с его лица.

— Мы увидим, кто сейчас велик и могуч. Кому придется играть в карты с испорченными детьми вместо того, чтобы служить, как настоящий солдат.

Катя начинает плакать. Я прижимаю её к груди. Несмотря на то, что я хочу его спросить, что происходит, я уже знаю.

— Великий Князь Сергей. Он стоит за этим, не так ли?

— У нас больше не будет трусов, — сказал Зефинов, поднимаясь на ноги. — У нас будет настоящий царь, у которого хватит смелости вступить в войну.

Война? Когда появилась война? Я думала, что начинаю понимать это измерение, но я не дома, я в опасном неведении относительно того, что происходит, и я ни за что не смогу полностью осознать в какой ловушке я оказалась.

— Ты страж Петра. Ты наш друг, — протестует Катя.

Зефинов смеется, вставая. Его рука тянется к пистолету на поясе.

Мой Бог. От осознания я застываю на месте. Они собираются застрелить нас всех, потом сделать что-то с поездом, чтобы это выглядело как несчастный случай. Тогда Сергей

унаследует трон. Он выиграет всё, как только мы умрем.

Крики и вопли раздаются из остального поезда вместе со звуками перестрелки. Я бы убежала с Катей, если бы было куда бежать. А пока что, я просто смотрю с ужасом на Зефинова с пистолетом.

В вагоне звенят два выстрела, такие громкие, что у меня заболели барабанные перепонки. Катя кричит. Но падает Зефиров.

Я оборачиваюсь и вижу Пола, в его вытянутой руке пистолет.

Пока я стою в шоке, у меня звенит в ушах, и Пол шагает вперед.

— Вы невредимы, миледи?

— Мы... мы в порядке. Что происходит?

— Не все солдаты в этом поезде — предатели, — Пол выглядит более злым, чем я когда-либо видела его. Он только что не сомневаясь убил человека, и он даже не беспокоится о том, чтобы взглянуть на его окровавленный труп на полу. — Они могли начинить поезд взрывчаткой. Вам нужно бежать в лес.

Лес в нескольких сотнях ярдов от нас. Начинает идти снег, густой и мягкий, но я думаю, что смогу пробраться. Нас могут застрелить, но если мы останемся здесь, то умрём.

— Идите, — говорит Пол и берет меня за руку, сжимая, чтобы вывести меня из шокового состояния. — Бегите так быстро, как можете и не оборачивайтесь. Я найду вас, миледи. Я клянусь.

Катя вырывается от меня и хватается свою шубу, её инстинкт выживания, должно быть, сильнее моего. Сразу за ней я направляюсь к двери, но потом я бросаю взгляд назад.

— Пол, будьте осторожны.

— Идите! — кричит он и бежит к вагону моего отца.

Я несусь от вагона в снег. Он выше, чем я думала, почти по колено. Бежать через него тяжело, но я делаю что могу.

Влажный снег налипает мне на шубу, волосы, ресницы. Все вокруг тяжелое и белое, гуще, чем туман. Я слышу стрельбу, но сейчас менее частую и более отдаленную. Идет драка, верные против предателей, и местами снег окрашен в красный.

— Маргарет! — высокий голос Питера доносится сквозь шум. Я оборачиваюсь на звук и вижу его в папиных руках, папа бежит в лес так быстро, как может, хотя он оглядывается на меня с отчаянным выражением лица. Я меняю направление в попытке следовать за ними.

Я пытаюсь бежать быстрее, но только спотыкаюсь. Пока я пытаюсь восстановить равновесие, рука хватается меня за локоть и жестокость его хватки говорит мне, что это враг. Я пытаюсь выдернуть руку, но у него нож, и он прямо на мне...

— Уйди от моей сестры! — Катя в буквальном смысле прыгает на спину мужчины и бьет его обоими кулаками. Это глупо и безрассудно, но я сделала бы то же самое ради Джози.

— Катя, нет! — я пытаюсь оторвать её от него, чтобы освободить её, чтобы она могла убежать, если мне это не удастся. Но другой верный солдат нагоняет нас. Его нож находит живот предателя, и солдат хватается Катю на руки, когда мертвый предатель падает. Он начинает бежать с ней обратно к поезду.

Она в безопасности — настолько в безопасности, как может быть любой из нас. Пора бежать.

Я продолжаю двигаться в направлении, в котором убежал мой отец. Снегопад усиливается, затмевая моё зрение и скрывает следы. Я больше не уверена в том, куда бежать,

но я продолжаю, зная, что любая минута промедления может убить меня. Каждую секунду я представляю, как пуля находит мою голову, мой череп расцветает красным, и я падаю.

Отдаленная стрельба раздаётся позади меня, когда я наконец-то добираюсь до леса. Но ветви деревьев лишь немного защищают от сильного снегопада, и я больше никого не вижу, ни папу, ни Питера, никого из семьи. И совсем нет солдат. Я одна.

Что мне делать? Никто из того, кого я знаю, ни в одном из измерений, не может помочь мне. Если я буду звать на помощь, меня услышат не те люди. Если я буду оставаться на месте, солдаты, верные Сергею, могут добраться до меня. Но если я побегу, я могу так потеряться, что меня никто не найдет, даже Пол.

Наконец, я решаю поверить, что пошла в правильном направлении. Папа и Пётр должны быть где-то рядом. Если они ушли глубже в лес, то мне тоже надо это сделать.

Я начинаю идти в полубессознательном состоянии. Слава Богу, на мне шуба. Без неё у меня уже было бы переохлаждение. Дома я отказываюсь носить мех, потому что считаю это отвратительным, но сейчас я благодарна за тепло. Извините, маленькие соболя. Я клянусь, на этот раз вы отдали жизнь за хорошее дело.

Однако, эта шуба больше для красоты, чем для удобства. Застежка на большие кольца пропускает много холода, влажный ветер пробивается внутрь. Я в туфлях, не в ботинках и сейчас они уже насквозь промокли, мои лодыжки ноют от холода и начинают неметь. Моя меховая шапка осталась в вагоне, и снежинки, падающие сквозь сосновые ветки, падают мне на волосы и тают.

Мои зубы начинают стучать. Мои шаги становятся неуверенными и разум затуманивается.

«Ты должна продолжать идти», говорю я себе. Ты должна найти папу. Всё остальное не важно.

Я спотыкаюсь и хватаюсь за дерево. Кора крошится у меня под ладонями, но я едва ли чувствую это. Мои руки покраснели и застыли. Перчатки тоже остались в вагоне.

«Продолжай идти», думаю я. Но сейчас я иду так медленно, что сложно поверить, что я вообще передвигаюсь. «Продолжай идти».

Нет папы. Нет Жар-птицы. Нет Пола. Я больше не знаю, где я. Кто я. Я знаю только, что устала. По меньшей мере, мне уже не так холодно, сильное, соблазнительное тепло поднимается во мне, говоря, что всё хорошо, что я могу остановиться и отдохнуть столько, сколько захочу.

«Продолжай идти...»

Я падаю на колени рядом с большой сосной. Прислоняясь головой к дереву, я говорю себе, что я не останавливаюсь, не сплю, мне нужна минутка, чтобы собраться с силами.

Я чувствую, что падаю на спину, и снег такой мягкий подо мной, совсем как кровать, и я не боюсь.

Я просыпаюсь под треск огня, уютный и успокаивающий. Мне тепло — не смертельная иллюзия в лесу, а настоящее тепло из настоящего камина.

Я чувствую мягкий матрас подо мной, мех сверху, и рядом со мной...

Я открываю глаза и вижу Пола, лежащего у меня под боком.

— Миледи? — шепчет он и его лицо светится внезапной надеждой.

— Где, где мы?

— Дача в лесу. Осталось немного дров, нам хватило.

У многих русских есть дачи, маленькие домики в деревне, куда они отправляются на

лето, чтобы выращивать овощи и плавать в озёрах, эти дома остаются свободными зимой, в совершенном уединении. Оглядываясь, я вижу простые беленые стены, икону Святой Матери и маленький камин, светящийся оранжевым от жара. Моё мокрое платье и форма Пола висят на крючках, вставленных в стену и сушатся.

Под моей шубой и какими-то одеялами мы с Полом лежим вместе, одетые едва ли в нижнее белье на простой постели на даче.

Он заикается:

— Я, я хотел только согреть вас, миледи...

— Конечно, — когда у человека переохлаждение, их нужно согревать теплом тела другого человека. Даже если бы я не знала этого, я бы поняла, что Пол хотел только помочь. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. — Где мой отец? Мои братья и сестра? Царь?

Если Пол и замечает, что я говорю об отце и царе как о разных людях, то он списывает это на переохлаждение.

— Царь выжил, миледи, и царевич Владимир тоже. Наши силы собрались в царском вагоне, в этом я уверен. Но я не мог оставаться долго. Я должен был найти вас.

«Неужели я прошла этот путь, чтобы еще раз пережить смерть отца? Неужели он везде обречен, хороший человек, который становится жертвой жестокости и жадности других?»

Если папу убили, он умер, пытаюсь защитить Питера. Мысль о том, что маленький мальчик лежит мёртвый, уничтожает меня почти так же, как страх за отца. И Катя! Моя младшая сестра превратилась в боксёра, чтобы спасти меня. Неужели они зарезали её? Я не могла вынести мысли о том, что она умерла за меня, за притворщицу.

И если моего отца сегодня убили, если он потерялся в снегу, в лесах... Жар-птица вероятно потеряна, и я никогда не попаду домой.

— Миледи, — шепчет Пол, — Не бойтесь.

— Вы не можете сказать мне, мертвы они или живы. Не пытайтесь успокоить меня ложью.

— Я бы не стал так делать, — и это правда. Пол может быть жестким, или прямым, или неловким, но он всегда был честен со мной. «Как я могла подумать о том, что он предал нас?»

Я пытаюсь улыбнуться ему, хотя я знаю, что выражение моего лица выглядит таким же неправильным, как я его ощущаю.

— Если вы не лжете, как вы можете говорить мне, чтобы я не боялась?

— Я только имел в виду, что вы в безопасности, миледи. Когда вы согреетесь и отдохнете, завтра мы можем нагнать царский поезд.

У меня появляется надежда.

— Остальные тоже там будут?

— Нет, миледи. Предполагается, что солдаты, верные Великому Князю Сергек недалеко от Санкт-Петербурга. Царь и царевич отправились вперед, чтобы разбить лагерь и подготовиться к битве. Я должен проводить Вас на поезд, чтобы Вы оставались в безопасности в Москве, которая верна царю.

Если мой отец и Пётр выжили, они тоже поедут в лагерь. Я уже знаю, что царь Александр верит, что его младший сын должен стать солдатом, и он будет настаивать, чтобы Пётр находился недалеко от битвы, какой бы жестокой она ни была. Мой отец никогда бы не оставил Петра одного. Он настоит на том, чтобы быть рядом с ним, чтобы успокоить мальчика, даже если это будет значить, что он снова будет рисковать жизнью.

— Нет. Я не поеду в Москву, единственная причина, по которой я когда-либо туда собиралась, это поиски Азаренко, но он тоже будет участвовать в сражении, разве нет? Вы должны отвезти меня в лагерь.

— Миледи, у меня приказ.

— Я тоже могу отдавать вам приказы, разве нет? Вы должны отвезти меня туда. Я не могу поехать в Москву.

— Вы должны, — в голосе Пола звучит тревога и бессознательно он придвигается ближе ко мне, стараясь заставить меня видеть ситуацию его глазами. — Иначе опасность слишком велика.

— Если мой отец умрет, я тоже хочу умереть.

— Не говорите так. Вы должны думать о своем долге. По меньшей мере один член следующего поколения дома Романовых должен оставаться в безопасности.

— Я поеду в лагерь с Вами или без Вас. Всё, что мне нужно сделать — это следовать по железнодорожным путям обратно к Санкт-Петербургу, правильно?

Конечно, это не может быть так просто, но я отказываюсь это признать. Я должна узнать, есть ли у меня надежда вернуться домой или я умру в попытках это сделать.

Пол говорит:

— Вы должны остаться в живых, миледи.

— Зачем? — я сжимаю воротник его рубашки. — Зачем, если я в ловушке в чужой жизни?

Он не может мне ответить. Он только смотрит.

Моя рука и мой голос начинают дрожать.

— Я подвела всех. Я подвела отца, мать, сестру, Тео, тебя, всех...

Я провалилась во всем. Я не хочу быть заперта здесь. Я не выйду замуж за мужчину, которого не знаю. Но я не вижу другого выхода. Если это всё, что осталось, если мне осталось только это — я этого не хочу.

Несколько секунд Пол не может ответить. Мы лежим лицом к лицу, моя рука у него на груди, наши ноги соприкасаются. Мы никогда не были ближе. У нас никогда снова не будет возможности побыть наедине.

Пол говорит:

— Если не ради себя, миледи, останьтесь живы ради меня.

Наши глаза встречаются.

Его следующие слова не громче шепота:

— Мне не нужен мир, в котором нет Вас.

Я не знаю, что чувствую к Полу из этого измерения, или к моему, или к обоим из них. Я больше не вижу разницы, и в эту секунду мне всё равно.

Мои пальцы повторяют линию его горла и подбородка, по кромке его короткой бороды, чтобы найти уголок его рта. Его губы раскрываются и дыхание перехватывает.

— Пол, — бормочу я, — Назови меня по имени.

— Вы знаете, что я не могу.

— Всего один раз. Я всего один раз хочу услышать, как ты называешь меня по имени.

Пол наклоняет лицо к моему, так близко, что мы почти соприкасаемся.

— Маргарет.

И мы потеряны.

Я разрушаю последнее правило, последнее табу, я его целую. Но потом он сдаётся. Он

не сдерживается. Мы сплетаемся, глубоко целуемся, хватаясь за ту скучную одежду, которая на нас всё ещё надета, мы едва ли можем дышать или думать, или делать что-нибудь кроме того, чтобы раствориться друг в друге.

Когда я тяну за низ его рубашки, он поднимает руки, чтобы помочь мне отбросить её. Потом я стряхиваю бретели своей сорочки с плеч. Я никогда не думала, что моё худое тело красиво, до тех пор, как я вижу, как глаза Пола темнеют при взгляде на меня, пока он не опускается, чтобы поцеловать меня еще более страстно и жадно, чем до этого.

— Маргарет, — Пол тяжело дышит мне в плечо. — Мы не должны, мы не должны...

— Мы должны, — я выгибаю свое тело в его объятиях, приглашение, которое ни с чем не может спутать ни один мужчина. Он снова меня целует, наши губы раскрываются и наши движения притягивают нас ближе друг к другу.

— Ты уверена?

— Да, Пол, да, пожалуйста...

Его разум борется, несмотря на то, что его тело отвечает.

— Прости меня. Прости меня.

— Не за что, о, о...

Мои пальцы впиваются в его плечи, и я прикусываю нижнюю губу. Однако мое тело двигается к нему, и я встречаю его полностью.

Пол зарывается лицом в изгиб моей шеи. Всё его тело дрожит от попыток замедлиться. Он выдыхает:

— Ты, ты...

Я целую его в лоб. Мои руки скользят по его спине, изгибу бедер, изучая твердость мышц и костей. Вместо того, чтобы ответить ему словами, я двигаюсь к нему. Он стонет, проводит зубами по моему горлу и следует за мной.

— Я люблю тебя, — шепчет он. — Я всегда тебя любил.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я, и это правда, даже если я не уверена, люблю я его одного или их обоих.

Когда я снова просыпаюсь, ночь уже на исходе. В единственное крошечное окошечко видна полуночная синь, сливающаяся со снегом. Очаг все еще светится теплом и Пол лежит рядом со мной, держа меня в объятиях, положив свою голову мне на плечо.

Чудовищность того, что я сделала, очевидна, но я не могу раскаиваться в этом. Понимая, что чувствовала Великая Княжна Маргарита к Полу, я подозреваю, что она хотела бы этого так же сильно, сделала бы тот же самый выбор, но нельзя отрицать того факта, что я приняла решение за неё. Ночь, которую она провела с любимым мужчиной принадлежит мне, и это кража, за которую я никогда не смогу расплатиться.

Что же касается меня, дома я целовалась с парнями. Не только целовалась, однако я никогда не заходила так далеко. И все же, я не меньше удивлена и ошеломлена.

Губы Пола скользят вдоль моих волос и я думаю: «Я никогда никого так не полюблю. Я никогда не смогу.»

С чувством вины я вспоминаю Тео. Если бы он был немного более эгоистичен, немного менее заботлив, мы бы провели вместе ночь в Лондоне.

Я также думаю о моём Поле Маркове, том, который мне сказал, что я рисую только правду. Он сейчас со мной, спит глубоко внутри мужчины, с которым я занималась любовью. Я не знаю, вспомнит ли он это потом, что было бы, странно. Я недостаточно хорошо знаю его, чтобы предсказать его реакцию.

Но я знаю этого Пола во всех смыслах, в которых женщина может знать мужчину. Он доказывал свою верность и преданность раз за разом. Нет ничего, чего бы он не сделал для меня.

— Голубка, — шепчет он. Это русская ласка. В России это достаточно обычно, они всегда называют друг друга именами каких-нибудь маленьких животных.

Когда Пол говорит это, он держит меня, прижимая к груди, его объятия крепки, но его широкие руки так нежно накрыли мою шею, так же, как держат маленькую птичку, что-то хрупкое и трепещущее, как будто он пытается защитить его и держать поближе к сердцу.

Я поднимаю к нему лицо, Пол мягко улыбается и его пальцы скользят сквозь мои волосы.

— Вы в порядке, миледи?

— Миледи? Даже сейчас?

— Маргарет, — очевидно, что он все еще поражен тем, что ему просто позволяют называть меня по имени. Его глаза испытующе смотрят в мои. — Вы не жалеете об этом?

— Нет. И никогда не пожалею. Никогда не смогу, — я снова целую его, и мы еще раз теряемся друг в друге.

Когда наши губы наконец разделяются, Пол немного задыхается.

— Вы должны знать, я никогда не предаю то, что здесь случилось. Ни словом, ни делом.

То, что мы сделали абсолютно запрещено. Если царь когда-нибудь узнает, что у нас был секс, я сомневаюсь, что у него достаточно средневековые нравы, чтобы убить Пола за это, но он может сослать его в какой-нибудь далекий гарнизон, возможно, в Сибири. Что будет со мной? Я не знаю, но в этом не будет ничего приятного.

— Это останется между нами, — мягко говорю я. — Эта ночь наша, и больше ничья, навечно.

— Навечно.

Я дотрагиваюсь до щеки Пола одной рукой.

— Теперь мне нужно рассказать тебе еще один секрет. Ты обещаешь сохранить его?

— Конечно, мил... Маргарет, — Пол хмурится, очевидно, не понимая, куда я веду. — Что вы хотите мне рассказать?

Глубокий вдох. Вот и всё.

— Правду.

Глава 16

Мама и папа говорили мне насколько умен Пол. Я видела, как формулы бегут с его ручки, пока он говорит о совершенно других вещах. Он помог разработать механизм путешествий во времени.

Но я никогда не верила в его гениальность так, как сейчас, когда после того, как я рассказывала свою историю меньше получаса, он в общих чертах понял теорию параллельных измерений.

— Вы одновременно Великая Княжна и другая Маргарет, — говорит он. — Вы тот же человек, живущий двумя отдельными жизнями.

— Сейчас уже не такими отдельными.

— И вы верите, что я одновременно это я и другой Пол, которому разрешено учиться в университете и стать ученым.

То, как Пол формулирует фразу, заставляет меня остановиться. Только дети богатейших

людей могут здесь мечтать о высшем образовании. Не удивительно, что он так берег книгу, которую я подарила ему.

— Это правда. Он сейчас спит внутри тебя. Не осознает, что происходит. Но он, часть тебя.

Он обхватил руками колени, серьезный и целеустремлённый даже несмотря на то, что мы все еще в постели, простыни смяты вокруг нас, на наши ноги наброшена шуба. На лице Пола такое выражение, с которым я знакома, но только недавно научилась его понимать. Это значит, что Пол обдумывает ситуацию, взвешивает каждый вопрос, разгадывает загадки.

Наконец, он говорит:

— Это объясняет мои сны.

— Сны?

— В последние две недели у меня были реалистичные и странные сны, — его улыбка предназначена не мне, а изображениям, мелькающим у него в мозгу. — Мне снились Вы, рисующая маслом вместо карандашей, ваши волосы распущены. И Ваша мать, снова живая, она учила меня физике. Профессор Кейн, который был мне почти отцом. Комнаты не такие огромные, как во дворце, но в них были чудеса, например, машины, в которых содержались библиотеки, в которых можно найти любой факт, который можно только вообразить.

— Это компьютеры. Дома мама жива, и она действительно тебе преподает. Она твой руководитель в колледже. Боже, ты помнишь.

— Еще мне снился друг, или брат, я не уверен, который всегда создает проблемы из лучших побуждений. — его глаза испытывающе смотрят на меня. — Скажите мне его имя.

— Тео. Его зовут Тео.

Пол глубоко вдыхает.

— Тогда всё, что Вы говорите — правда.

Я смеюсь вслух.

— Ты правда мне веришь. Большинство людей подумали бы, что я сошла с ума.

— Если Вы когда-нибудь сойдете с ума, это будет более драматично.

Его прямота застаёт меня врасплох.

Он замечает мою реакцию.

— Я только хотел сказать, Вы страстная натура. Вам нужны эмоции, и вы вызываете их у окружающих, когда есть возможность. Если бы Вы были не в своём уме, Ваши импульсы поглотили бы Вас. Вместо этого Вы предоставляете очень неправдоподобные объяснения в очень убедительной манере. Таким образом, Вы говорите правду.

«Прав ли он насчет того, что я вызываю у людей эмоции, когда у меня есть возможность? Даже бываю драматична?»

«Ты отправилась на полупродуманный квест мщения против Пола на совершенно неиспытанном экспериментальном устройстве», думаю я. Возможно, в его словах есть смысл.

Пол внимательно изучает мое лицо, как если бы он был живописцем, которому нужно узнать каждую тень, каждую линию. Он тихо добавляет:

— Думаю, я в любом случае поверил бы Вам.

Никто никогда в меня так не верил. Я снова чувствую, как выворачивается сердце, будто срывая с меня покровы, выставляя напоказ и каким-то образом делая меня счастливее чем когда-либо.

— Ты должен помочь мне найти Жар-птицу, которую у тебя забрал Полковник

Азаренко.

— Я этого не помню. Опять же, исходя из вашего описания, я не должен помнить.

У Жар-птицы есть свойство объекта из другого измерения, не невидимость, не неосвязаемость, но свойство оставаться незамеченным. Я провела пальцами по своим взъерошенным волосам.

— По нашим последним сведениям, Азаренко был в Москве. На какой он стороне, как ты думаешь?

— Он предан Царю Александру до фанатизма. Он поведет солдат от Москвы прямо на битву. Я не сомневаюсь, что он уже на линии фронта.

— Тогда мы отправимся на фронт.

— Вы должны поехать в Москву, — его глаза встречаются с моими, спокойно и уверенно. — Вы должны понимать опасность.

— Теперь ты понимаешь, что на кону стоит больше, чем моя жизнь.

— Нет, — коротко говорит он. — Для Великой Княжны Маргариты это единственный риск, единственная настоящая опасность.

Снаружи воеет ветер, сотрясая оконные стекла и ветви деревьев, словно пытаюсь отомстить за то, что его заперли снаружи.

Как солдат, он бы повиновался моим приказам несмотря на свои протесты. Наши отношения никогда снова не станут простыми. Его любовь ко мне означает, что он будет защищать меня, даже если я потеряю последний шанс вернуться домой.

Я начинаю:

— Как все мы знаем, Великого Князя Сергея уже заставили остановиться.

Пол неохотно кивает:

— Он был бы глупцом, чтобы поднимать восстание с такой малой поддержкой, но я думаю, что он глупец.

— Тогда мы должны по меньшей мере поискать лагерь. Мы должны узнать, что происходит, прежде чем принимать решения, что думаешь?

— Вы будете со мной спорить всю дорогу до Москвы, разве нет?

Он говорит это так, как будто собирается перекинуть меня через плечо и отнести меня туда сам, даже если я буду пинаться и кричать. О, Боже, он правда может так сделать.

— Я должна узнать, выжили ли мои, мои братья и профессор Кейн. В исправности ли Жар-птица. Если она сломана, и мы не сможем найти Полковника Азаренко, или он потерял твой кулон, тогда я буду погребена здесь навечно.

— А Великая Княжна Маргарита будет погребена внутри Вас навечно.

Это вводит меня в ступор, мысль о том, что Пол все еще думает в первую очередь о том, чтобы защитить её, даже прежде, чем меня. Но должна ли я ожидать от него другого?

Пол говорит более мягко:

— Я хочу, чтобы Вы обе были свободны.

— Значит, я — тюремная камера, — это должно было быть шуткой, в которой я сразу же раскаиваюсь, потому что это так, так неправильно. Я шепчу: — Как ты можешь не ненавидеть меня?

— Вы не моя Маргарет. И всё же — Вы это она. Вы разделяете одну общую вещь — вашу душу, и это я люблю, — улыбка Пола более грустная и прекрасная, чем я её видела когда-либо. — Я полюбил бы Вас в любой форме, в любом мире, с любым прошлым. Никогда не сомневайтесь в этом.

Я едва ли могу взглянуть на него, это словно смотреть на яркое горячее солнце, зная, что оно сожжет тебя, и понимая, что оно — источник твоей жизни.

Пол спрашивает:

— Что Вы сделаете, если случится худшее? Если мы не сможем забрать и починить Жар-Птицу?

— Я думаю, мне придется жить жизнью этой Маргарет. Вечно, — этого достаточно, чтобы у меня начался приступ морской болезни.

— Это будет так ужасно?

— Как ты можешь меня сейчас об этом спрашивать?

Его рука смыкается на моей:

— Неважно что случится, неважно что произойдет с Вами, если Вы будете здесь, я всегда буду с Вами.

Я ловлю его пальцы своими. Он подносит мою руку к губам и целует её, и мы сидим в тишине еще несколько мгновений.

Наконец, я говорю:

— Я не хочу говорить о том, что случится, если ничего не получится. Хорошо? Потому что этого не будет. Мы найдем или починим одну из Жар-птиц, не важно, что для этого потребуется. Не важно, что.

Со вздохом Пол говорит:

— Я знаю, что это значит. Это значит, что я должен отвезти Вас в лагерь царских сил, — прежде, чем я могу поблагодарить его, он добавляет: — Если будет битва или мы увидим любой признак опасности, мы повернем обратно и на этот раз никто из нас не остановится, пока мы не достигнем Москвы. Я не допущу, чтобы с Вами что-то произошло.

— Ладно, я имею в виду, да. Именно так мы и поступим.

— Утром, в таком случае.

— Утром, — таким образом ночь остается в нашем распоряжении.

Несмотря на то, что мы лежим обнаженные в постели, где мы только что занимались любовью, никто из нас не пытается прикоснуться к другому. Правда всё меняет, я пока еще не знаю, как, но меняет.

— Возможно, нам не нужно... не нужно, — говорит Пол. — Вы уже в опасности из-за меня.

В опасности? Ох. Под опасностью он имеет в виду беременность. Не то чтобы я хотела забеременеть прямо сейчас и в этом измерении, но для Великой Княжны Маргариты, которая должна быть девственной невестой Принца Уэльского, это будет личная и политическая трагедия. У меня в животе все сжалось от страха, но я говорю себе, что это было только один раз.

Неправильно ли с моей стороны желать этого, учитывая, как сложна ситуация? Я не знаю. Правда, за которую я могу держаться сейчас — это то, что мы нужны друг другу, и что сегодня никогда не повторится. Поэтому я поднимаю его руку к губам и целую каждую костяшечку, каждую подушечку пальцев, ладонь.

Пол тихо говорит:

— Выбрала бы она это? Великая Княжна. Я бы никогда, если бы она не хотела быть со мной, тогда я...

— Я видела твои портреты, нарисованные ей. Они мне всё рассказали, — поначалу я испытывала вину из-за того, что признаюсь в этом, выдаю тайны другой Маргарет. Но я

знаю правду и Полу тоже нужно это понимать. — Она любит тебя. Она мечтает о тебе. Если бы она была здесь, она бы приняла точно такое же решение.

Как сильно он хочет мне верить. В каждой линии его тела читается борьба с собой.

— Но какая, какая часть тебя решила?

Я прижимаюсь ближе к Полу.

— Все части, — шепчу я. — Каждая Маргарет. Мы обе любим тебя, полностью. Тело и душу.

— Каждая Маргарет, — повторяет он и борьба закончена. Мы снова растворяемся друг в друге.

Следующий день выдается холодным, но светлым. Мы сидели за завтраком, или за тем, что было бы завтраком, если бы у нас была еда. С дачи я беру шарф с ярким рисунком, чтобы завязать голову, хотя он не такой теплый, как моя меховая шапка, это лучше, чем ничего. Пол настаивает, чтобы я надела его перчатки. Они велики мне, кожа морщится на запястьях и пальцах.

Глубокий снег означает, что мы пробираемся очень медленно до тех пор, пока не встречаем старого дровосека и его жену, собирающих дрова. У Пола было несколько монет и обещание, что Царь наградит их, когда придет время. Они выглядят ошарашенными, но одалживают нам сани и лошадь, дают буханку хлеба, которую они взяли для себя. Я настаиваю на том, чтобы довезти их до ближайшего дома прежде, чем мы уезжаем, доброта, которая вероятно была бы не свойственна Великой Княжне Маргарет, если судить по их реакции. Старая пара уставилась на меня, и даже Пол выглядит удивленным, но мы всё же подвозим их, прежде чем продолжить путь.

Когда мы направляемся к железной дороге, я беру Пола под руку, но он трясет головой:

— Вы не должны, миледи.

— Ты все еще называешь меня «миледи»? — с одной стороны это сексуально, но я думала, мы теперь будем называть друг друга по именам.

Пол даже не смотрит на меня, просто продолжает вглядываться вперед и вытягивает руку.

— С этой минуты за нами могут наблюдать. Моё поведение в отношении Вас должно быть правильным. Без двусмысленности. Вы — дочь царя. Мы, позволили себе забыть это, на время. Мы никогда не сможем забыть это снова.

Он прав, но от этого мое сердце не успокаивается. Я складываю руки на коленях, и теперь мы сидим рядом, но не прикасаемся друг к другу.

Прямо как раньше.

Когда Пол подгоняет лошадь по заснеженной дороге, с моргаю от блеска солнечного света на покрытой льдом белой земле и говорю себе, что это только яркий свет и ничего более.

Это длинный молчаливый день, разрываемый только звуком лошадиных копыт на снегу, серебристыми лентами рельсов, скользящих по льду и периодическими перерывами на воду и хлеб. Мы оба умираем с голоду, поэтому буханка заканчивается довольно быстро.

«Что случится, если солдатам царя придется отступить, или еще хуже, они будут разбиты?» Только сейчас я понимаю, что Пол не просто пытался защитить нас от выстрелов, когда хотел, чтобы мы вернулись в Москву, он пытался сделать так, чтобы мы не голодали.

Но когда позднее полуденное солнце раскрашивает верхушки сосен золотым и оранжевым, мы видим лагерь на расстоянии и над головами развивается красно-белый

Российский флаг. Флаг царя. Пол подгоняет лошадь и уже когда мы приближаемся к окраинам, один из солдат бежит к нам. Я узнаю его и встаю, размахивая руками.

— Владимир!

— Маргарита! — он протягивает руки ко мне, и я прыгаю вниз к нему. Мы так крепко обнимаемся, что едва можем дышать. Но настроение Владимира быстро меняется. — Марков, вы должны были отвезти её в Москву, когда найдете её.

— Не отчитывай его. Я приказала Маркову поехать к тебе, и у него не было выбора, — я бросаю взгляд на Пола, но он уже стоит весь во внимании около саней, снова настоящий солдат. Поэтому я беру руки Владимира в свои. — Катя? Пётр?

— В безопасности в Москве, где и ты должна быть. Хотя я не могу винить в этом Маркова, да? Ты упрямая дурочка, — Владимир так звучно целует мой лоб, что это нейтрализует едкость комментария.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Всё ещё во внимании, Пол говорит:

— Восстание уже подавлено, наследный принц?

— Не совсем, но они уже бегут, — пальцы Владимира сжимаются вокруг моих. — Нашему отцу преданы все, кроме горстки полков и в тайне несколько из них уже подписали соглашение о том, что они оставят расположение Сергея и сложат оружие. Конечно, Отец не готов услышать это, но дадим ему еще день или два, чтобы остыть. Когда он узнает, что ты в добром здравии, я осмелюсь сказать, что он будет наполовину согласен.

Внезапно я осознаю — это напоминание о том, что жесткий и строгий Царь Александр V возможно, искренне верит, что я его дочь и будет по меньшей мере волноваться о моем благополучии. Но это не меняет того, что он не настоящий мой отец.

— Профессор Кейн в порядке?

— В целостности и сохранности. И представлен к медали, после того как он спас Петра. Такая сила духа под обстрелом! Я бы никогда не поверил, что он не военный, — Владимир кивает Полу, отпуская его, это совершенно очевидная вещь для него, но этот жест кажется таким властным, таким надменным. На самом деле он только иллюстрирует то, какая пропасть лежит между домом Романовых и всеми остальными в России, пропасть между мной и Полом, которую мы никогда больше не сможем преодолеть.

Я смотрю через плечо Владимира на Пола. Его серые глаза встречаются с моими только на секунду, прежде чем он поворачивается к бедной усталой лошади.

— Пойдем со мной, — говорит Владимир. — Дадим тебе кофе, и добавим туда пару капель бренди. Ты сможешь рассказать мне всё о своем диком побеге.

«Не всё», — думаю я.

Царь рад, что я жива, или так он говорит. По большей части он в ярости потому что я здесь, а не в Москве, но он хотя бы направляет свой гнев против меня, а не Пола.

— Почему ты решила, что можешь приехать сюда? — сотрясает он воздух за обедом в своей палатке, суп подан в металлических чашах. — Женщина на фронте! Смехотворно!

— А как же медсестры? — протестую я и Царь смотрит на меня, как на безумную. Никто не возражает ему. Может быть, ему стоит слышать другие мнения чаще. Обыденным тоном я говорю: — Где расположение полковника Азаренко? Разве он не здесь?

— Он вернулся в Санкт-Петербург чтобы командовать дополнительными силами, но скоро к нам присоединится, — говорит Владимир. — Завтра, по нашим ожиданиям.

— Теперь беспокоись о передвижениях войск, да? — ворчит Царь Александр, но я

это игнорирую.

Так, полковник Азаренко в дороге. Но какова вероятность того, что Жар-птица Пола с ним? Если его полк по пути вступит в сражение? Его могут убить, и это безусловно будет скорбным событием для его семьи и всё такое, но, должна признать, сейчас я сходила с ума от мысли о его смерти по большей части из-за того, что знание о местонахождении Жар-птицы умрет вместе с ним.

Когда все расходятся после ужина, вместо того, чтобы пойти в маленькую палатку, приготовленную для меня, я говорю Полу:

— Я хочу навестить профессора Кейн.

Он кивает:

— Очень хорошо, миледи.

Его спина прямая как штык, его выражение лица настолько пустое, что оно выдает его, любой, кто обратит на это внимание, заметит, что что-то между нами изменилось.

К счастью, вокруг нет других офицеров, чтобы заметить его поведение. Пол следует за мной на расстоянии нескольких шагов, пока мы направляемся к палатке, которая, по словам Владимира, принадлежит моему отцу. И несмотря на то, что я живу в этом измерении уже несколько недель, даже несмотря на то, что я называю его профессор Кейн, когда Пол открывает дверь палатки, и там сидит папа за походным столом, пишет при свете свечи, я бросаюсь вперед, чтобы обнять его. Папа смеется, сохраняя здравый смысл.

— Ваше Императорское Высочество. Мне сказали, что вы в безопасности. Слава Богу.

Я бормочу ему в плечо:

— Я так рада Вас видеть.

— И я рад видеть Вас, — он обнимает меня в ответ, всего на секунду. — Я слышал, что это героического лейтенанта Маркова надо благодарить за Ваше безопасное возвращение.

Я улыбаюсь Полу, который выглядит еще более напряженным.

— Да, так и есть. Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? Разве Вы не должны быть в Москве?

— Его Императорское Величество желает, чтобы я докладывал о событиях моему королю, чтобы быть уверенным, что другие народы услышат правдивую версию о восстании, — папин лоб хмурится от беспокойства. — Но я бы хотел остаться с Петром. Он очень потрясен.

— А Катя? — спрашиваю я.

Папа улыбается.

— Катя была готова нацелить пушку на Великого Князя Сергея собственными руками. Её пришлось тащить с фронта. Какая жалость, что женщины не могут быть солдатами. У неё боевой дух, как у десятка обычных мужчин.

— Я могу в это поверить, — она победила солдата, который пытался меня убить, хотя у того был нож, а у неё только кулаки. Но опять же, никому не стоит недооценивать Катини кулаки.

— Вы скоро поедете к Петру, правда? Ему нужен кто-нибудь, — папа отводит волосы с моего лица назад, потом останавливается, понимая, что ему не нужно так себя вести по отношению к дочери царя.

— Скоро, — обещаю я. Но сначала мне нужно кое-что от Вас. Вы помните кулон, который я дала Вам для починки? Он всё ещё у Вас?

Папа моргает, пойманный врасплох.

— Да, он в моём новом саквояже, но конечно это сейчас не имеет значения.

— Позвольте мне посмотреть.

Его саквояж стоит в углу палатки. Папа открывает его и достает кружевной платок, у меня падает сердце, когда я вижу, что Жар-птица всё еще в обломках. Он соединил некоторые части, но этого недостаточно.

— Он на самом деле достаточно интересен, — говорит папа. — Части составляют механизм, это очевидно, даже хотя я и не понимаю, что он должен делать. Но в его конструкции фантастическая логика, сложная, но неоспоримая. Я не могу дождаться, когда разгадаю остальное.

— Мне нужно, чтобы Вы поторопились. Мне нужно, чтобы он был собран как можно скорее, — мои пальцы скользят по цепочке кулона, это все, что я могу сделать, чтобы не сжать его в кулаке. Я больше не хочу быть вдалеке от этой штуки.

Папа совершенно ясно не хочет противоречить мне, но...

— Ваше Императорское Высочество, у меня есть приказы Царя. Хотя я очень уважаю Вашу любовь к этому кулону, сейчас у нас есть более ценные задачи.

— Нет. Правда, действительно, нет, — как я должна убедить его?

Потом я смотрю на Пола и думаю: «Он мне поверил. Поверит ли отец? Особенно если Пол меня поддержит?»

Итак, второй раз за двадцать четыре часа я говорю кому-то в этом измерении правду, о том, кто я такая, откуда я, и что может делать Жар-птица.

Папа не верит.

— Ваше Императорское Высочество, остановитесь и подумайте, — его голос мягок. — Вчера вы пострадали от ужасного шока. Только лишь страх мог бы сбить с толку большинство людей. Учитывая, что вы почти замерзли до смерти...

— Я в порядке! Я кажусь вам истеричной? — Погодите. Я говорю о параллельных измерениях. Я не должна задавать этот вопрос. Поэтому я направляю его внимание на более стабильного путешественника между измерениями. — А что насчет лейтенанта Маркова? Его сны и воспоминания моего Пола Маркова. Как возможно, чтобы все это было неправдой?

— То, что говорит Её Императорское Высочество, истинно, — подтверждает Пол, все еще стоя по струнке. — Я верю ей.

Папа говорит:

— Простите меня, за то, что говорю это вслух, Марков, но думаю, что Вы бы поддержали Великую Княжну, даже если бы она сказала, что она с Луны.

Я продолжаю попытки.

— Я знаю, что все эти разговоры о параллельном измерении звучат странно, но я в здравом уме, я говорю Вам правду. Поэтому мне нужна Жар-птица прямо сейчас.

Он явно не убежден, возможно, он думает, что я откажусь от своих слов после хорошего сна.

— Я продолжу над ней работать. Я обещаю Вам это. Но сначала — приказы Вашего отца.

И теперь я знаю, как убедить его.

— Я знаю то, что Великая Княжна Маргарита никогда бы не поняла сама, — говорю я. — То, что может доказать, что я пришла из другого места. Из другой реальности.

Стоя на своем месте рядом со входом в палатку, Пол выглядит заинтригованным,

вопреки собственной воле. Папа выглядит так, как будто подшучивает надо мной.

— Например?

Я шепчу:

— Я знаю, что царь — не мой отец. Мой отец — Вы.

Глава 17

— София мне не говорила, — отвечает отец. — Не говорила словами.

Мы сидим вместе в его палатке, он держит мои руки в своих. Части Жар-птицы лежат на его походном столике, поблескивая в свете свечей. Я наклоняюсь ближе, желая узнать, как в этом невероятном мире я появилась на свет.

— То есть, до этой минуты ты не был уверен?

— Я был уверен, — папа улыбается, но это самая грустная улыбка, увиденная мной. Потому что он смотрит не на меня — он смотрит в прошлое, на маму, которую он больше никогда не увидит. — Мы бы уже, мы недолго были вместе. Это было очень опасно для нас обоих. Конечно, София не могла говорить о своём деликатном положении, но я через несколько месяцев понял, что она скоро станет матерью. Царь легко мог быть отцом. Я говорил себе, что это должно быть правда. Тогда однажды, незадолго до твоего рождения, она пришла повидать Владимира во время уроков. Когда он отвлекся, она, она взяла мою руку. — папин голос ломается. — Она положила руку ее на живот, и я почувствовал, как ты пинаешься. Это единственное подтверждение, которое она сделала. Единственное, которое мне было нужно.

— Ох, папа, — я обнимаю его, и он почти конвульсивно обнимает меня в ответ. Я понимаю, что это единственный раз, когда он мог показать свои истинные чувства.

Потом папа напрягается и отстраняется.

— Лейтенант Марков, — говорит он, выражение его лица становится пустым. — Вы доложите об этом?

— Конечно не доложит! — я смотрю на него в поисках подтверждения.

Пол наклоняет голову в мою сторону.

— Тайны Великой Княжны — мои тайны. Я не скажу никому ни слова об этом.

Папа расслабляется, когда понимает, что мы в безопасности. Я спрашиваю:

— Катя — дочь Царя, это очевидно, но Пётр?

— Мы с твоей матерью никогда больше не были вместе. Я не мог подвергнуть её такой опасности. Такое облегчение видеть, что ты так похожа на неё, — папин взгляд смягчается, когда он смотрит мне в лицо. — Я бы хотел, чтобы она видела, как ты растешь.

— Она видела, — я наклоняюсь вперед, надеясь, что заставлю его понять. — В моем измерении она жива и здорова. Вы влюбились друг в друга, когда начали вести научные исследования вместе.

— Научные? София смогла стать ученым? — нет слов, чтобы описать радость его улыбки. — Её ум впустую растратился на дворцовый этикет и балы. Она была абсолютно гениальна.

— Я знаю. Потому что она изобрела это, — я снова постучала по Жар-птице.

Теперь он мне верит, я знаю, и всё же папа хочет услышать побольше о мире, где он и мама смогли быть вместе.

— Мы даже сейчас женаты? Она и я?

Это заставляет меня застыть. Мама и папа на самом деле никогда не были женаты. В частности, они как-то раз получили лицензию, но тогда в их исследованиях случился прорыв, и пока они работали над результатами, у лицензии закончился срок действия. Мама говорит, что они в конечном итоге дойдут до здания суда, когда у них появится время, проведут церемонию, но честно, я думаю, что они по большей части забывают, что они не женаты. Это никогда не беспокоило меня или Джози, мы знали, что никто из них никуда не собирается. Однако, я сомневалась, что Генри Кейн в более традиционном мире будет так же на это смотреть.

Но это почти не имеет значения по сравнению с тем, что мой отец — Генри Кейн, который любил меня и вырастил меня, мёртв.

Я не могу ему этого сказать. Это будет слишком ужасно, сказать ему что он был убит.

— Ничто не разделит вас с мамой друг от друга, — говорю я. — Вы изучаете физику бок о бок каждый день. У меня, у меня есть старшая сестра, Джози. Я имею в виду, Джозефина Она ученый, как вы.

Папа резко поворачивает голову, и я понимаю, что он борется со слезами при мысли об этой другой дочери, которую у него никогда не будет возможности узнать.

— Пожалуйста, — шепчу я. — Я знаю, что с моей стороны — это эгоистично, но мне нужно вернуться домой. Мама должно быть так напугана. Мне нужно к ней.

Сделав глубокий вдох, папа смотрит на Жар-птицу. Неровным голосом он говорит:

— Устройство в тысячу раз более могущественно, чем я мог мечтать.

— Ты помог его изобрести. Значит, ты — мой шанс вернуться туда, где я должна быть. Если мы не сможем достать Жар-птицу Пола, ты — мой единственный шанс.

Он поднимает одну из металлических частей, изучает её в свете свечи и его взгляд становится острее.

— Тогда, моя дорогая девочка, давай вернем тебя домой.

И при других обстоятельствах моя походная койка была бы неудобной. Однако, сейчас я сравниваю её с кроватью, в которой я ночевала накануне, когда Пол обнимал меня, сильный и тёплый.

Сегодня Пол ночует с другими солдатами. Он всего в нескольких сотнях футов от меня, в палатке, не так сильно отличающейся от моей. Мы могли бы с таким же успехом оказаться на разных планетах. Завтра его отправят в его полк, который на пути к соединению с нашими силами.

— Мы встретимся с полком Полковника Азаренко по дороге, — сказал он мне, прежде чем мы расстались. — Конечно, я спрошу его о Жар-птице, когда у меня будет возможность, но это не значит, что я получу её обратно.

— Ты думаешь он присвоил его или что?

— Нет, он бы так не сделал. Но я был одет не по форме, поэтому он забрал кулон в наказание. Поэтому он не обязательно отдаст мне его так просто.

— Он отдаст его мне, — говорю я. Я уже жила достаточно долго как Великая Княжна, поэтому знаю, как должно выглядеть королевское поведение. Я на связи со своей внутренней Бейонсе. Я откинула волосы и сказала: — Если он знает, что для него хорошо.

— Жду не дождусь это увидеть, — Пол улыбнулся, потом стер выражение с лица, боясь, что нас могут увидеть и наш секрет будет раскрыт.

Я ворочаюсь и мечусь на койке. Кажется, мне больше никогда не будет снова тепло. Как будто, я больше никогда не познаю спокойствие и безопасность прошлой ночи. Как будто я

больше не познаю себя так же истинно, как в объятиях Пола прошлой ночью.

Наконец, я засыпаю, но сплю беспокойно. Ко времени моего пробуждения Пол уже отбыл с другими солдатами из своего полка. Хотя моя первая мысль о том, чтобы провести день с папой, я знаю, что ему нужно сосредоточиться.

Владимир совершенно неожиданным образом отвлекает меня.

— Письмо для тебя, — говорит он, хмурясь на конверт у себя в руке. — Мы получили пакет с почтой из Санкт-Петербурга. Похоже, твой странный парижский корреспондент вернулся.

«Тео!»

Я забираю пакет из рук Владимира, который посмеивается от моего нетерпения. Я быстро разворачиваю толстую бумагу и вижу каракули Тео, которые выглядят еще хуже в подтеках и кляксах от чернил:

«Маргарет,

Я получил письмо сегодня утром...»

Какой датой оно подписано? За несколько дней до Рождества. Я написала ему почти за неделю до этого. Сообщение здесь передвигается ползком. Я никогда больше не буду жаловаться на 3G-соединение.

«...и стал тебе писать сразу же после того, как перестал сходить с ума. Я не знаю, что сказал тебе Пол в Лондоне и мне всё равно. У нас нет фактов, и до тех пор, пока у нас их не будет, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ЕМУ ДОВЕРЯТЬ. Держись на расстоянии. Ты говоришь, что он и помнит, кто он, но факт, что этот парень — твой телохранитель, и стоит рядом с тобой каждый день с ружьем? Это плохо. (Или у него байонет или сабля, или что у них там. Чем бы это ни было, я не хочу, чтобы оно было рядом с тобой.)

Я качаю головой. Он пока не понимает, он не видел лица Пола, когда тот узнал о папиной смерти. И Тео не знает «Лейтенанта Маркова» не понимает, что я никогда не была в большей безопасности, чем с ним.

«Оставим в стороне то, как ты умудрилась упасть и сломать Жар-птицу. Да, Генри из этой вселенной возможно сумеет починить её, но я бы был более доволен, если бы смог взглянуть на неё. Тогда я бы снова смог спать.

Вот что произойдет. Ты достанешь мне визу в Россию, и я сделаю всё, что потребуется, чтобы добраться до тебя. Мне плевать, если придется идти всю дорогу по колено в снегу. Мы должны вытащить тебя отсюда, в целостности и сохранности, и нет ничего важнее этого.»

У меня перехватывает дыхание, и я пытаюсь стереть с лица чувства, которые выдают меня. Тео принял бы все опасности, которые принял Пол, он бы боролся за меня так же жестоко, так же сильно хотел бы меня защитить. Всё, что я к нему чувствовала, всплывает на поверхность, и мне внезапно так сильно не хватает его, что я едва могу это вынести.

В этом измерении нет CNN. Слышал ли уже Тео о восстании? Сходит ли он с ума от беспокойства, думая, что я ранена или мертва?

«Я сейчас в Высшей школе промышленной физики и химии Парижа. Это достаточно престижно, чтобы можно было выдать меня за лектора, или кого-то кто должен быть в университете, или что-то вроде того. Я снова пойду в Российское Посольство и буду умолять от своего имени. Так или иначе, я скоро снова буду с тобой.

Я втянул тебя в эту передрагу, Мег. Я клянусь тебе, я тебя отсюда вытащу. В этой вселенной нет ничего важнее этого.

Тео.»

Я медленно складываю письмо и прижимаю бумагу к груди.

Владимир говорит мягким голосом:

— Я подозреваю, это лучше не упоминать при Царе.

— Пожалуйста, — как будто он когда-нибудь будет сплетничать обо мне. Я протягиваю руку к нему, к единственному старшему брату, которого я когда-либо знала. Владимир не задает вопросов, не важно, гадает ли он, что со мной происходит. Он на моей стороне, не важно, что случится.

Я понимаю, что буду скучать по нему, когда вернусь домой.

Потом мы слышим крики снаружи — не несколько человек, а несколько дюжин. Сотни. Рука Владимира сжимает мою, на секунду мы разделяем опасения, но потом понимаем, что то, что мы слышим — это не паника. Это ликование.

Мы выбегаем из моей палатки и видим, что солдаты подкидывают шапки в воздух и наливают из фляжек водку, чтобы выпить за свою радость.

— Что такое? — кричит Владимир. — Какие новости?

Царь Александр выходит из толпы к нам с широкой улыбкой на лице.

— Верные полки напали на силы моего мятежного брата — Сергей мёртв. И его восстание тоже!

Он присоединяется к восторгам по поводу смерти своего брата. Учтывая, что Сергей тоже пытался нас убить, это может быть справедливо. Всё, о чем я могу думать — о том, что это первый раз, когда я вижу Царя улыбающимся.

Владимир не начинает праздновать, но его облегчение очевидно.

— Что за смелые солдаты прикончили восстание?

Царь, кажется, думает, что это не более чем незначительная деталь, но говорит:

— Батальон Азаренко.

Это значит, что Пол был в сражении.

— Лейтенант Марков — он в порядке? Он не пострадал?

— Откуда я знаю? — Царю Александру уже наскучило разговаривать со своими детьми, когда солдаты готовы чествовать его. — Посмотри отчеты, если хочешь.

Владимир бросает взгляд на меня и сжимает мою руку.

— Пойдем, Маргарита. Я достану для тебя отчеты.

Они оказываются листками бумаги, исписанными от руки, неряшливыми, потому что их отправили прежде, чем успели высохнуть чернила. Я стою в палатке Царя, сжимая бумагу, чтобы разобрать слова. Я читаю что Великий Князь Сергей встретил свою смерть на другом конце байонета. О том, что только девятнадцать верных царю солдат заплатили высшую цену, и Полковник Азаренко среди них. О том, что еще восемь солдат были серьезно ранены.

И я читаю, что один из раненых солдат — Пол.

Глава 18

— Мы не можем ехать побыстрее? — мне стыдно так говорить, потому что лошади стараются изо всех сил, таща сани по сугробам быстрее, чем любой снежокат. Мне кажется, я могу обогнать лошадей только лишь силой одного своего страха за Пола, кажется, сила притяжения иссякнет, и я полечу прямо к нему.

— Успокойся, — говорит папа. Он вызвался отвезти меня, и это счастье. Я не знаю, как смогла бы вынести пребывание с кем-то, кто не знает правды. — Мы будем там через час такими темпами.

— Я знаю. Извини. Просто я... — но что я могу сказать?

Он говорит это вместо меня:

— Просто, ты его любишь, — когда я потрясенно поворачиваюсь к нему, папа просто горестно качает головой. — Я знаю, как выглядит запретная любовь, Маргарита. Я научился узнавать её в глазах твоей матери.

Я обнимаю его руку.

— С ним всё будет хорошо.

— Если лейтенант Марков не выживет, твой Пол тоже умрет?

— Никто точно не знает, но вероятно, что да.

Папа оглядывает меня:

— За кого из них ты боишься?

— За обоих, — острый холодный воздух колет мне щеки, пока мы мчимся вперед. — Я связана с Полом,

вероятно, во всех измерениях, так же, как ты связан с мамой.

Несколько мгновений папа молчит потом говорит:

— В твоём мире мы не вместе. Твоя мама и я.

— Я же говорила тебе...

— Да ты говорила мне, и я никогда не видел, чтобы у кого-то было такое грустное лицо, когда он сообщает хорошие новости, — папа говорит мягко, как обычно, но он всегда знает, как и когда надавить на меня. — Меня уже достаточно утешает знание о том, что существуют бесконечные миры, бесконечные возможности. Теперь я знаю, что где-то и каким-то образом у нас с Софией был шанс. Но тебе не нужно лгать, чтобы щадить мои чувства.

— Вы были вместе, всегда. Ничто не могло разлучить вас, — правда, папа её заслуживает. — Ничто кроме смерти.

Он резко вдыхает.

— Я бы никогда не заставил ее продолжать рожать.

— Не она, — шепчу я. — Ты.

После этого мы какое-то время ехали в тишине, вокруг нас не раздавалось ни звука за исключением топота лошадей, скрипа полозьев на снегу и позвякивания поводьев. «Папа в шоке? На что это похоже узнать, что ты умер?»

Потом он обхватывает меня рукой.

— Моя бедная дорогая девочка.

Мои глаза наполняются слезами, и я склоняюсь к нему. Он прижимает меня крепче, успокаивая меня. Я понимаю, что значит быть родителями: узнать о самой страшной вещи, которая только может произойти с тобой, и думать только о том, как будет больно твоему ребёнку.

— Это случилось недавно? — тихо произносит папа.

Я киваю ему в плечо.

— Прямо перед моим уходом.

— Тебе, должно быть, тяжело меня видеть.

— Нет, это здорово снова быть с тобой. Потому что ты больше похож на себя, чем отличаешься.

— Был ли я для тебя хорошим отцом? Я всегда думал о том, как бы всё сложилось, если бы у меня была такая возможность.

— Ты был самым лучшим, — все мелкие ссоры с папой, когда он запрещал мне брать свою машину, или смеялся надо мной из-за пристрастия к сериалу Дневники Вампира или иногда не переставая говорил о Монти Пайтоне и испанской инквизиции — всё это перестало иметь значение. — Ты разрешал мне быть собой, мне и Джози, нам обеим. Наш дом всегда был таким странным, совсем не как у других детей, но мне было всё равно. Все остальные всегда волновались о том, что подумают другие люди. Вы с мамой никогда так не поступали. Вы хотели, чтобы мы нашли свой собственный путь в мире, но вы всегда были готовы помочь нам. Вы говорили нам, что любите нас, каждый вечер перед сном. Каждый вечер после ужина ты мыл посуду и напевал песни Beatles. In my life, была моей любимой, и я никогда не смогу слышать эту песню и не думать о тебе. Я и не хочу. Я так сильно тебя люблю.

Я зарываюсь головой ему в плечо, и его рука сжимает меня сильнее. Через долгое время он говорит:

— При чём здесь насекомые?

— Насекомые?

— Жуки?

— The Beatles, были рок-группой, — это ничего ему не объясняет, я смеюсь сквозь слезы. — Певцы. Это певцы, которые тебе нравились.

Его ладонь похлопывает меня по предплечью.

— И мы с твоей матерью были счастливы?

— Почти до неприличия счастливы.

— У Софии всё хорошо сложилось в жизни?

— Она — известный ученый, работает над исследованиями, которые увлекают её больше всего на свете. У неё есть я и Джози, она хорошая мама, но, я думаю, что ты видел это сам. Я думаю, она бы сказала, что её жизнь была почти идеальна, пока она не потеряла тебя.

— Спасибо, — говорит папа. — Это будет мне утешением.

Потом он помедлил.

— А как же Великая Княжна Маргарита?

— Что ты имеешь в виду?

— Если и когда ты уйдешь, как это скажется на Великой Княжне? Будет ли она что-нибудь помнить? Будет ли она... — его голос снова прерывается, — Будет ли она помнить, что я её отец?

Я сразу же хочу сказать ему нет. Я видела, как вел себя Пол в лондонском измерении. После того, как его покинул мой Пол, он совершенно потерял память и не имел представления, что с ним произошло.

Но, кажется, мы с Полом путешествуем сквозь измерения совершенно по-разному.

Поэтому, кто говорит, что другая Маргарита не вспомнит?

«— Я не знаю», — говорю я папе. — Ради её блага, я надеюсь, что вспомнит. Она нуждается в тебе.

— Мне она тоже нужна.

«Помни», — думаю я, пытаюсь запечатлеть это мгновение у себя в мозгу, чтобы оно оставило след после того, как я уйду. Папина рука напрягается вокруг моих плеч, как будто он понимает, что я пытаюсь сделать. Может быть, так и есть. «Всегда помни».

Мы наконец видим поле боя с вершины большого холма, и с первого взгляда оно

кажется только брызгами черного и следами среди обширного белого пространства. Но как только мы приближаемся, я вижу красные пятна на снегу. Направление ветра меняется, принося запах битвы: запах пороха и еще чего-то, что я могу назвать только смертью.

Папа быстро остановил сани. Несколько солдат грубо смотрят на нас, женщина врывается в их святая святых? Потом один из них узнаёт меня. Когда он называет меня «Ваше Императорское Высочество» другие вытягиваются по струнке. Я встаю как Великая Княжна и требую:

— Отведите меня к Полу Маркову.

Я знаю, что медицина в этом измерении гораздо более примитивна, чем в моём, но я не готова к увиденному в госпитале. Солдаты лежат на койках, импровизированные бинты обматывают их конечности в тех местах, где когда-то были потерянные ими кисти рук или ступни. В металлических чашах медицинские инструменты и кровь. Людям ужасно больно, здесь есть морфин, но его очень мало и хватает не всем. Я слышу крики, стоны, молитвы. Один мальчик моложе меня жалобно зовет маму.

Пол молчит.

Я подхожу к нему и смотрю на него в ужасе. Он обмотан бинтами вокруг плеча, обоих коленей, и, что хуже всего, вокруг живота. Я прочитала достаточно романов о войне, чтобы понимать, что значила рана в живот в те дни, когда не было антибиотиков.

Нет. Это невозможно. Пол не умрёт. Он просто не может. Я как-нибудь спасу его. Я напишу Тео в Париж и скажу ему оставить чашки Петри на ночь, чтобы он смог изобрести пенициллин. Я буду с ним каждую секунду. Пол выкарабкается.

Когда я встаю на колени рядом с его койкой и беру его за руку, Пол двигается. Его голова откатывается на сторону, как будто ему слишком тяжело ей двигать. Он открывает глаза, и когда он узнаёт меня, то пытается улыбнуться. Даже так серьезно раненый, он пытается успокоить меня.

«— Всё будет хорошо», — говорю я. Ложь отдает горечью у меня на языке. Даже если он выживет, я знаю, что он никогда не будет прежним. Сможет ли он остаться солдатом? Это не имеет значения. Ничего не имеет значения, только спасти его. — Я теперь здесь. Я тебя не оставлю.

Пол пытается заговорить, но не может. Его пальцы двигаются вокруг моих, как если бы он хотел взять меня за руку, но он слишком слаб.

Конечно, вокруг врачи, конечно, другие солдаты могут нас слышать. К чёрту их всех. Я наклоняю голову к его руке и целую ее.

— Я люблю тебя, Пол. Я так сильно тебя люблю. Я никогда-никогда снова тебя не оставлю.

— Маргарита... — папина рука ложится мне на плечо, но, когда я трясую головой, он убирает её.

Пол глубоко вдыхает, потом закрывает глаза. После этого я не могу сказать, в сознании ли он, но на всякий случай я продолжаю говорить ему, как сильно я люблю его и продолжаю держать его за руку. Даже если он без сознания, даже если он не может слышать и видеть, он сможет почувствовать прикосновение и будет знать, что я с ним.

Я знаю, что другие солдаты и доктора смотрят на нас. Я только что сказала Полу то, что Великая Княжна никогда-никогда не должна говорить обычному солдату. Но я знаю, что ни один из них не осмелится произнести ни слова из этого. Распространять сплетни о членах царской семьи — это хороший способ переехать во Владивосток.

Свободной рукой я провожу вокруг его шеи, надеюсь, что на нём Жар-птица. Мне уже всё равно, что случится со мной. Но я могу отправить своего Пола отсюда, тогда по меньшей мере он выживет.

Но я хочу, чтобы этот Пол тоже выжил.

Это не имеет значения. Жар-птицы нет вокруг его шеи, и, когда я командую одному из здоровых солдат поискать в мешке Пола, он не находит ничего, даже отдаленно напоминающего её. Полковник Азаренко умер в битве, поэтому спросить больше некого.

Жар-птица всё ещё не найдена, и сейчас я наблюдаю, как два человека умирают в одном теле.

Когда опускается ночь, Пол ещё раз шевелится. Его глаза с трудом открываются и моя улыбка, обращённая к нему, залита слезами.

— Пол? Я здесь, твоя Голубка. Я здесь.

— Обе Маргарет, — говорит он и умирает.

После этого всё как в тумане. Я думаю, что очень спокойно встала, вышла наружу и шла пока не отошла от госпиталя на достаточное расстояние, после этого начала кричать. Раненым солдатам нужен отдых. Им не нужно слышать, как я кричу, кричу и кричу до тех пор, пока не срываю голос, и из глаз не начинают течь слезы и я не падаю на колени в снег.

Когда у меня иссякают силы, я остаюсь снаружи, одна ещё на несколько минут. Мои колени и ступни почти онемели от холода. Я велю своему сердцу и разуму следовать за ними. Позволяю им замерзнуть. Позволяю им потерять чувствительность. Остальное моё тело может продолжать жить.

И всё же, каждый раз, когда я думаю, что больше не в силах ощущать боль, ко мне приходят воспоминания: Пол в пасхальной комнате, бережно держащий одно из яиц Фаберже в ладонях, Пол, танцующий со мной вальс, тепло его большой руки у меня на поясице, Пол, целующий меня снова и снова, когда мы засыпаем, переплетенные друг с другом.

Наконец, у меня получается неуверенно встать на ноги. Один из врачей неподалеку. Вероятно, его заставили последовать за мной, боясь, что я на грани безумия. Когда я спрашиваю его:

" Где профессор Кейн? » Мой голос скрипит, как у старухи.

Меня ведут в шатер, очевидно предназначенный для меня, но внутри папа. Когда я захожу, он встает на ноги.

— Мне сказали, что всё закончилось. Я подумал, что тебе нужно несколько минут наедине с собой.

— Так и есть. Спасибо тебе.

— Мне так жаль, моя дорогая. Мне правда очень жаль. Марков был хорошим человеком.

От его добрых слов моя рана снова открывается, но я справляюсь со слезами. Теперь я вижу, чем папа занимался все это время. На его походном столике лежит моя Жар-птица, явно собранная.

Его взгляд проследил за моим.

— Я полностью посвятил себя этому. Может быть, я понял устройство. Но я не хочу позволять тебе совершить что-то настолько опасное без какой-либо проверки.

— Я могу проверить его, — говорю я пустым голосом. Я беру Жар-птицу и совершаю движения, чтобы создать напоминание. Металлические слои щелкают под моими пальцами и электрический шок пронзает меня. Боль, сильная и почти невыносимая, но я принимаю её.

Такая боль — это единственное, что может притупить боль у меня в сердце. Я благодарна даже за несколько секунд отдыха от скорби.

— Похоже, это больно, — папа пытается забрать у меня Жар-птицу, но я не позволяю ему.

— То, что я только что сделала, и должно быть больно, — я пытаюсь улыбнуться. — Ты снова собрал её. Видишь, я знала, что ты гений.

Папа проводит рукой через свои взъерошенные каштановые волосы.

— Ты абсолютно уверена, что она должна так работать?

Он обеспокоен. Я не могу винить его в этом. Даже я чувствую себя неуверенно при мысли о том, что совершу ещё одно путешествие с помощью этой штуки. Однако, моя единственная альтернатива -

это подождать несколько недель или даже месяцев, которые потребуются для того, чтобы вызвать Тео в Москву или самой отправиться в Париж.

Мне нужно вернуться к маме. Мне нужно рассказать ей о Конли и поскорее. Жар-птица Тео скажет ему, что я переместилась, и он последует за мной. Вопрос в том, куда я отправлюсь, моя Жар-птица всё ещё настроена на то, чтобы следовать за моей версией Пола, который только что умер у меня на руках. Но куда я отправлюсь не имеет значения если я найду какое-нибудь место, где Тео может присоединиться ко мне. Я верю, что он сможет доставить меня домой.

И я верю своему отцу.

— Она работает, — говорю я, надеясь, что это звучит уверенно. — Я собираюсь уходить.

Папа кивает. У него грустные глаза. Может быть, это последний раз, когда его дочь видит его, и знает кто он на самом деле.

Может быть, это последний раз, когда я вижу папино лицо.

Я бросаюсь в его объятия и закрываю глаза, когда он сжимает меня.

— Я люблю тебя, шепчет папа. Я любил тебя с того часа, как ты родилась. И даже до этого.

— Я тоже люблю тебя, папа. Я говорила тебе об этом почти каждый день, и всё равно говорила это редко.

Отпустить его слишком тяжело. Поэтому всё ещё в его объятиях я дотрагиваюсь до Жар-птицы, и последнее, что я чувствую в этом измерении — это его поцелуй у себя на щеке. «До свидания. До свидания».

Глава 19

Оказавшись в новом теле, я уже сижу в кресле. В хорошем, мягком кресле. «Ну, это приятная перемена», — думаю я, прежде, чем открываю глаза и вижу...

Мою галерею портретов в моей собственной спальне.

Я понимаю, что сижу в своем собственном кресле в углу, глядя на портрет Джози: те же самые голубые глаза, то же веселое выражение. Стены в моей комнате окрашены в тот же мягкий кремовый оттенок. Мои занавески с рисунком немного колышутся от ветерка, потому что я, как обычно, открыла окно. Я даже одета в свое любимое платье, красное с желтыми птицами и кремовыми цветами.

Я дома.

И всё же, когда я смотрю на свою кровать, то понимаю, что покрывало не совсем правильное. Это покрывало из дикого шелка, которое Джози подарила мне на прошлое Рождество, но цвета и рисунок другие. Я восхищалась им в каталоге, да, я не стесняюсь говорить людям что хочу получить в подарок, и я даже помню описание каждого покрывала.

Теперь, хорошенько поразмыслив, я понимаю, что портрет Джози выглядит так же, но я повесила его рядом с портретом своей подруги Анжелы, а не рядом с портретом папы. Мамин портрет изображает её в белой хлопковой блузке вместо серой футболки, которую я помню.

Это измерение очень, очень похоже на моё, но это не дом.

Поначалу я чувствую укол тоски по дому, которая усилилась из-за того, что я окружена знакомыми

вещами, которые все же совсем не мои. Потом я думаю: «Если я переместилась в другое измерение и моя Жар-птица была настроена, чтобы следовать за Полом, значит ли это, что он тоже выбрался?»

Должно быть, это так. Он жив. Моё сердце переполняется надеждой, при осознании того, что мой Пол выжил, что он где-то неподалеку...

И я останавливаюсь...

Лейтенант Марков из личного полка Его Императорского Величества, Пол, который спас меня, с которым я провела одну прекрасную ночь, он умер, ушел навсегда.

Я сворачиваюсь в клубок, обхватив руками колени. Мужчина, которого я любила, умер. Ничто этого не изменит.

Я помню тяжёлое тело в своих руках, окровавленное пустое, и понимаю, что я потеряла что-то незаменимое.

Комната уже не похожа на мою. Я могла бы быть в России, стоя на коленях в снегу и крича от горя, не заботясь о том, кто меня слышит. Но сейчас всё, что я могу делать, это плакать.

Возможности переплетаются вместе, чувства связываются в Гордиев узел. Тысяча способов любить, и сомневаться, и терять Пола Маркова, и сейчас мне кажется, что я только начинаю открывать их.

Сейчас всё, что я могу сделать, это сосредоточиться на том, что Пол, Тео и я остаемся в серьезной опасности, и, может быть, мама и Джози тоже. Я должна продолжать двигаться. У меня нет другого выхода.

«Соберись», — говорю я себе. Я беру бумажный носовой платок, они хранятся на той же самой полке, и высмаркиваюсь, пытаюсь сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас.

Когда я еще раз осматриваюсь в комнате, обычное становится необычным. После нескольких недель там, где электрическое освещение было недавним изобретением, странно видеть мой сотовый телефон, мой музыкальный центр, мой планшет. Даже менее технологичные вещи прекрасны в своей повседневности. Мои запачканные краской рабочие джинсы и старая футболка лежат на стуле, старая ткань расстелена на полу и стоит мольберт. Очевидно, я собиралась немного поработать.

Я беру свою коробку с красками. Один вид этих серебристых блестящих тюбиков наполняет меня облегчением от того, что я вижу снова что-то знакомое.

Я выхожу в коридор, покрытый краской для рисования мелом, и физические формулы выглядят точно так, как должны. В большой комнате я нахожу мамины цветы и радужный

стол. Стопки бумаг и книг ровно такие же, как я ожидала. Однако, некоторые пятна краски на столе выглядят по-другому. Я наклоняюсь, чтобы изучить его поверхность, насколько это возможно под грудой бумаг, но одно пресс-папье привлекает моё внимание. Это толстый, круглый металлический диск, лежащий поверх папки с логотипом корпорации Триада...

Ух ты. Мои глаза расширяются. Я никогда не видела Нобелевскую награду, но я на 95 % уверена, что он выглядит именно так.

Взяв награду в руки, я наслаждаюсь тем, какая она тяжелая, будучи отлитой из чистого золота, и я понимаю, что мама и папа, должно быть, сделали свой прорыв на несколько лет раньше в этом измерении. Я смотрю на награду и думаю, продолжай в том же духе, мама.

«А как же все остальные? А как же Джози? Да, она также изучает океанографию в Сан-Диего, она привезла оттуда несколько магнитов на холодильник, которые там и висят. На самом деле, если верить календарю на кухне, она сегодня приезжает в гости, чёрт побери, на Новый год. Это сегодня. Я потеряла счет дням, пока была в России, с этим кровавым восстанием и всем остальным.

«Тео?» Мама и папа здесь тоже его научные руководители. Или так, или у них есть еще один хипстер, который оставил свою фетровую шляпу из комиссионного магазина на вешалке. Тео наверняка материализовался в этом измерении в своей выдавшей виды комнате на кампусе. Держу пари, он будет здесь в течение часа.

А Пол...

Дверь кухни открывается, и я слышу, как мама говорит:

— Если собачье сознание действительно ближе к человеческому, чем у наших ближайших родственников приматов, должны ли мы предполагать, что собаки наши партнеры в процессе эволюции?

— Правда, стоило вернуть этого щенка, когда девочки его просили, — папа заходит в комнату за ней, оба они несут набитые тканевые сумки. — Тогда бы у нас был объект для наблюдений, и кроме того, мы могли бы назвать его Ринго.

Мама и папа. Оба живы, оба здоровы, оба прямо здесь в кухне, как будто ничего никогда не происходило, потому что здесь всё так, как и должно быть.

Мама видит меня первой.

— Привет, милая. Я думала, ты рисуешь.

— Привет, — говорю я. Это совершенно неадекватно, но я не могу думать больше ни о чем. Поэтому я перепрыгиваю через две ступеньки, ведущие в кухню, и заключаю обоих родителей в объятия.

— С чего это? — смеется папа.

Каким-то образом мне удается сохранить голос спокойным, и я говорю:

— Я просто скучала по вам.

Папа отстраняется и обеспокоенно смотрит на меня:

— Ты на что-то пролила краску?

— Нет! Всё отлично, клянусь, — я отпускаю их обоих, но не могу перестать глупо улыбаться. Быть с ними не излечит рану от смерти Пола в России, но это помогает мне почувствовать себя почти целой. — Всё совершенно прекрасно.

Мама и папа обмениваются взглядами. Она говорит:

— Полагаю, в конце концов подростковые гормоны сыграли в нашу пользу.

— Как раз вовремя, — отвечает папа.

Я игриво толкаю их, мама и папа могут дразнить меня в тысячу раз хуже, и это не будет

меня беспокоить, только не сегодня.

— Что вы купили?

— Мы хотим приготовить лазанью. И немного красного вина, может быть, Джози захочет бокал, — мама начинает распаковывать свои сумки, но я забираю одну из них у неё.

— Разрешите мне приготовить ужин? Вы можете посидеть и отдохнуть.

Когда мама и папа снова переглядываются, в их взглядах гораздо меньше веселья, больше беспокойства. Мама говорит:

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Папа качает головой:

— Ты собираешься попросить машину.

Я громко смеюсь, очевидно, я так же не люблю работать на кухне в этом измерении, как и в своём.

— Хватит. Всё отлично. Я просто думаю, что это будет весело. Вот и всё.

Хотя папа очевидно не убеждён, мама говорит:

— Генри, оставь это, — она кладет упаковку лазаньи в мои руки, потом поворачивается к отцу, и нежно подталкивает его за плечи к дивану. Когда он уходит, посмеиваясь, мама задерживается рядом со мной. Очень тихо, она добавляет: — Спасибо за помощь, Маргарет. Сейчас это значит очень много.

«Сейчас? Что она имеет в виду, сейчас?»

— Хорошо, — говорю я. Этот ответ кажется безопасным.

— Я знаю, это произошло не только с нами, — мама говорит с низким голосом, перебирая пальцами мои кудряшки. Она так делала, когда я была маленькой. Последние несколько лет меня это раздражало, но больше не будет, после того, как я была в двух мирах, где её нет. — Даже если полиция найдет Пола, возможно, мы никогда не поймем, почему он это сделал. Мы с твоим отцом с радостью снимем все обвинения, когда получим ответы, но Триада никогда так не сделает, поэтому... — её голос прерывается. — Я в ужасе от того, что он сделал с нами, но я не могу вынести того, что Пол сделал сам с собой. Он разрушил всю свою жизнь, и ради чего?

Я не могу ей ответить. Сейчас я едва могу дышать.

— Прости меня. Ты старалась подбодрить нас. Продолжай в том же духе, — мама хлопает меня по плечу и идет вслед за папой.

Всё, что я могу делать, это стоять на кухне, глупо прижимая к себе коробку с лапшой. Что за чёрт?

Даже не зная подробностей, я понимаю, что здесь случилось. Пол предал маму и папу. Предал нас. Снова.

А я думала, что начала понимать Пола. Теперь я думаю, что я никогда не понимала его, или вообще кого-то, или что-то.

Полчаса спустя. Я все еще работаю на кухне, «работаю» значит «оцепенело слоняюсь в шоке». Каким-то образом я умудрилась положить все ингредиенты для томатного соуса в кастрюлю, но вспомнила, что надо включить горелку только через пять минут. Мой мозг слишком ошеломлён предательством Пола, для того, чтобы сосредоточиться на чём-то таком приземлённом, как ужин.

Должна ли я сказать родителям о том, кто я и откуда? Я смогла убедить своего отца в том, что я прибыла из другого измерения, во Вселенной, где ещё не изобрели радио. Здесь же, они поверят мне за секунду. Всё, что мне нужно — это вытащить Жар-птицу из-под

выреза платья.

Но мне не нужна их помощь так, как мне нужна была папина помощь в России. Я хочу рассказать им правду, потому что я хочу, чтобы они успокоили меня и послушали мои рассказы обо всём, через что я прошла. Это недостаточно хорошая причина. Они уже достаточно опустошены из-за действий Пола, насколько хуже им станет, когда я расскажу, как велико предательство на самом деле?

Я всё ещё хочу верить в Пола, и моё сердце всё ещё болит из-за того, кто умер у меня на руках, но сейчас я уже не доверяю своим инстинктам.

Кухонная дверь открывается, и я оглядываюсь посмотреть, кто это.

— Привет, Мег, — улыбается мне Тео. — С Новым Годом.

Я не видела его почти три недели. Такое чувство, что прошло три жизни.

— Тео, — я обхватываю его руками вокруг шеи. И он может притворяться искушенным сколько угодно, но он обнимает меня в ответ еще крепче.

Он шепчет мне в ухо:

— Оставишь для меня полуночный поцелуй, а?

Он шутит. А еще он не шутит. Я краснею... и всё равно я могу думать только о Поле, лежащем на койке, где он умер, открыв глаза, чтобы увидеть меня в последний раз, и говорящем: «Обе Маргариты».

Я делаю шаг назад от Тео.

— Там нужно... Я сказала маме и папе, что приготовлю ужин.

Его глаза расширяются:

— Это же ты, правда?

Поняв, что это значит, я вытаскиваю цепочку от Жар-птицы, большим пальцем показывая её в вырезе платья. Он видимо расслабляется.

Из гостиной папа кричит:

— Тео! Ты добрался!

— Как будто я пропущу Новый год, — отвечает он с усмешкой.

В разговор вступает мама:

— Если ты не собираешься помогать на кухне, иди сюда и помоги мне с формулами для сферы тридцати измерений.

— Знаешь, что? — Тео хлопает в ладоши. — Похоже, сегодня отличный день для того, чтобы научиться готовить.

Папа выглядывает из-за угла, его лицо едва видно над маминым развесистым филодендроном.

— Вы оба, одновременно сошли с ума?

— Да, — говорит Тео. — Это экономит время.

Папа смеется, но, что более важно, он возвращается к своим делам, так что Тео и я остаемся наедине.

Мы вдвоём начинаем выкладывать слои лазаньи, соуса и сыра в форму для выпечки. Всё идёт хорошо. Листы не загибаются по краям, нет хихиканья, нет Пола рядом со мной. Так не интересно.

Пока мы работаем, я низким голосом говорю Тео, что я узнала в последние минуты в Лондоне:

— Если бы Пол это сделал, он ни за что не выглядел бы так удивлённо. Он правда не знал.

— Я в это не верю. Ну же. Ты слишком умна, для того, чтобы тебя можно было так легко одурачить.

Уязвленная, я шепчу:

— Ты не видел его. Я да.

— Мне не нужно видеть лицо Пола, чтобы понять, что он сделал. Ты думаешь, что слишком умна для того, чтобы тебе лгали? Он одурачил твоих родителей, гениев, поэтому я уверен, что он может одурачить и тебя тоже.

Я не могу принять этого. Я не могу. Если я знаю что-нибудь о Поле Маркове, то это то, что он не убийца моего отца. Я обязана всем тому Полу из России за любовь ко мне, за спасение моей жизни, перед другими его воплощениями я обязана усомниться.

— Он не предавал нас, — говорю я. — Я не предаю его снова, усомнившись в нём.

Тео выдыхает и начинает разглаживать ложкой еще один слой рикотты:

— У тебя нежное сердце, Мег. Ты быстро злишься, и ты быстро остываешь. Я люблю это в тебе, но сейчас не время менять направление. Мир вокруг нас продолжает меняться, это значит, что мы должны держаться за то, в чем уверены.

— Мы ни в чём не уверены. Нас даже не было на похоронах. Может быть, полиция смогла выяснить ещё что-то, когда они смогли, осмотреть его тело. Сделать вскрытие. Я даже не могу выговорить эти слова, думая о своём отце. — Кроме того, в России Пол умер, чтобы спасти меня. Я думаю, что не он здесь злодей.

Я помню, как мы пришли на дачу, как я лежала в его объятиях. Его шепот эхом отражается у меня в голове: «Голубка».

Видимо, чувства отражаются у меня на лице, потому что Тео становится еще более настойчивым.

— Ладно. Итак, Пол Марков не везде сукин сын. Бесконечные измерения означают бесконечные возможности. Возможно, есть даже измерение, где меня не желает каждая женщина, с которой я встречаюсь. — от этой шутки не становится веселее. Он продолжает: — Правда. Всё может случиться. Всё должно случиться, в одном измерении или в другом. Поэтому где-то должен быть приличный Пол. Ты его встретила. Поздравляю. Но Пол, с которым мы имеем дело в этом путешествии? Этот Пол? Он обманул нас, и он хочет сделать это снова. Не позволяй ему. Не обходишь с ним слишком мягко.

Мне не кажется, что я веду себя слишком мягко. Кажется, что я держу себя жестко.

— Я просто не верю, что он это сделал, Тео. Он признался, что стер данные, и, конечно, он украл Жар-птицу, но...

— То есть, он признался во всем, кроме убийства, и это всё, что потребовалось, чтобы ты снова захотела с ним танцевать? — Тео проводит одной рукой по своим взъерошенным волосам, очевидно пытаясь успокоиться. — Между прочим, для меня это тоже тяжело. Я любил Пола. Я всегда думал, знаешь, что нас занесет на один факультет в Кембридже или Калтехе, что мы вместе будем сумасшедшими профессорами, — он улыбается мимолетной грустной улыбкой. — В каком-нибудь измерении, думаю, мы так и сделаем.

— Даже ты это видишь, — говорю я, выкладывая последний слой томатного соуса. — Ты знаешь, что Пол, не плохой человек. У него должна была быть веская причина.

Тео вздыхает, и его лицо говорит о том, что он борется с безнадежным случаем.

— Проведи здесь немного времени, пока мы в безопасности и всё не слишком странно. Обдумай всё. Действительно обдумай. И просто помни, что человек, которым может быть Пол, не так важен, как человек, которым он на самом деле является.

Я знаю, что Тео хочет искренне защитить меня, но я знаю, что он понял, что мы с Полом стали близки в России. Он не знает точно, насколько близки, но его догадки достаточно правдивы, чтобы расстроить его.

Чтобы заставить его ревновать.

Когда глаза Тео встречаются с моими, я вижу, что он знает обо всем, о чем я думаю. Один уголок его рта поднимается вверх, как будто он хочет улыбнуться, но не может.

— Я никогда не говорил, что объективен насчет тебя, Мег.

— Мне нужно, чтобы ты был объективен насчет Пола.

— Один из нас уже объективен насчет Пола, — отвечает Тео. — Думаю, нам нужно узнать, кто. Но это игра с высокими ставками. Поставь на Пола, ошибись — и мы оба можем поплатиться жизнями.

Глава 20

Дверь кухни распахивается, и мы с Тео видим Джози, одетую в футболку Колорадо Айланд и с её плеч, свисает рюкзак.

Она озорно улыбается.

— Я чему-нибудь помешала?

У нас была серьезная беседа об убийстве в другом измерении, вот и всё, но это неудачное объяснение для моей старшей сестры. Кроме того, прямо сейчас, я просто слишком рада видеть её.

— Привет, — я подхожу к Джози и обнимаю её настолько крепко, насколько позволяет рюкзак. — Добро пожаловать домой.

— Спасибо, — Джози треплет мои волосы, зная, что я это ненавижу. Обычно после этого я бурчу на неё, но сейчас мне даже нравится, что она так себя ведёт.

В последний раз, когда я видела Джози, она истерически рыдала в маминых объятиях. Сейчас она в своём обычном амплуа пляжной девочки, дополненным шлепками и обгоревшим на солнце носом. Изучая её лицо, я заново узнаю её черты, так похожие на отцовские: голубые глаза, квадратная челюсть, каштановый цвет волос. Я больше похожа на маму, как и Владимир и Пётр...

Это заставляет меня задуматься. Только теперь я вспоминаю, что я в мире, где моих братьев и сестры никогда не было.

— У тебя всё хорошо? — Джози странно на меня смотрит. Я слышу, как сзади нас Тео ставит лазанью в духовку.

— Ага. Всё хорошо. Просто я... — Я помахала пальцами, и это должно было означать, что я немного не в себе.

Но выражение лица Джози становится жестче, и я понимаю, что она думает, будто я говорю о Поле и шраме от его предательства, оставшемся в семье. Поэтому она на Новый Год приехала домой, вместо того, чтобы праздновать с друзьями. Она пытается помочь родителям перенести это.

— Мама и папа в большой комнате? -

спрашивает Джози, бросает рюкзак около двери, как она делала это с четвертого класса. Она уходит, чтобы повидать родителей, а я прислоняюсь к холодильнику в бессилии.

Когда Тео вопросительно смотрит на меня, я делаю движение в сторону большой комнаты.

— Иди, поболтай с ними. Мне нужна минутка.

Он не выглядит на сто процентов удовлетворённым ответом, но кивает, давая мне пространство.

После ухода Тео я стою и смотрю в окно кухни. Дома у нас за окном висит ловец солнца, маленькая оранжево-желтая бабочка. Здесь ловец в форме сине-голубой птицы. Моё сердце начинает ныть и на этот раз для него нет лекарства.

Я вижу иронию. Во время этого путешествия я страстно желала снова быть с моей семьей. Сейчас я более или менее с ними, но у меня есть другая семья, по которой я скучаю.

Катя и маленький Пётр — я больше не видела их после царского поезда. Пётр, должно быть, в совершенном ужасе. Его будут мучить кошмары по ночам, я бы поставила в своей комнате кушетку для него, чтобы он был поблизости, и я могла бы разбудить его. А Катя? Вероятно, она уже спорит с Царём, чтобы он разрешил женщинам вступать в армию. И Владимир будет торопить Царя обдумать конституционные реформы, чтобы никакой другой претендент на трон не смог поднять восстание...

«Я должна быть там», — думаю я, прежде, чем вспоминаю, что, конечно я там и есть. Маргарет из того измерения вернулась к своей жизни. Мы достаточно похожи, чтобы понимать, что она заботится о Петре, что присоединится к Владимиру, чтобы убедить своевольного Царя Александра.

А ещё она оплакивает потерю Пола Маркова, её Пола, умершего и ушедшего навеки.

«Помнит ли она свои последние недели с ним? Знает ли она, что провела ночь с Полом, ночь, когда рухнули все запреты? Если нет, тогда... Я украла это у неё. Нечто священное, что должно было стать её собственностью, стало навеки моим...»

Я уже сказала Тео, что не считала Пола злодеем.

Теперь я понимаю, что злодеем могу быть я.

— Итак, я думала об этике путешествий между измерениями, — говорю я за ужином.

Мама и папа переглядываются, а Тео смотрит на меня взглядом, говорящим: «Ты сошла с ума?» и я притворяюсь, что не вижу его.

— Мы много раз говорили об этом, — отвечает мама, накладывая себе лазанью. — Прости, дорогая, но я не думала, что тебе интересно.

Должна признать, что это скорее правда. Если бы я всё время обращала внимание на их разговоры о высшей физике, я бы сошла с ума. Кроме того, когда вся эта теория пригодилась бы в моей настоящей жизни?

Теперь, конечно же, я знала ответ на этот вопрос.

— Когда вы говорили об этом раньше, ну знаете, это было «а что, если». Абстрактно, не конкретно, — надеюсь, я говорю непринужденно, просто достаточно заинтересованно, чтобы поддержать беседу. — Сейчас всё изменилось.

— Да, действительно, — тяжело говорит папа, и я понимаю, что он думает о Поле.

Мы собрались вокруг радужного стола, временно освобожденного от бумаг, чтобы поместилась лазанья, салат, чесночный хлеб, вино и керамический кувшин, наполненный водой со льдом. (Нобелевская награда лежит на полу рядом со стопками книг, всеми забытая). Вся сцена такая, как должна быть, уютная и немного растрепанная и точно наша. Мамины волосы заколоты в небрежный пучок двумя карандашами. На папе, очки в квадратной черепаховой оправе. Джози пахнет кокосовым маслом. Тео поставил локти на стол. Я пинаю ножку стола, привычка, от которой родители отчаялись избавить меня ещё в средней школе. Джози даже принесла упаковку блестящих колпаков, как она это делает каждый год, хотя мы не надеваем их почти до полуночи.

И всё же, за столом стоит пустой стул, где должен быть Пол, и его нет. Самое мощное присутствие в комнате — это его отсутствие.

— Мы думали, что это будет возможность увидеть несколько маленьких слоев Мультивселенной другими глазами... и потом мы вернемся домой, чтобы поделиться знаниями, — его взгляд темнеет. — Но очевидно, для некоторых людей одного знания недостаточно.

— Ну, София, — Тео одаривает её своей самой очаровательной улыбкой, которая довольно чертовски обворожительна. — Только не говори, что ты тоже становишься параноиком.

Мама качает головой, один кудрявый локон выскакивает на свободу и прыгает вокруг её лица.

— Я не отрицаю того, что сделал Пол. Он сломал вену в нас всех. Но это не значит, что он ошибся в Триаде.

— Погодите, Триада все равно давит на вас? — сказала Джози с полным ртом салата. — Я думала, что вы сказали им засунуть это...

Папа вздыхает.

— Мы пытались. Оказывается, достаточно трудно сказать международной корпорации засунуть что-либо куда-либо. В частности, особенно когда они перестали финансировать твои исследования.

— Что именно Триада должна засунуть?

Тео поднимает руку в жесте «я об этом позабочусь»:

— В некоторых исследованиях Триада пыталась расширить границы того, что мы можем сделать. Теоретически это на пользу! Не то, чтобы мы хотели, чтобы они узнали больше о возможностях путешествий между измерениями. Но Конли хочет не только передавать энергию между измерениями. Он хочет передавать материю.

Я качаю головой, отрицая. Это я могу понять.

— Сознание — это энергия, которая может путешествовать легче. Но материя — это очень сложно, так? Это и так чудо, что с помощью Жар-птицы можно путешествовать.

— Это верно, — говорит мама, переключаясь в режим профессора. — Однако, Жар-птица доказывает, что передача материи между измерениями возможна.

— И само по себе это неплохо, -

вмешивается Тео. — Я имею в виду, как прекрасно было бы, если бы мы смогли принести какую-нибудь удивительную технологию из измерения, немного более продвинутого чем наше? Привезти, проанализировать, придумать как повторить?

Я вспоминаю Лондон, голографические экраны, кольца-смартфоны и всё остальное.

— Пока речь идет только об этом, у меня нет возражений, — папа выглядит обеспокоенным. Я решаю налить ему еще немного вина, в обычной ситуации он никогда бы не выпил больше бокала в Новогодний вечер, но сегодня он, возможно в этом нуждается. — Но Конли продвигает более агрессивный план. Это меньше похоже на то, что он хочет изучать другие измерения, больше похоже на то, что он хочет шпионить за ними.

— Ты можешь себе это представить? — говорит Мама. — Он хочет найти способы позволить путешественникам полностью управлять телами других своих воплощений. На длительные периоды времени, постоянно. Это не то, чего мы хотели. Мы никогда не хотели никому навредить, и то, о чём говорит Конли, выходит далеко за эти границы. Жар-птица должна будет использоваться, для того, чтобы... Красть людей у самих себя.

Папа качает головой, как будто он внезапно замёрз.

— Ты можешь разговаривать со своим лучшим другом, и не иметь представления, что его заменил шпион из другого измерения. Это ужасает.

Мы с Тео переглядываемся и сидим очень, очень тихо.

Мама делает глубокий вдох.

— В любом случае, Пол зашёл слишком далеко. Слишком поздно пытаться остановить Триаду и развитие технологии. Слишком поздно, — говорит она с очередным сожалением. — Их отбросили назад всего на несколько месяцев. У него бы гораздо лучше получилось, если бы он поговорил с нами, мы бы смогли убедить Конли, что риски превосходят преимущества.

— Именно, — говорит Тео. — Изменения исходят изнутри, так?

— Поэтому мы позволили тебе принять предложение Триады о практике, но мы не должны были этого делать, — говорит папа. — Они

перегрузили тебя в последние несколько месяцев, мы даже не были уверены сможешь ли ты прийти к нам сегодня. Ты ведь знаешь, что ты опасно задержался с диссертацией, правда?

Тео стонет:

— Пожалуйста, можем мы не упоминать диссертацию в праздники? Это как будто ты говоришь: «Чёрт побери» три раза перед зеркалом в полночь.

Папа поднимает Руки вверх, как бы говоря, я сдаюсь. Я помню, как он делал тот же самый жест, когда я спорила о том, что должна рисовать в своей комнате, потому что все пятна будут только моей проблемой. От этого воспоминания я улыбаюсь и хочу заплакать одновременно.

— В любом случае, я не возражаю быть в Триаде, — продолжает Тео. — Это дало мне возможность защищать вашу работу. И, вы знаете, я понимаю, что он не хочет возвращения своих инвестиций. Мы просто должны заставить его понять пределы, этические и технические. Потому что, серьёзно, наши возможности в плане путешествий между измерениями не безграничны.

— Будем надеяться. Можем мы теперь поговорить о чём-нибудь другом? Я признаюсь, что пока не могу думать о Поле без... — Папин голос обрывается, и я знаю, что он хочет сказать что-нибудь вроде без злобы, но это не так. Он зол, он разочарован.

Мама тихо говорит:

— Я испекла ему пирог на день Рождения.

— Не надо так себя мучить, — Тео берёт мамину руку и крепко пожимает, жест такой же любящий, как и мои жесты к ней. — Хорошо, София?

Она грустно кивает.

Потом папа выпрямляется на стуле.

— Маргарет, мы отвлеклись, но не настолько.

«О чём он говорит?» Потом я понимаю, что после того, как я налила вина всем за столом, я налила себе. Мы пили вино в Зимнем Дворце, и я честно забыла, что здесь в моём возрасте это не позволялось.

— Извините, — бормочу я.

— Пей, — говорит мама. — Сегодня Новогодняя ночь. — Она поднимает бровь. — Только не делай из этого привычку.

— Это всё из-за меня, я уверен. — ухмыляется Тео. — Все знают, что я плохо влияю на

людей.

Джози бросает ему выразительный взгляд.

— Лучше тебе не слишком плохо на неё влиять, — она говорит о том, что, по её мнению, она видела в кухне, что снова приводит к вопросу о том, что я чувствую или не чувствую к Тео, помимо всего остального произошедшего.

Я делаю глоток вина. Это не помогает.

После ужина папа моет посуду. Когда он начинает напевать «In My Life», поначалу, это самая прекрасная песня, которую я слышала. Потом я вспоминаю, что это последний раз, когда я слышу, как он напевает своих любимых Beatles, и мне приходится прикусить губу, чтобы сдержать слёзы.

Или я могу остаться здесь, в этом измерении. Навсегда.

Это соблазнительно. Папа жив. Наша семья вместе. Что бы ни случилось с Полом, мы сможем найти причину этого, всё исправить.

Но дома мама оплакивает папу, волнуется за Пола, и до смерти испугана за меня и Тео. Я должна вернуться к ней. Это измерение может и выглядеть как дом, но это не дом и никогда им не будет.

Я остаюсь за дверью кухни, слушая, до тех пор, пока папа не заканчивает. Потом я выскальзываю на террасу, чтобы несколько минут побыть одной, чтобы успокоиться, прежде, чем мы будем смотреть празднования на Таймс Сквер по телевизору.

Эта та же самая терраса, тот же самый странный двор, которого недостаточно даже для того, чтобы поставить раскладной стул. Даже электрические гирлянды те же самые, пластиковые рыбки Джози светятся на перилах. Высокие деревья, обрамляющие двор, скрывают от нас соседние дома, даже несмотря на то, что мы в самом центре Беркли Хиллз, можно представить, что мы одни. Когда я была маленькой, то воображала, что деревья — это каменные стены вокруг нашего замка. Хотела бы я, чтобы это было правдой.

Раздвижная дверь позади меня открывается. Я не поворачиваю головы и так же сижу на ступеньках.

Тео оборачивает мамин яблочно-зелёный кардиган вокруг моих плеч, потом садится рядом со мной.

— Итак, мы снова здесь.

Я смеюсь вопреки своей воле.

— Здесь началось это сумасшедшее путешествие.

— Ты, наверное, хотела бы, чтобы я никогда не рассказывал тебе о Жар-птице.

— Нет, я рада, что ты рассказал, — я думаю о том, что видела, о всех качествах, которые я открыла в людях, которых люблю. Особенно в Поле — всегда, всегда Пол.

Где он сейчас? Если бы он был здесь, может быть, я бы поняла, люблю ли я его так же, живут ли мои чувства. Всё, что я знаю — это то, что хочу, чтобы он был здесь, со мной, так сильно, что мне почти больно.

— У тебя опять это отстраненное выражение лица, — Тео ставит локти себе на колени, наклоняясь, чтобы изучить моё лицо. — Как ты справляешься?

— Я буду думать об этом весь следующий год и все равно, не узнаю.

— Тебе тяжело быть рядом с отцом? Я постоянно хочу его обнять. По меньшей мере, ты можешь это сделать и Генри не подумает, что ты под кайфом.

Услышать такое от Тео, не шутка.

Но Тео держит себя в руках, по меньшей мере, насколько я вижу. Вероятно, я не должна

спрашивать, что с ним случилось в Париже. Держу пари, это включало в себя абсент.

— Слушай, — говорит он. — Очевидно, что ты хочешь переложить вину с Пола на Триаду, так?

— Даже ты признал, что Триада зашла слишком далеко, — говорю я. — Кто знает, что они ещё собираются сделать?

— Ватт Конли, вот кто знает, — Тео проводит рукой по волосам. — Почему бы не спросить его?

Я пялюсь на него.

— Просто войти в один из самых известных техногигантов в мире, во всех мирах, и спросить его, что он делает?

— Это слишком буквально. В этом измерении мы работали с Тριάдой гораздо плотнее. Помни, я стажировался у них несколько месяцев. Это значит, что у меня есть доступ в их штаб-квартире, мега-крутой и современной, поэтому мы сначала осмотрим её, зайдя прямо через парадную дверь.

Из кармана своей рубашки он вытаскивает ламинированный пропуск, на котором изображён треугольный логотип Триады.

— Мы сможем зайти в здание, — шепчу я, начиная улыбаться. — У тебя есть доступ к компьютерам.

Тео поднимает руку в предупреждении.

— Мой уровень доступа не позволяет всё знать и всё видеть. Но он позволяет больше, чем они хотели бы. Кроме того, в Новый Год здание будет пустовать. У нас будет возможность засунуть нос туда, куда не надо.

Теперь мне уже очень интересно узнать, что за человеком может быть Ватт Конли. Потому что я начинаю думать, что он играет большую роль в моей жизни и в смерти моего отца, чем кто-либо подозревал.

Тео добавляет:

— Пока мы здесь, мы возможно сумеем выследить Пола из этого измерения. Сейчас он в бегах, и мы никогда не сможем найти его сами. Но Триада? Эти парни разработали программное обеспечение, которое использует служба безопасности, а от него не так просто укрыться.

Я запустила руки в волосы и сжала их в кулаки.

— Почему ты так уверен, что это он убил папу?

— А почему ты так внезапно уверилась, что он не убивал? И не говори мне, что он выглядел невинно. Это не доказательство.

— Эти путешествия, и другие измерения, которые мы видели, разве они ничему тебя не научили? Нет, я не хочу его защищать. Я особенно не хочу грубить Тео после того, что он сделал ради меня и папы. Поэтому я поворачиваюсь к нему и пытаюсь найти правильные слова. Каждая Маргарет, которой я была, была особенной, со своими слабостями и сильными качествами. Но они все были мной, Тео. Я не уверена, что в тех Маргаритах есть что-нибудь, чего нет во мне. Я просто не узнала этого о самой себе. Я больше узнала о Поле, — если я снова подумаю о Поле в России, то не смогу этого вынести. Поэтому я заставляю себя сосредоточиться на том, что происходит здесь и сейчас. — Все эти версии Пола и есть Пол. Я знаю его лучше, чем раньше. Он не убийца. Я бы поставила на это свок жизнь.

— Ты и так ставишь на это жизнь. Разве ты не понимаешь? — стонет Тео, ковыряя

своим теннисным ботинком по террасе. — Мне не стоило разрешать тебе идти со мной.

— Если кто-то и должен отомстить за отца, то это я. Ты это знаешь.

— Ты думаешь, что я провёл хоть одну секунду в этом путешествии, не терзая себя за то, что подвергаю тебя опасности? Что я не ненавижу себя, за то, что подверг тебя, провел тебя через это? — его глаза ищут мои. — Теперь я слышу, что ты сомневаешься, что ты перестаешь защищаться, и всё, о чем я могу думать, это о том, что Маргарет будет больно. Если ты будешь страдать, это будет по моей вине. И я никогда, никогда не смогу себе этого простить.

Я мотаю головой, отрицая это, но не могу ему ответить. Сырая эмоция, которую я услышала в его голосе, украдала мой собственный голос.

Он ещё ближе передвигается ко мне, и наши лица почти соприкасаются.

— Ты говоришь, что видела разные версии Пола. Ты узнала, кто он на самом деле. Ну, а что ты узнала обо мне, Маргарет?

— Тео...

Его рука обхватывает меня за шею, его прикосновение жесткое и властное, и потом он меня целует.

Я пытаюсь вскрикнуть, и язык Тео скользит мне в рот. Моя кожа вспыхивает, а руки и ноги слабнут. Моё тело знает, что это, даже если не знает разум. Тео обхватывает меня руками и на секунду всё, чего я хочу, это поцеловать его в ответ.

Потом я вспоминаю Пола, и дачу в снегу, и то, как занималась с ним любовью при свете огня. Я помню, что любила Пола больше, чем свою жизнь.

Отвернувшись, я говорю:

— Тео, пожалуйста, не надо.

На секунду он остается неподвижным, потом отпускает меня. Какое-то время мы сидим рядом друг с другом, тяжело дыша, лишённые возможности говорить.

Наконец, Тео говорит:

— Он добрался до тебя.

Я хочу поспорить с ним, но от этого будет только хуже.

Со вздохом, Тео встаёт. Глядя на него снизу вверх, я удивлена, тем, что он пытается улыбаться.

— Давай просто... завтра начнём всё заново. Ладно?

— Ладно. Завтра.

Когда мы проберемся в штаб-квартиру корпорации Триада бок-о-бок. Даже сейчас, и всегда, Тео мой союзник. Вытаскивая ключи из кармана, я говорю:

— Ты даже не останешься до полуночи?

— И на традиционный поцелуй? — Тео выгибает бровь. Он пытается превратить всё в шутку, но это не очень работает. — Сомневаюсь, что мне повезёт больше.

Он заслуживает лучшего. Но «заслуживает» не имеет отношения к любви.

Глава 21

Моя комната. Моя кровать. Но я не могу заснуть.

Я постоянно вынимаю свой iPhone из зарядного устройства, и вглядываюсь в контакт-лист. Пол Марков там, точно так же, как и дома. Я даже назначила ему ту же самую мелодию.

Рахманинов.

На секунду я будто вернулась домой, готовлю бок о бок с Полом, и мы оба притворяемся, что наши руки не касаются друг друга...

Очевидно, я в смятенных чувствах относительно Пола и в этом измерении тоже.

Я нашла его изрезанный портрет в кладовке внизу, он оторван от рамы и висит лоскутами.

Математика или судьба, какая бы сила не сводила нас вместе мир за миром, она очень мощная. Но я всё ещё не знаю, означает ли она моё спасение или мою гибель.

Около двух часов ночи я поддаюсь искушению и отправляю сообщение Полу. Я пишу, а потом удаляю дюжины сообщений, потом останавливаюсь на простом: «Нам надо поговорить».

Хоть я лежу без сна ещё несколько часов, ответа нет. Я засыпаю с мыслью о его мертвом теле на моих руках.

— У тебя всё хорошо? -

спрашивает меня Тео в десятый раз за получасовую поездку.

— Да, всё хорошо. Просто... сегодня было трудное утро.

Это утро было таким же, как и расчётное количество других в моей жизни, папа, печёт черничные вафли, надев свой зелёный колпак из фольги, оставшийся с прошлого вечера. Джози болтала о сумасшедше сложных снах, которые ей постоянно снились, мама была одета в форму для йоги, в то время как остальные были в том же, в чём спали, потому что даже на Новый год, она проснулась на заре и встречала солнце. Но на этот раз я одновременно проживала это и наблюдала с точки зрения того, кто знает, что значит терять подобные моменты. До этого я никогда не понимала, насколько прекрасной может быть обыденность.

— Могу себе представить, — он смотрит на меня, и его взгляд нежен только на мгновение, и потом его внимание снова приковано к дороге. Мы едем по меньшей мере с превышением на 20 миль в час, Тео направляет свою машину через каждый просвет в потоке, чтобы добраться до Триады как можно быстрее. — Держись, Мег.

Я тереблю цепочку от Жар-птицы, свисающую у меня под майкой. Мы были очень осторожны в этом измерении, и держали Жар-птицы под одеждой, через которую не видно очертаний кулона. В этом мире мои родители узнали бы их за секунду и поняли бы, что происходит.

Мой телефон лежит в кармане рубашки, установлен вибровывозов, поэтому я вряд ли смогу пропустить звонок или сообщение. И всё же, я вынимаю его и снова проверяю. Ничего.

Когда машина переезжает через вершину холма, мы уже достаточно далеко в пригороде, и мы окружены деревьями со всех сторон. Я вижу блестящие серебристые изгибы, поднимающиеся высоко над горизонтом. Когда я понимаю, что это такое у меня отваливается челюсть. Тео смеется.

— Впечатляет, да?

Дома, суперсовременная штаб-квартира Триады всё же больше в теории, чем на практике, на фасадах зданий натянуты полотна с рисунками. Здесь, строения завершены, и они сияют как какой-то фантастический мираж, нереальный и одновременно настолько мощный, что он доминирует в ландшафте. Зеркальный куб -

главное здание — окружён сияющей кольце подобной структурой, это самый большой в

мире и самый эффективный генератор, работающий на солнечной энергии. Здание корпорации Триада следует тем же правилам, что и оформление их продуктов, слияние красоты и силы.

У Тео есть отметка на номерном знаке, которая позволяет нам спокойно проехать через охрану на границе территории. Каждая травинка на газоне подстрижена до одинаковой длины, как на поле для гольфа. Ряды кустов олеандра обрамляют ровный, прямой проезд до парковки.

— Пошли, — говорит Тео. Он улыбается, как будто всё это ерунда. Вероятно, он рад возможности даже осмотреть это место. — Давай возьмём гостевой пропуск для тебя.

Я иду с ним в ногу, но не могу ничего с собой поделаться и пялюсь на вопиюще огромный размер зданий, на пути ко входу. Солнце так ярко сияет на стекле, что на него тяжело долго смотреть.

Если Пол прав, если планы Триады простираются за пределы худших опасений моих родителей, то я иду прямо в логово льва.

Стеклянные двери раздвигаются, и мы входим в фойе, даже более ослепительное, чем экстерьер здания. Пока Тео флиртует с девушкой-охранником, чтобы поскорее получить для меня пропуск, я поддаюсь искушению всё рассмотреть. Это место было бы грандиозным в любом случае, но кажется невозможным, что мы здесь одни, и наши шаги эхом раздаются в тишине. Потолок фойе в высоту сравнится с десятиэтажным зданием, на нем ряды экранов, демонстрирующих продукты Триады, уже вышедшие и будущие. Хотя бы один из экранов всегда светится изумрудно-зеленым и показывает белую надпись: «Везде, Всегда, Для Всех» — корпоративный девиз.

Меня кто-то тянет за подол кардигана, я оборачиваюсь и вижу, что Тео прикрепил мой пропуск прямо там, у меня на ягодице. Он подмигивает мне:

— Расслабься. Помни — не важно, как впечатляюще это выглядит, твои родители, это самое большое событие для них.

«Едва ли». Это дом, который построил Ватт Конли, и все об этом знают. И всё же, улыбка Тео помогает мне унять бабочек в животе. С ним я чувствую себя защищеннее.

Он протягивает мне руку. Это обычный жест, или он хочет, чтобы так казалось, но я догадываюсь, что он волнуется. Воспоминание о вчерашнем поцелуе возникает у меня в голове, как напоминание обо всём, что я чувствую к Тео, и о том, чего не чувствую. Мы не можем взглянуть друг другу в глаза.

Но я беру его руку.

Конечно, в здании эти ужасные стеклянные лифты. Мы входим и Тео говорит:

— Лаборатория одиннадцать.

— Конечно, мистер Бек, — отвечает лифт. Ладно этот компьютер возможно слишком умный. Он плавно поднимает нас по фойе, экраны ярко сияют вокруг нас.

— Мы будем почти одни, — говорит Тео. Его большой палец скользит по костяшкам моей руки. — Джордан на охране говорит, что сегодня вошло только пять человек.

Не успел он это сказать, как лифт плавно останавливается на этаже, который, как я догадываюсь из того, что Тео хмурится, не пункт нашего назначения. Дверь открывается и внутрь входит Ватт Конли.

Ватт Конли. Собственной персоной. Да, он основатель и директор Триады, а это значит, что он очевидно должен иногда заходить в штаб-квартиру, но наткнуться на него в лифте... это как если пойти на экскурсию в Universal Studios, и тебя приветствует Леонардо

ДиКаприо.

Вот только для меня это совсем не то же самое, потому что я начинаю верить, что этот человек виновен в смерти моего отца.

— Тео, — Конли говорит это имя так просто, что можно подумать, будто у него не несколько тысяч сотрудников, и это совершенно не странно, что он знает всех по имени. — Ты здесь поработать или похвастаться перед подружкой? Я бы не винил тебя, если бы это было второе.

— Это не... я имею в виду, это Маргарет Кейн, — рука Тео, держащая мою, немного напрягается. — Дочь Доктора Коваленко и профессора Кейн.

Улыбка Конли становится шире:

— Ну, ну, ну. Я познакомился с Вами как раз вовремя.

Формально, мы уже познакомились в Лондоне, когда я забежала на сцену во время его презентации, если это можно считать знакомством. Но это была версия Вагта Конли из другой вселенной. Этот одевается примерно так же: беззаботное богатство, кажущаяся повседневность, больше похож на подростка, чем на миллионера. Он кажется... не способным на убийство. Что бы это ни значило. Я имею в виду, что Конли определённо кажется самодовольным, но что ещё можно ожидать от 30-ти летнего интернет магната?

— Рада познакомиться с Вами, — лгу я, надеюсь, что Конли поверит в то, что мне неловко только от того что т-а-а-а-ак прекрасно встретить кого-то знаменитого.

Очевидно, Тео думает, что мне неловко, потому что он быстро говорит:

— Я подумал, что Маргарет может зайти и осмотреться.

— Конечно, — улыбка Конли такая непринуждённая, такая естественная, что, несмотря ни на что, я могла бы поверить в его искренность, по крайней мере сейчас. — Я вижу, что она очень похожа на доктора Коваленко. Ваши родители — замечательные люди, Маргарет. Вы должны гордиться ими.

— Да, я горжусь. — и мне не нужно, чтобы ты мне об этом напоминал.

Лифт скользит и останавливается на десятом этаже. Тео ведёт меня наружу, но Конли идёт с нами, либо он тоже шёл в этом направлении, либо у него слишком много свободного времени. Даже несмотря на то, что Тео тоже должен был волноваться, он ведёт себя, словно совершенно нормально, что Конли составляет нам компанию. Мы заходим в длинный коридор со стеклянной стеной, выходящей в лобби под нами, так что яркие цвета экранов сияют сквозь неё. Конли улыбается и говорит:

— Дочь двух гениев, кто знает, чего можно ожидать от тебя в один прекрасный день?

— Это не я гений в семье, — говорю я сухо. — Правда.

— Маргарет себя недооценивает, — улыбается Тео рядом со мной, его выражение лица мягче чем обычно. Иногда я забываю о том, насколько он может быть добрым несмотря на напускную пренебрежительность. — Она не ученый, но она потрясающе талантлива. Она художница, работает в нескольких направлениях.

Конли кивает.

— Это так. Портреты, не правда ли? Может быть, мне стоит как-нибудь заказать у вас портрет.

Два месяца назад это предложение показалось бы мне потрясающей идеей. Писать портрет Вагта Конли? Это бы за одну ночь превратило меня в портретиста, которого узнавала бы вся нация. Сейчас у меня были другие приоритеты.

Но опять же, я всегда верила, что портрет показывает правду. У себя в голове я словно

слышу: «Ты всегда, всегда, всегда должна рисовать только правду». Если бы Конли сидел передо мной в течение нескольких часов, и я бы написала то, чтобы действительно увидела, может быть, я бы узнала точно, что он за человек.

— Это было бы прекрасно, — я улыбаюсь, говоря это, широко и по-девичьи. «Он же этого ждёт от меня, так?»

Конли посмеивается:

— Мне нравится, когда молодая женщина видит хорошее предложение, когда получает его. Итак, Тео, ты подготовил финальные испытания Меркурия?

— Конечно, — говорит Тео, с успехом притворяясь, что он знает, что это такое. Или, может быть, он прочитал об этом в компьютере другого Тео и собирается блефовать, используя кучу технического жаргона.

В эту секунду мой телефон жужжит в кармане рубашки. Я отхожу от них с обычным извиняющимся видом, что тут можно сделать? Они продолжают разговаривать, а я вынимаю свой телефон, отчаянно надеюсь на новости от Пола, но знаю, что это вероятно Ангела хочет рассказать мне о своём новогоднем свидании, или мама просит купить молока по дороге домой.

Это Пол.

Его сообщение прямо говорит: «Не ходи туда».

Я быстро отвечаю: «Не ходить куда?»

«В лабораторию 11. Тебе нужно убираться оттуда сейчас же.»

У меня по коже пробегает холодок, когда я понимаю, что Пол наблюдает за нами, даже сейчас, в эту самую минуту.

Я оглядываюсь, наполовину ожидая увидеть его за углом, хотя это не может быть правдой. Потом я замечаю маленькие зеркальные полусферы на потолке, находящиеся на равном расстоянии друг от друга, и не несущие никаких очевидных функций. Они едва ли являются частью футуристичного оформления, некоторые из них, должно быть, скрывают камеры.

Пол не работал здесь бок о бок с Тео большую часть нескольких последних месяцев. Он не только стёр данные моих родителей, он ещё взломал систему безопасности Триады, которая должна быть одной из лучших в мире.

Телефон снова жужжит у меня в ладони. «Вы наткнулись на Конли не случайно. Тео в безопасности, а ты нет».

Бросив взгляд на Конли и Тео, я догадываюсь, что Тео ничего не подозревает. Он улыбается, и Конли кивает, слушая его идеи. Пока, как я вижу, всё идёт так, как должно быть.

Я смотрю на дверь в нескольких футах от меня, на которой красуется надпись: «ЛАБОРАТОРИЯ 11».

«Ты должна убираться оттуда сейчас же».

Я пишу: «Как ещё я получу ответы? " Очевидно, не от Пола. «Как ещё я узнаю, что нужно Конли?»

Тео смотрит в мою сторону, он более расслаблен, чем был, когда мы вошли. Он явно думает, что всё идёт как надо.

— Готова?

Потом мой телефон ещё раз вибрирует. Я наклоняю голову и вижу следующее сообщение от Пола:

«Конли нужна ТЫ.»

— Маргарет? — Теперь Тео выглядит заинтересованным. — У тебя всё хорошо?

Я не знаю, что сказать, я даже не знаю, что думать.

Всё сводится к одному: «Доверяю я Полу или нет?»

Как только я думаю об этом подобным образом, я знаю, что не войду в эту дверь.

— Да, я, хм, ах... — думай быстро, думай быстро! Это моя подруга Анжела. Извините. Я одолжила у неё браслет, и она хочет его обратно, чтобы надеть на свидание сегодня вечером.

У Конли выражение лица становится таким, как будто он посмотрел картинку с маленькими щеночками, «ах это так мило». Я жалела, что не могла дать ему пощечину.

— Как бы я хотел снова быть восемнадцатилетним.

— Проблема в том, что я его надела сегодня утром, но сейчас его на мне нет, — я поднимаю запястье, надеясь, что Тео не заметил, был там браслет утром или нет. Другой рукой я бросаю телефон обратно в карман юбки. — Я уверена, что он был на мне в машине. Можно я... Я хочу сбегать вниз и посмотреть в фойе, и может быть в машине? Извините, но, если я потеряла браслет, о Боже, Анжела меня убьёт.

Ладно, я слишком грубо притворялась тринадцатилетней глупой девчонкой в конце, но сейчас мне нужно, чтобы Конли думал обо мне именно так. Мне нужно, чтобы он был одним из тех придурков, которые думают, что мой мозг не может содержать ничего, кроме сплетен и палитры цветов лака для ногтей. Если он поверит в это, то он позволит мне уйти с уверенностью, что я вернусь.

Конли и Тео переглядываются, Тео говорит:

— Женщины. Что с ними поделать? — Он ответит за эти слова позже, но может быть, он понял, что мне нужно уйти. Он вынимает ключи от машины из кармана и кидает их мне. — Не задерживайся, хорошо? Еда, в здании есть Starbucks, который доставляет кофе в лаборатории. Они сегодня открыты, я думаю. Хочешь латте?

— Отличная идея, — я улыбаюсь ему, но улыбка не может быть очень убедительной. Я надеюсь, что выгляжу взволнованный только потому, что потеряла браслет.

Повернувшись к ним спиной, я мучительно долго ожидаю лифт. Каждую секунду я ожидаю, что Конли позовёт меня обратно или я почувствую его руку у себя на плече. Однако, когда слышится звон и двери открываются, я вхожу в лифт без всяких неприятностей.

Как только лифт начинает спуск, я хватаю телефон и вижу, что Пол снова прислал сообщение. «Хорошая работа. Теперь выбирайся из здания. Отправляйся в безопасное место.»

Я пишу: «Скажи мне, где ты. Я не приму «нет» в качестве ответа.»

Ответы — это то что мне нужно, и я больше не буду ждать. Но мой телефон молчит, пока я скольжу вниз, и экраны отбрасывают зелёный отсвет на меня и показывают сообщение: «Везде. Всегда. Для всех.»

Поэтому я отправляю ещё одно сообщение. «Скажи мне, или, я клянусь, я вернусь обратно.»

Я действительно так сделаю. Потому что, если Пол не готов сказать мне правду даже сейчас, может быть моя вера в него была не оправдана. Может быть я была права, когда хотела, чтобы он умер.

Мой телефон жужжит. «Сан-Франциско, Тендерлойн. Встретимся в Юнион Сквер Парк.»

Лифт доставляет меня в лобби и вежливо говорит: «Хорошего дня, мисс Кейн». Эта штука жуткая.

На случай, если Конли смотрит сверху я притворяюсь, что ищу в фойе браслет, потом извиняюсь перед охранником, возвращаю свой пропуск и направляюсь наружу. Потом я бегу к машине Тео так быстро, что мои шлепанцы почти слетают у меня с ног.

Когда я открываю дверку, Пол присылает сообщение: «Ты знаешь, что тебе нужно украсть машину.»

— Позаимствовать, — говорю я вслух, зная, что он меня не слышит. — Я одалживаю машину у Тео. Он поймет. Когда-нибудь.

Я запикиваю ключ в зажигание и поспешно пишу: «Что ты имеешь в виду, говоря, что я нужна Конли?»

Ответ приходит даже раньше, чем я включаю заднюю передачу. «Это всё из-за тебя, Маргарет.

Это тебя Конли хотел всё это время.»

Глава 22

Тео давно хотел научить меня водить машину с ручной коробкой передач, но у него никогда не было на это времени. Поэтому, во всём виноват он.

Сцепление скрипело, или мотор скрипел, я не знаю, что было источником этого звука, но знаю, что его быть не должно. Добравшись до железнодорожной станции, я прячу машину Тео в гараж и прыгаю в поезд, который довезёт меня до города.

Однако, сидя в поезде, таком обыкновенном и выкрашенным в бледно-голубой, в отличие от голографических вагонов в Лондоне, я чувствую, что моё сердце бьётся так сильно, что почти барабанит о мой кулон.

Я бегу прямо к парню, который, кажется, предал всех, кого я люблю, к человеку, в которого никто кроме меня не верит.

Когда-то Тендерлоин был отдаленной частью города, как мама и папа мне рассказывали. Но сейчас Юнион-сквер Парк окружает Сакс пятая авеню, Мейси Нордсторм. Большинство людей завернуты в пальто, а для меня, после нескольких недель в Петербурге, погода совсем не холодная. Все кажутся весёлым и занятыми, особенно толпы на катке, который всегда заливают в праздники. На секунду хихикающие и скользкие фигуры на льду создают ощущение, что я снова в Санкт-Петербурге и я вижу одного неподвижного безмолвного человека в глубине.

Пол стоит у подножия статуи Победы, одетый в своё хорошее зимнее пальто, то самое, которое мама ему подарила. Должно быть, он увидел меня первым, потому что он не вздрогнул. Вместо этого он расправляет плечи, как будто готовится к сражению.

Пол. Моё сердце одновременно наполняется радостью, болью и страхом. Радостью от того, что снова вижу его живым. Болью, потому что он не тот Пол, который умер в России, потому что одно его присутствие напоминает мне о Поле, которого я любила, о Поле, который любил меня и который ушёл навеки.

Страхом, потому что я всё ещё не знаю, что происходит. Я не знаю спасает ли меня Пол или подвергает ещё большей опасности, чем сейчас.

Я не могу заставить себя двигаться вперёд. Как-будто меня привязали к месту. Но Пол уже идёт ко мне, преодолевая расстояние между нами. Каждый шаг, сделанный им, позволяет лучше его рассмотреть, и я обнаруживаю, что замечаю каждую черту сходства с

Полом в России, и каждую, которой они отличаются.

Он говорит первым:

— Спасибо, что пришла. За то, что доверяешь мне.

Я всё ещё не могу поверить, что снова вижу его живым.

— Как... Как ты выбрался из России?

— Азаренко вернул Жар-птицу мне перед битвой. Я прыгнул вскоре после того, как началось сражение.

Пол выглядит взволнованным, и я понимаю, что он хочет спросить о своём другом воплощении. Выжил ли он. Я не могу заставить себя говорить о лейтенанте Маркове. Я сломаюсь, я не могу себе это позволить сейчас.

— Что происходит?

— Я снял комнату в хостеле неподалеку. Тео в прошлом году достал мне фальшивые документы, поэтому я использовал их в отелях, которые берут наличные. Даже Конли не может выследить меня. Завтра рано утром я на поезде поеду в аэропорт. Я лечу в Квито.

«Это хорошо, но я спрашивала совсем не об этом».

Он добавляет:

— Квито — это в Эквадоре.

— Я знаю, где находится Квито! — обрываю я его, что формально правда, потому что он мне только что сказал. — Я имела в виду, что происходит? С тобой и Конли и всем остальным. Не говори мне, что надо вернуться домой и быть хорошей девочкой. Если ты снова это сделаешь, я клянусь...

— Я не сделаю этого снова, — но Пол говорит это так, словно это не обещание, а больше... признание своего поражения. — Тебе нужно было отправляться домой, когда я тебе об этом говорил, а сейчас уже слишком поздно.

— То есть, ты собираешься объяснить? Наконец-то?

— Да, — Пол поднимает глаза в небо, как будто боится, что за нами наблюдают. Но опять же, у Триады есть спутники. Конли мог бы наблюдать за нами из космоса, если бы захотел.

Я думаю, что паранойя Пола заразила и меня.

— Пойдём, — говорит Пол. — Давай вернёмся обратно в хостел.

Мы идём туда вместе, бок-о-бок, не говоря ни слова. Лейтенант Марков в России мог бы предложить мне руку, если бы он знал, что никто не смотрит, он бы держал меня за руку. Пол так не делает.

Большая часть моих знаний о хостелах походит от Джози, которая путешествовала с рюкзаком по Европе одним летом, по Австралии и юго-восточной Азии. По её словам, они созданы для людей, которые приветствуют все неудобства походов, а не хотят тишины и покоя. Но они всё равно ей нравятся, потому что можно встретиться с людьми со всего мира. Конечно, фойе заполнено группой шведских студентов, которые пытаются понять, когда лучше всего посетить Аляску. Пол платит дополнительные 10 долларов за второго гостя, представляя меня как свою девушку, так неловко, что я думаю, не считает ли меня администратор проституткой. Но, она заселяет меня по фальшивым документам.

— В хостелах бывают отдельные комнаты? — говорю я, когда Пол закрывает за нами дверь.

— Иногда. Я выбрал такой, потому что знал, что мне нужно уединение для работы.

Комната выглядит как раскуроченный суперкомпьютер. Он соединил несколько

ноутбуков и устройств, мне незнакомых. На экранах бегут строки светящегося кода. Хотя комната затемнена, почти лишена естественного света, Пол не включает лампу, может быть, для того, чтобы избежать взгляда в экраны, мерцающие все новыми строками данных.

— Что ты делаешь?

— Залезаю в сервисы Триады.

— Я думала, ты уже это сделал, — в подтверждение моих слов, планшет, прикрепленный к стене, показывает сменяющиеся сцены с различных камер внутри штаб-квартиры Триады.

— Некоторые данные лучше защищены. Если я смогу их взломать прежде, чем покину страну, отлично. Если нет, мне придется построить несколько предположений.

— О чём?

Пол не отвечает мне прямо, просто снимает пальто. Жар-птица поблескивает на его черном свитере.

— Ты хотела ответов. Давай начнём.

Я сажусь на ту сторону кровати, которая не завалена компьютерами. Пол сидит, скрестив ноги на полу, между нами нет даже фута, в комнате нет места для нас двоих. Мой телефон жужжит в кармане юбки, и я понимаю, что он это делал практически постоянно. Когда я беру его, то вижу несколько дюжин сообщений от Тео в разных степенях паники. «Где, что ты, это не, Пол, Моя машина, Почему, Мег, у тебя всё хорошо?»

Сморщившись, я перевожу телефон в режим «не беспокоить».

— Тео убьёт меня, — говорю я, думая больше о том, что может делать Тео в эту минуту. — Конли не причинит ему вреда, да? — когда я сбегала из Триады, я даже не подумала о том, что могу подвергнуть Тео риску.

— Вероятно, нет, — говорит он.

— Вероятно?

— Вероятность больше пятидесяти процентов, — кажется, Пол считает, что это успокоило меня больше, чем на самом деле. — Сегодня он в безопасности. Я не видел ничего неожиданного на камерах после твоего ухода. Тео в замешательстве, а Конли зол.

Я помню, как Конли изображал, что случайно наткнулся на нас, но пошёл с нами как будто директору огромной корпорации больше нечего делать на Новый Год. Он пытался вести себя обычно, следуя за нами в лабораторию 11, где он сделал бы... что?

— Для Тео, Ватт Конли — идол, — говорит Пол. — Он начал понимать, что Триада не так хороша, как кажется, но он отказывается понимать, насколько.

— Что ты имеешь в виду, отказывается?

Пол качает головой:

— Тео амбициозен, но в лучшем смысле этого слова. Он верит, что наша работа найдёт применение в мире, и он хочет, чтобы все получили пользу от нашего изобретения. Работа с большими компаниями и убеждение таких людей, как Конли, лучше нас финансировать могут привести к этой цели, но я так не могу. Я пытаюсь и это смехотворно. Как собака, которая ходит на задних лапах.

— Это ты рассказал о мамином и папином изобретении Триаде?

— Вкратце, я стоял рядом, когда это делал Тео, — говорит Пол. — Он общается с ними, и сотни и тысячи долларов на разработку сыпятся на нас дождём. Но Тео не просто использует Конли и Триаду, он ослеплён ими. Он верит в Конли, потому что хочет верить.

Хотя мне хочется защищать Тео, я достаточно хорошо его знаю, чтобы видеть правду в

словах Пола.

Пол продолжает:

— Тео никогда бы не привёл тебя никуда рядом с Тριάдой, если бы понимал, каков настоящий план Конли. Он простирается шире, чем простое шпионство, это ограничение свободы, и, возможно, это похищения между измерениями, и Конли только начинает.

— И какой частью этого являюсь я? Потому что это не имеет никакого смысла. Или это только то, что ты не сказал, чтобы вытащить меня из Тριάды?

С лестницы доносится смех, громкие голоса говорят по-португальски или по-итальянски, на каком-то языке, который я почти узнаю. Мы оба ждём, когда звук шагов удалится от нас, как будто любое подслушанное слово может быть опасным.

Наконец, тишина. Пол встречается со мной взглядом.

— Это не просто что-то, что я сказал. Это правда.

— Всё равно не имеет смысла. Какое я к этому всему имею отношение? Мама и папа — гении, которые изобрели технологию. Ты и Тео следом за ними. Я только сидела за радужным столом и задавала глупые вопросы.

— Прекрати называть себя глупой. Это не так, — Пол глубоко вдыхает. — У тебя есть свой ум. Своя значимость. Но Конли от тебя хочет не этого.

— Конли меня даже не знает.

— Нет. Но он знает нас — твоих родителей, Тео и меня. Ему нужно манипулировать нами. И есть только один способ. Разве ты не видишь, Маргарет? Ты — единственный человек, которого любят все четверо из нас.

Я чувствую, как мои щеки загорелись.

— Поэтому... поэтому Конли это было нужно?

Черты лица Пола кажутся резче при свете мигающих строк кода, его сильная линия подбородка, испытующий взгляд.

— Ты уже побывала в трёх измерениях, ты что-нибудь заметила? О твоей реакции на путешествия, именно твоей?

— Я всё помню лучше, чем вы, — говорю я. — Мне не понадобилось ни одного напоминания.

— Именно. Мне и Тео нужны напоминания, чтобы помнить, кто мы. Тебе — нет. В любом измерении, в которое ты можешь войти, ты будешь всё время полностью контролировать свое тело. Ты понимаешь, как это ценно?

Я помню, о чём мама и папа говорили прошлым вечером, и их опасения внезапно приняли форму и окружили меня стеной.

Пол склоняет голову, словно изучая меня.

— В этом измерении я узнал, или этот Пол узнал, что Конли уже отправляет шпионов в другие измерения. Они нашли способ стабилизировать своих шпионов на более длительные периоды, чем после напоминаний, на день или два за один раз, но их методы всё равно несовершенны. Любой, кто путешествует между измерениями, остается уязвимым. Любой, кроме тебя.

— Должны быть другие, — протестую я. — Если я могу это сделать, то и другие люди тоже.

— Нет. В нашем измерении только ты.

— Ты не можешь этого знать! Подумай об этом! — может быть Пол действительно параноик. Я опираюсь руками в кровать, пытаюсь контролировать раздражение и

спрашиваю. — Какова вероятность того, что один-единственный человек, который может так путешествовать — дочь людей, которые изобрели технологию?

Пол качает головой.

— Это не случайно. Это приобретенное. Конли сделал с тобой это.

— Сделал?

— Происшествие. В тот день тестами на перегрузку. Ты же помнишь, правда?

Мои воспоминания даже ярче, чем произошедшее событие. Странное устройство, выданное нам Тριάдой, то, как оба Пол и Тео сходили из-за этого с ума, чувство, что я была в серьезной опасности... То, как Пол держал меня в объятиях, как будто думал, что почти потерял меня....

Должно быть, он видит понимание на моём лице, потому что кивает.

— Можно создать такой эффект всего один раз в одном измерении. Можно использовать его только для того, чтобы изменить всего лишь одного человека. Конли всё подстроил так, чтобы устройство изменило тебя.

— Джози там тоже была.

— Она была бы запасным вариантом. Альтернативной целью Конли является другой человек, с помощью которого можно манипулировать твоими родителями. Но я думаю, что он всё время хотел, чтобы это была ты.

— Почему я? — но я не забыла то, о чём раньше говорил Пол, о том, что только меня любят все из них. — Он хочет использовать меня против тебя, так?

Пол кивает.

Судьба и математика. Я могу найти столько разных версий моих родителей, людей, которые изобретут путешествия между измерениями, которых Конли сможет контролировать вселенная за вселенной, если захочет прибрать к рукам технологию. Даже если я хочу думать, что Конли никогда не заставит меня работать на него, я знаю, что он может. Всё, что ему нужно — это угрожать кому-нибудь, кого я люблю.

Я спрашиваю:

— Какой Конли это делает? Тот, что из нашего измерения или этот?

— Я думаю, этот Конли уже давно посещал наше измерение. Вероятно, несколько месяцев. Я бы сказал, что он использует нашу версию, но теперь я думаю, что они, возможно работают вместе, — улыбка Пола тонкая и невеселая. — Заговор двоих.

Мама и папа говорили мне, что шпионство уже началось в этом измерении, но я не понимала, что Триада шпионит за нами. Я содрогаюсь, и Пол выглядит так, словно ему больно, как будто он ненавидит сам себя за то, что напугал меня. Он так долго пытался сохранить это в секрете чтобы я не боялась.

И наконец, наконец, я понимаю.

— Поэтому ты уничтожил данные, — шепчу я. — Поэтому ты украл Жар-птицу. Ты знал, что чем быстрее у нас появится технология, тем быстрее Конли придет за мной.

Пол кивает.

— Когда я понял, что он сделал с тобой, я знал, что скоро они будут тебя тестировать. Я подумал, если я возьму нашу единственную хорошую Жар-птицу, и лишу их возможности сделать следующую, то это отложит испытание на месяцы. Это время можно использовать, чтобы войти в это измерение и больше разузнать об их планах, может быть, научиться чему-то, что бы мы могли использовать.

— А почему мы вообще попали в другие измерения?

Он выглядит почти побеждённым, его широкие плечи опущены, и он наклоняется вперёд. Его голова рядом с моим коленом.

— Это были... Повороты не туда. Измерения, математически подобные этому. Вселенная по соседству. Сначала я подумал, что Лондон может быть правильным местом, я пошёл, чтобы там встретиться с Конли, но потом ты появилась и он тебя не узнал... Что же касается России, я бы сразу же ушёл, если бы Азаренко не забрал мою Жар-птицу.

— Потом ты добрался сюда, и это тот мир, который ты искал.

Пол выглядит очень усталым.

— Я думал, что у меня будет возможность саботировать их изнутри. Но этот Пол уже понял, что происходит и сам начал бороться с Триадой. Я думаю, он хотел защитить все версии тебя.

Это именно то, что Пол пытался сделать, когда всё это началось. Он пытался не дать им узнать, что они превратили меня в своего идеального шпиона. Вместо этого, я начала преследовать его, потому что я была злой, эгоистичной, и оглушенной, и подтвердила то самое, что он пытался спрятать.

— Я всё испортила, когда начала гоняться за тобой, правда?

— Тео сохранил остальных Жар-птиц. — Руки Пола сжимаются в кулаки, потом расслабляются, как будто он всё ещё пытается заставить себя принять, что его план не сработал. — Я должен был догадаться, что он не упустит их. Когда я впервые увидел вас двоих в Лондоне, я начал подозревать, но тогда я понял, что он пытается позаботиться о тебе, не имея представления о том, какие будут последствия. Я не имел представления о Генри.

Сейчас я всё это понимала, кроме того, что произошло с папой, здесь не нужно было гадать. Вероятно, он начал понимать, что собирается сделать Конли. Он знал слишком много, и Конли убил его. Папа был мёртв меньше месяца, и несколько часов назад Конли вошёл в лифт и улыбался мне. От этой мысли меня затошнило.

— Почему ты не рассказал нам? — спрашиваю я.

— Я не хотел ничего говорить преждевременно, потому что я хотел, чтобы все вели себя обычно. Таким образом, Конли ничего бы не подозревал. Но я отправил зашифрованную записку Софии, она должна была быть доставлена через 48 часов после того, как я ушёл.

И если бы мы с Тео подождали ещё один день, мы бы всё поняли.

— Тебя могли убить. И всё ещё могут.

— Я намереваюсь выжить, если это возможно, - говорит Пол очень серьезно.

— Но ты рисковал всем.

Он отводит взгляд, потом, очевидным усилием заставляет себя посмотреть прямо мне в лицо и говорит:

— Ты была в опасности, я должен был защитить тебя, если бы мог, — его взгляд ищет мой, — риски не имеют значения. Значение имеешь только ты.

Никто из нас не может говорить. Мы сидим вдвоём в тусклом свете, отрезанные от остального мира.

Потом звонит мой телефон.

Мы оба испуганы, и Пол посмеивается, пытаюсь скрыть неловкость момента. Но мою кожу покалывает от страха, когда я вспоминаю — я поставила на телефоне режим «Не беспокоить». Никто не должен мне звонить.

Я вынимаю телефон из кармана. Звонок с «неизвестного номера».

Как и примерно семьдесят пять процентов американцев, я использую телефон от Триады. Я говорю:

— Может Конли взломать iPhone?

Пол мрачнеет, когда понимает, что происходит.

— Теоретически.

— Я думаю, это не просто теория, — телефон продолжает звонить, уже должна включиться голосовая почта, но он может обойти и это. — Я не могу ответить. Если я отвечу, он узнает, где я.

— Сотовые вышки уже знают твоё местонахождение, — Пол бросает взгляд на дверь, как будто полиция может ворваться в любой момент. Может быть, так и будет. — Ответь.

Мне звонит убийца моего отца. Чего он хочет?

Но я уже знаю. Он хочет меня.

Глава 23

Я провожу пальцем по экрану и говорю:

— Здравствуйте, Мистер Конли.

— Маргарет, — говорит он так же радостно, как и в штаб-квартире Триады. Его голос даже моложе чем лицо, как у одного из аспирантов моих родителей, который пришёл потусить у радужного стола. На моём телефоне снижена громкость, и мы с Полом наклоняемся ещё ближе, чтобы расслышать его за гудением компьютеров. — Какое облегчение наконец-то Вас слышать. Я полагаю, Вы нашли браслет своей подруги?

Это приводит меня в ярость. Если бы Конли был здесь, я бы врезала кулаком в его веснушчатое лицо.

— Ой, пожалуйста. Вы думаете, что имеете право упрекать меня в том, что я была нечестна? Это не я здесь самая большая лгунья. Поэтому оставьте ваше дерьмо при себе и скажите, что собирались.

Пол ошарашенно на меня смотрит. Я думаю, он впечатлён.

— Тогда переходим к главному, — говорит Конли так же легко, как и до этого. — Вы талантливая юная леди. Я думаю, что нам нужно обсудить, как наилучшим образом использовать ваши таланты.

— Я не ваш путешественник. Я не ваш шпион. Это всё.

— Я вижу, Вы разговаривали с мистером Марковым. Он сейчас с Вами? — Я не отвечаю, но, вероятно, это означает, да. Пол ничего не говорит, только суживает глаза. Конли продолжает: — Если бы всё было просто. Вы стали очень важным человеком в очень важном месте. Это значит, что использование Ваших талантов, это одна из главных задач корпорации Триада.

— Ваши задачи меня не интересуют, — отрезаю я.

— Я награждаю людей, которые помогают мне достичь моих целей, Маргарет. Я могу наградить Вас гораздо более щедро, чем Вы можете себе представить.

— Деньги не компенсируют того, что Вы сделали, — у меня сжимается горло, когда я думаю об отце, лежащем мёртвом в реке, в другой вселенной.

— Они могут возместить многое.

Пол медленно встает. Я понимаю, что он готовится съезжать. Конечно, если Конли уже

определил наше местонахождение, он может в любую секунду отправить сюда людей. Я тоже поднимаюсь на ноги, отодвигаясь с дороги, так что Пол может начинать отключать компьютеры и запихивать их в чемодан.

Для того, чтобы заглушить звуки его деятельности, я снова начинаю говорить:

— Мы уже перешли к той части, где вы начинаете угрожать тем, кого я люблю?

— Вы имеете в виду мистера Бека? Он сейчас в совершенном порядке. Немного раздражён, что вы украли его машину. Он вернулся в свой кабинет, ожидает машину компании, которая отвезёт его домой. В конце концов.

От неявной угрозы в адрес Тео меня бросает в холодный пот. Пол застывает за работой, он так же испуган за Тео, как и я. Но он очень быстро продолжает паковать. Время уже истекает.

Конли продолжает:

— Нам нужно встретиться, Маргарет. Есть некоторые испытания, которые мне нужно провести, чтобы определить границы ваших возможностей. Ничего болезненного, я обещаю.

— Ваши обещания ничего не стоят, — говорю я.

— Вы меня недооцениваете. Люди нечасто это делают, — он, кажется, явно развлекается. — Просто встретьтесь со мной. Выберите нейтральную территорию. Пол может прийти с Вами, если Вас это успокоит. Позвольте мне узнать, что Вы можете предложить, и мы заключим сделку.

«Почему он никак не поймёт?»

— У вас нет ничего, что я хочу!

Голос Конли становится очень тихим.

— Есть. У меня есть кое-что, чего Вы очень сильно хотите.

И что-то в его словах заставляет меня ему поверить.

«Говорит ли он о Тео?» Я бросаю взгляд на Пола, который смотрит на меня огромными глазами. Он знает, на что намекает Конли, и чем бы это ни было, это важно. Действительно.

— Ворота дракона в Чайнатауне, — говорю я. Это первое, что приходит на ум. — Ждите меня через час. Вы должны прийти сами, и Вы должны прийти один. Поняли? Один час с этой минуты, — на этом я вешаю трубку и выключаю телефон. Даже хакеры Конли не смогут ничего поделаться со старой доброй кнопкой выключения питания.

Пол смотрит на меня:

— Ты не можешь встречаться с Конли.

— Это точно. Но я выиграла нам час. Пока он в Чайнатауне, мы сможем добраться до аэропорта.

— У тебя хорошо получается, — лицо Пола расплывается в улыбке. — Быть в бегах.

— У меня в последнее время было много практики.

Мы с Полом сидим рядом в электричке, его огромный чемодан стоит между нами, как третий человек. До аэропорта примерно полчаса, и мы можем ещё поговорить.

Хотя можно столько всего спросить, столько всего сказать, я не могу найти слова.

Наконец я задаю самый простой вопрос, который могу только придумать:

— Почему Эквадор?

— Этот план придумал другой Пол, не я. Я думаю, это потому, что у Эквадора нет договора о выдаче с Соединёнными Штатами.

Конечно. Одно дело уничтожить данные моих родителей, но, когда Пол атаковал Триаду, он совершил преступление, которое ему не простят. Полу из этого измерения тоже

нужно сбежать, поэтому наш Пол видит его насквозь.

— Ты всегда оставляешь открытой заднюю дверь, да?

— Прежде, чем вступать в неприятности, стоит задуматься о том, как ты выберешься, — он теперь смотрит на меня, серые глаза потемнели от напряжения. — Тебе тоже нужно выбраться из этого, Маргарет.

— Ух. Ты предлагаешь мне сбежать в Эквадор?

— Ты не едешь со мной, — говорит он без выражения. Даже несмотря на то, что у меня нет намерений бежать в Южную Америку, его прямое несогласие меня ранит. Пол молчит, потом добавляет: — Я имел в виду, тебе нужно отправиться домой.

— Мы оба сейчас отправимся домой. Так? — Я полагаю, что Пол доставит эту версию в Аэропорт, потом прыгнет.

Но Пол медлит с ответом на секунду дольше, чем необходимо.

— Куда ты теперь собираешься?

— Я пока не могу тебе этого сказать.

Я хочу его задушить.

— Разве то, что ты от меня всё скрываешь, привело к чему-нибудь хорошему в этом путешествии? Почему ты не можешь мне доверять?

Он закрывает глаза, как будто от меня у него болит голова.

— Дело не в том, что я тебе не доверяю.

— Тогда в чём? Я пыталась верить тебе, даже когда все остальные говорили мне, что не надо этого делать...

— Ты думала, что я убил Генри, — говорит Пол в ответ. Что ж, это хороший аргумент.

— Это не считается. Конли подставил тебя. Это выглядело, как будто ты испортил папины тормоза.

Пол пожимает плечами. Он думает, что я должна была знать, что это не так, и может быть он прав.

Я тихо говорю:

— Мне очень жаль.

— Нет. Не извиняйся. Я понимаю, что ты была не в себе. И Конли может быть очень убедительным, когда хочет, — но тело Пола остается напряженным. Если он не зол, тогда почему...?

Ох.

— В России... — я не знаю, что сказать, с чего начать. — Ты и я... я не знаю, помнишь ли ты что-нибудь...

— Я помню, что мы занимались сексом.

Я хочу отвернуться, но стесняться сейчас просто смехотворно.

Кажется, Пол понимает, что он опять был слишком прям.

— И я ещё помню, что меня ранили. Он выжил?

— Нет. Ты, он, умер у меня на руках.

Голова Пола опускается, как будто он чувствует потерю также глубоко, как и я. Может быть, так и есть.

— Мне жаль.

В моих глазах закипают слезы, но я пытаюсь справиться с ними.

Он тихо добавляет:

— Я знаю, что ты любила его. Не меня.

— Может быть. Я не знаю, — шепчу я.

Он делает глубокий вдох, почти с изумлением. Я понимаю, что может быть, это больше, чем то, о чём осмеливался мечтать Пол. Всё, что он сделал, всё что отдал и чем рисковал из-за меня Пол делал без малейшей мысли о том, что его будут любить в ответ.

— Маргарет...

— Я не знаю, где заканчивается он, и начинаешься ты.

Поезд сбрасывает скорость и останавливается на следующей станции, и очевидно половина населения этого района сегодня направляется в аэропорт. Когда дюжины людей наполняют вагон, таща за собой сумки, мы с Полом замолкаем, не в силах смотреть друг другу в глаза.

Я думаю о звонке с музыкой Рахманинова на моём телефоне. Кто мы с Полом друг для друга в этом измерении? Должно быть, мы примерно те же, если эта песня напоминает мне о нём. Если он захотел отказаться от всего в одночасье, сломать свою собственную жизнь, пытаюсь защитить работу моих родителей и защитить меня...

Поезд снова плавно начинает двигаться, и все начинают говорить и слушать музыку. Шум вокруг нас снова даёт нам уединение. Наконец, Пол говорит:

— Что насчёт тебя и Тео? Я думал, он был тем, кто... Я думал, он был тем самым.

Тео мне безразличен. Я не могу отрицать этого, не могу легко отодвинуть это в сторону. Но что бы я ни чувствовала к нему, это не то же самое, что я чувствую к Полу.

— Нет. Не Тео.

Я полюбила одного Пола. Я влюбилась в его неизменную душу. Значит ли это, что я полюбила каждого Пола, везде?

Пол спешит заполнить тишину, словно слова, спотыкающиеся друг о друга, как будто он так долго сдерживал их, что не может продержаться больше ни секунды.

— Я знаю, что я не, что я никогда не был... — Он смотрит на свои широкие руки, лежащие на чемодане. — У меня плохо получаются слова. Я никогда не знаю, что сказать, потому что с тобой... Каждый раз, когда мы разговариваем, кажется, что я понимаю тебя неправильно.

— Ты не всегда понимаешь неправильно.

Он слегка качает головой, улыбка на его лице печальна.

— Я не Пол из России. Я не могу говорить так, как он. Хотел бы я так уметь.

— Это не то, что я имею в виду, — всё могло бы быть намного проще, если бы я была уверена, что у меня были чувства только к лейтенанту Маркову. Но с каких пор любовь стала простой? — В тот раз, когда ты смотрел, как я рисую, и сказал мне, что я всегда рисую правду, ты понял это правильно. Действительно правильно.

Улыбка Пола смягчается, как будто он начинает верить.

— Ты сказала, что не знаешь, где заканчивается лейтенант Марков и начинаюсь я.

Я киваю, обхватывая себя руками, и сворачиваюсь на своём сидении.

— Я помню, что был частью его, — его голос тихий и мягкий. Я поднимаю глаза к нему. Кажется, мне одновременно тяжело встретиться с ним взглядом, и я не могу отвести от него глаз. — Я знаю, что нам обоим нравилось то, что ты ищешь красоту в каждом человеке. Каждую секунду. Он хотел бы быть забавным, как ты, уверенным в своих словах, и я тоже это чувствовал. Мы оба мечтали о том, чтобы поцеловать тебя у стены. Никто из нас не думал, что у нас когда-нибудь будет шанс с кем-то таким удивительным, как ты. Мы бы оба отдали всё, чтобы сохранить тебя в безопасности.

В этой секунде у меня перед глазами всё расплылось от слез. Пол, должно быть, видит это у меня в глазах, он сомневается, как будто чувствует себя виноватым в том, что расстроил меня. Но продолжает.

— Я и лейтенант Марков не один и тот же человек, - говорит он. Никто не знает этого лучше, чем я. — Но мы и не абсолютно разные. Мы с ним были одинаковы в одном: в наших чувствах к тебе.

Поезд подъезжает к последней остановке в аэропорту. Все начинают вытаскивать свои вещи, и я вытираю щёки, потом помогаю Полу вывести его чемодан через двери. Вместо того, чтобы следовать за толпой вперёд, он задерживается на тускло освещённой платформе, и я знаю, что это потому, что он хочет попрощаться со мной наедине.

Как только все остальные ушли вперёд, я говорю:

— Пол...

— Я люблю тебя.

От этого я почти вскрикиваю. Не от удивления, теперь я уже знаю это, знаю так точно, как можно быть уверенной в чём-то в мире. Но у меня всё равно такое ощущение, что я плыву через быстрыны, сквозь водопад, и падаю в ревущую бездну.

Он продолжает, как будто боится верить моей реакции.

— Я говорил себе, что неважно, если я никогда не буду с тобой. Для меня было достаточно просто любить тебя. Когда ты была в опасности, мне нужно было спасти тебя. Ты мне ничего за это не должна. Ты не должна говорить... Притворяться...

Я протягиваю руку и прижимаю два пальца к его губам. В своём теперешнем состоянии, я должна прикоснуться к нему. Я должна знать.

Пол резко выдыхает, как человек которого ударили. Он притягивает меня ближе, его огромные руки ласкают моё лицо, как будто я хрупкая и деликатная. Как маленькая голубка. Медленно Пол опускает лицо к моему, проводит носом по моему виску, по щеке, по уголку моего рта. Я вдыхаю запах его кожи и обхватываю пальцами его предплечье, нежно-нежно тяну его вниз.

Конечно, я всегда знала, что Пол — крупный мужчина, гораздо выше меня, и всё же я никогда не понимала, как он может обхватить меня. Как он может окружить меня здесь в темноте и стать целым моим миром.

Он оставляет легкий поцелуй у меня на щеке. Прикосновение такое нежное, даже смущённое, сила эмоций, скрытых за ним, охватывает меня целиком, подчиняет меня лучше, чем любая сила в мире. Я запрокидываю голову и Пол отвечает на приглашение, целуя моё горло, потом находит место у меня на шее, где пульс бьётся сильнее всего. Потом он притягивает меня к своей груди, и я чувствую, что его сердце бьётся так же быстро. Мы оба так испуганы, но никто из нас не хочет отстраняться.

Пол проводит зубами вдоль моего горла. От резкой грани между болью и удовольствием я вскрикиваю за секунду до того, как он заставляет меня замолчать поцелуем.

Наши губы открываются. Я чувствую, как его язык скользит по моему, и мы вдыхаем друг друга. Мир переворачивается с ног на голову. Я хватаюсь за его футболку и мои ладони становятся кулаками. Его большие руки обнимают меня за талию, и всё, о чём я могу думать, это то, что это прекрасно, абсолютно прекрасно прямо как...

Прямо как другой Пол целовал меня в России.

Это должно меня подбодрить. Вместо этого, мысль меня ужасает. Мужчина, которого я любила, умер два дня назад и теперь я в чьих-то чужих объятиях, только я даже не знаю,

считается ли он кем-то другим...

Я отворачиваюсь от Пола, прерывая поцелуй.

— Остановись, — шепчу я. — Пожалуйста, остановись.

Пол сразу же останавливается, хотя его руки всё ещё держат меня.

— Маргарет, что я сделал не так?

— Ничего, — мой голос дрожит. — Я чувствую себя так, как будто предаю кого-то. Это совершенно сумасшедше, но я не... я не могу.

— Хорошо, всё хорошо, — Пол прижимает меня к себе, но не со страстью. Вместо этого он гладит меня по спине, медленно и нежно, успокаивая меня, пока я борюсь со слезами, и думаю о Поле, которого потеряла.

Предаю ли я его? Или я просто дурочка, потому что мужчина, которого я любила, практически воскрес, но я не могу снова его любить?

— Ты не сумасшедшая, — бормочет Пол. — Эта ситуация... Сложно понять, что думать. Что чувствовать.

Я киваю. Он проводит губами по моим волосам, слишком нежно, чтобы назвать это поцелуем, и продолжает гладить меня по спине.

Потом мы слышим звуки рации, а это значит полиция.

Мы одновременно напрягаемся, держась друг за друга, когда офицер неспешно идёт по платформе. Если даже она видела, как мы целуемся, она не подаёт виду. Это просто обычный патруль... Я надеюсь.

— Они не преследуют нас. Зачем им это делать?

— Конли мог заставить Тео заявить, что машина украдена. Он мог даже сказать, что я тебя похитил. Всё, что потребовалось, для того, чтобы вернуть тебя под его контроль. Теперь он уже вероятно понял, что ты не собираешься в Ворота Дракона.

В его словах есть смысл. Мы не можем больше терять времени.

— Этому Полу нужно уходить. Ты должен уходить.

— Правильно. Хорошо, — он медлит ещё секунду. Я понимаю, что он хочет поцеловать меня, а я не могу сказать, хочу ли я. Он этого не делает.

Мы оба приводим себя в порядок, я убираю волосы с лица, Пол расправляет футболку. У него на щеке ярко-розовый след от помады, и я протягиваю руку, чтобы вытереть его большим пальцем. Он смотрит на меня, улыбаясь.

Но его улыбка быстро уходит.

— Отправляйся домой, — говорит он. — Расскажи Софии что происходит и жди меня там.

Я так ошарашена, что почти забыла, что он всё ещё хранит от меня тайны.

— Я скажу маме, что происходит, как только узнаю сама. Скажи мне, куда ты отправляешься.

— Пока нет.

— Но ты нашёл правильное измерение! Ты добыл всю эту информацию о Триаде и Конли! Что ещё осталось сделать?

— Когда я просматривал документы Триады, то нашёл кое-что, что хочу проверить. Давай остановимся на этом.

Я не знала, как возможно перейти от поцелуев к желанию стукнуть его по голове меньше чем за минуту, но это случилось.

— Ты всё ещё хранишь от меня тайны. Всё ещё.

— Маргарет...

— Больше никаких секретов! Я не знаю, что нужно ещё испортить, чтобы ты наконец это понял.

— Пожалуйста, послушай. — Пол берёт меня за руку и наклоняется ко мне, он выглядит, не как человек, который извиняется. Он спокоен и почти раздражающе уверен в себе. — Я знаю, что я совершал ошибки, храня от тебя в тайне столько всего. Но это другое. Если я скажу тебе, что я сейчас думаю, и я ошибусь, это будет ужасно. Нет, даже хуже того. Это будет самая большая боль, которую я могу тебе причинить.

О чём он говорит? Я не могу представить. Насколько глубоко преступления Триады?

Пальцы Пола сжимают мои.

— Я знаю, что тебе пришлось принять многое на веру. Ты никогда не поймёшь, что значит для меня то, что ты снова обрела веру в меня. Что ты всё ещё можешь мне доверять. Но мне нужно, чтобы ты верила в меня ещё немного.

Я даже не могу начать говорить ему о том, как мне надоело ничего не знать. И всё же, несмотря ни на что, я ему верю.

— Ладно. Хорошо. — Верить Полу не значит делать то, что он сказал. — Тебе не нужно объяснять, если это важно, но я пойду с тобой.

Пол переворачивает мою ладонь в своей, и проводит по ней большим пальцем.

— Я бы чувствовал себя гораздо лучше, если бы знал, что ты в безопасности.

«Это не имеет отношения к твоим чувствам», -

хочу я сказать, но я знаю, что он прошёл через то же, что и я за последние несколько недель. Мы оба на грани, поэтому мы нужны друг другу, чтобы сохранять силу, чтобы видеть ясно.

— Ватт Конли преследует меня сквозь измерения, так? Тогда я в наибольшей безопасности с тобой.

— Ты очень упрямая.

— Я думаю, тебе лучше к этому привыкнуть.

Он улыбается вопреки себе. Это выражение совсем не похоже на Пола из России. Оно принадлежит только моему Полу и всё равно, кажется, оно освещает меня изнутри.

— Пойдём, — говорит Пол. Я протягиваю руку к своей Жар-птице, но он меня останавливает.

— Ещё не пора. Я собираюсь войти в аэропорт и взять посадочный талон перед прыжком. Иначе другой Пол может не понять, что происходит.

— Хорошо. Подождать пятнадцать минут?

— Пятнадцать минут, потом следуй за мной.

Думаю, я могла бы с таким же успехом остаться на станции. После того, как я притащила эту версию Маргарет на задворки Сан-Франциско, я должна по меньшей мере облегчить ей возвращение домой. На секунду я думаю о том, чтобы написать сообщение Тео, чтобы рассказать ему, что происходит, но в этом нет необходимости. Его Жар-птица подаст сигнал о том, что мы с Полом прыгнули дальше и он, конечно, последует за нами.

Поэтому мы закончили. Однако, ещё секунду мы с Полом стоим в темноте, оглушённые своим знанием друг о друге и пониманием, что через пять минут мы снова будем через полмира друг от друга.

Пол поправляет свой чемодан, его серые глаза ищут мои.

— Ты в порядке?

— Да, у меня всё настолько в порядке, насколько может быть. Просто... Будь осторожен.

Он кивает. Даже такая мелочь, как то, что я говорю ему быть осторожным, для него как приманка. Повод надеяться. Я хотела бы сказать, что он может надеяться; я хотела бы знать это сама.

Потом Пол поворачивается и уходит от меня, направляясь прямо к пассажирскому входу в аэропорт. Но прямо перед тем, как скрыться из виду, он в последний раз смотрит на меня через плечо.

«Мы найдём друг друга», — говорю я себе, когда он исчезает. Мы всегда находим. Я беру Жар-птицу в руку, считая секунды, прежде чем смогу последовать за ним.

Глава 24

На этот раз, попадая в новую версию себя, я просыпаюсь. Я чувствую себя так, словно только что легла в постель. Я неловко поднимаюсь на локти, чтобы осмотреться. Хотя это спальня гораздо меньше той, что была у меня дома, она определённо моя. На ближайшей стене висят картины, на прикроватном столике яркий шарф, который выглядит как вещь, которую я могла бы носить.

Должно быть, стоит глухая ночь, если судить по темноте в моей комнате. Это заставляет меня задуматься о том, где я. Если Жар-птица позволяет мне путешествовать по измерениям, то оно не позволяет прыгать через время. Поскольку я вышла из дома в Калифорнии после обеда, я должна быть с другой стороны Земли, в каком-то месте, где еще очень рано, или очень поздно.

На стене три более чем знакомых портрета: мама, папа и Джози смотрят со своих холстов. Если мы вместе, это измерение вероятно нормальное.

Однако портреты здесь другие: у мамы волосы короче, волосы Джози завязаны в хвост. Папа кажется более живым, менее отвлеченным. И моя техника не совсем та же самая: я накладываю слои краски сложнее, больше похоже на то, как работают импрессионисты. Это отличается одновременно от моего обычного фотореалистичного стиля, и нежных, детализированных рисунков Великой Княжны Маргариты. Я провожу пальцем по картине с изображением Джози, чувствуя выпуклые грани и изгибы засохшей краски.

На моём прикроватном столике начинает звонить будильник, играя ту же самую поп-мелодию, что и дома. Выключив его, я хмурюсь на время: 7:00 утра. Даже зимой я бы ожидала свет за окном в этот час. Потом я вспоминаю Россию, и то, что в Петербурге было только несколько часов дневного света днём в декабре. Здесь мы тоже живем на далеком севере?

Я скидываю ноги с постели и подхожу к тёмным, странно изогнутым окнам, надеясь получить представление о своём окружении. Посмотрев наружу, сперва я ничего не вижу...
... и потом стайка тропических рыб проплывает мимо.

Снаружи темно, потому что мы под водой.

Что же, это ново.

Мой дом оказывается океанографической станцией Салацией, расположенной в центре Кораллового Моря. Салация, это одна из наиболее сложных станций своего типа в мире, поэтому человек, возглавляющий её — выдающийся океанографист доктор Генри Кейн.

Быстрый поиск в интернете открывает, что в этом измерении, Мировой океан поднялся гораздо быстрее и выше чем дома, это больше похоже на сценарий глобального потепления

через 100 лет. Случилось ли это из-за большей степени загрязнения? Или из-за какого-нибудь другого феномена? Верьте или нет, политики всё ещё спорят об этом на планете, с континентами, которые имеют совершенно другую форму в отличие от тех, которые я помню. Пока люди ломают копья по поводу причин, человечеству пришлось найти новый способ выживания. Большинство людей продолжают жить на суше, иногда в новых городах, которые не существуют в моём измерении, иногда в полуакватических новых версиях. Нью-Йорк выглядит сейчас больше похожим на Венецию. Но увеличивается количество людей, селящихся в воде, на огромных кораблях, которые функционируют как города или научные станции, наподобие этой.

Здесь океанография — самый важный предмет для научного изучения. Что происходит с жизнью на глубине: уровень железа, кислорода и загрязнения в водах, поведение приливов и отливов, волн — эта информация нужна людям, чтобы создать новое общество, которому придется быть хотя бы частично акватическим. Поэтому папа не оставил океанографию, чтобы посвятить себя маминим исследованиям, здесь мама тоже занялась ей, и они встретились на научном судне. (По крайней мере, основываясь на записях о них в Википедии, мои родители здесь не так знамениты, как дома, но все равно в интернете можно найти их биографии). Мы на Салации уже пять лет. Для меня это дом.

Но на океанографической станции никто не проводит время зря, даже дети. Все живущие здесь должны тяжело работать, чтобы станция функционировала, как я понимаю, когда на моем компьютере возникает «Список заданий на день».

Поэтому я залезаю на одну из технических труб перед завтраком, чтобы вручную проверить датчики (что бы это ни значило). Я поднимаюсь сквозь воду, которая меняется от почти черной до прозрачной голубой, а потом выхожу на дневной свет. От вида океана, простирающегося до горизонта во всех направлениях, у меня перехватывает дыхание. Отблески света на волнах ежесекундно меняются и переливаются, и это ослепляет меня.

Видит ли другая Маргарет как это удивительно, несмотря на то, что это всё окружает её каждый день? Я улыбаюсь, понимая, что она должна, если у нас есть хоть что-то общее.

В джинсах и футболке я иду по платформе, на металл нанесен рельеф, чтобы создать сцепление на случай, если он влажный, то есть всегда. Всё пахнет морем и солнечным светом. Морской бриз ловит мои кудри, и я сразу же понимаю, почему мама и Джози носят здесь другие прически. Быстро завязываю волосы в небрежный хвост, я слышу крик с другого конца платформы:

— Ты долго!

Я смотрю туда и вижу Джози, которая соскребает водоросли с чего-то у самой кромки воды. Она, должно быть, здесь уже давно, но в любой вселенной я знаю, как справиться с тем, что она меня дразнит. Я улыбаюсь и показываю ей средний палец, потом начинаю карабкаться по металлической лестнице к датчикам ветра.

Я не очень люблю высоту, у меня нет фобии, но, когда Пол говорит о скалолазании, я не могу поверить, что кто-то делает это для развлечения. Поэтому, подходя к лестнице, я напоминаю себе, что для этой Маргарет забраться на сорок футов в высоту — пустяки.

«У тебя ботинки со стальными пластинками и таким глубоким протектором, что можно практически вгрызаться в ступени лестницы!»

— напоминаю я себе, пытаюсь сохранять хорошее расположение духа, взбираясь всё выше и выше. «У тебя есть страховка, и ты на 85 процентов уверена, что правильно её пристегнула! Не о чем волноваться!»

По крайней мере вид морского пейзажа становится лучше с каждым шагом. Надводная поверхность Салации похожа на переросший лабиринт для хомячка: огромные металлические трубы, соединенные разнообразными платформами. И всё же, для этой Маргарет это дом.

Осматривая датчики по очереди, мне приходится сосредоточиться на инструкциях, которые я прочитала у себя в комнате. В общем, я проверяю их, чтобы убедиться, что всё выглядит нормально, и... я думаю, так и есть?

Даже этого недостаточно, чтобы заставить замолкнуть страх глубоко внутри, слова, непрестанно повторяющиеся:

«Триаде нужна я».

Несмотря на то, что семьи ужинают в своих отсеках, завтрак и обед очевидно подают в кафетерии. Этот кафетерий совершенно не похож ни на один из тех, что я видела. Он под водой, но находится очень близко к поверхности, с огромными выгнутыми окнами, через которые виден мерцающий свет, проникающий сквозь голубую воду. Люди здороваются с друзьями и собираются вокруг различных круглых столов, семьи сидят вместе, включая маленьких детей и даже нескольких стариков. Несмотря на то, что это рабочая научная станция, она очевидно предназначена и для обычных людей тоже, наполовину лаборатория, наполовину маленький город.

Когда входит папа, люди не замирают во внимании и не делают ничего формального, они замечают начальника, но продолжают улыбаться. Он останавливается около каждого стола, чтобы узнать, как у всех дела. Странно видеть его управляющим, но меня не удивляет, что у него отлично получается. Я наблюдаю за ним с другого конца комнаты с подносом в руках. Я научилась справляться со странным, острым чувством тоски по отцу, когда его в какой-то степени нет.

— Доброе утро, Маргарет, — мама целует меня в щеку и садится. — У тебя всё хорошо? Я понимаю, что уже несколько минут стою с подносом.

— Ох, да. Конечно.

Пока мы рассаживаемся, к нам присоединяется Джози и спрашивает маму:

— Какие новости из бюро погоды?

— Сегодня вечером поднимется ветер, но самый сильный шторм будет не раньше завтрашнего обеда, — мама делает глоток чая, не замечая огромного ската, плывущего над головой.

— Вероятно, можно ожидать сбоев связи.

Джози кривит лицо.

— Хорошо, что я уже скачала соревнование серферов.

«Почему мы не направляемся обратно к берегу, если приближается опасный шторм?»

Но я вспоминаю, что я прочитала о Салации у себя в комнате, в частности, о том, где мы. Ближайшая Земля — это Новая Зеландия и Папуа Новая Гвинея и до них несколько часов лёту. Поэтому нам придется пережить шторм здесь. «Салация построена так, что она должна выдерживать такие нагрузки», — думаю я, я надеюсь. Но, основываясь на том, что сказала мама, мы можем провести часы, а то и дни без связи.

«Погодите. У меня так мало времени, чтобы связаться с остальным миром?»

— Знаете, я не голодна, — говорю я, несмотря на то, что запихиваю в рот несколько кусков тоста. — Я пойду обратно в нашу каюту, ладно?

Мама смотрит на меня выразительным взглядом, который означает что явно что-то

происходит, таким взглядом,

«я это знаю, и ты знаешь, что я знаю, но я пока ничего не скажу».

— Поторопись. Не забывай, что у тебя сегодня большой экзамен.

Большой экзамен? Черт. Очевидно, выходные не относятся к учёбе в научной станции. Но сейчас это наименьшее из моих беспокойств.

Бросив последний взгляд на папу, я выхожу из кафетерия и направляюсь обратно в жилые помещения станции. Я уверена, что помню, где мы живём. Даже несмотря на то, что здесь руководит мой отец, наши комнаты, кажется, точно такие же как у всех остальных: маленькие спальни, одна комната соединяет в себе кухню и столовую достаточно большую для того, чтобы быть уютной, но ни на квадратный дюйм больше. Честно, если не учитывать того факта, что мы под водой, наш дом выглядит совершенно обычно. В холодильнике банки Колы, а шлепки Джози стоят рядом с входной дверью, как всегда.

Я беру планшет, чтобы начать поиски, потом останавливаюсь, уставившись на него. На логотипе написано КонТех... Так называлась компания Ватта Конли в измерении Лондона. И, очевидно, в этом измерении она называется также. Насколько обширно это влияние?

Конечно, оно не достигает Кораллового моря. Точка напряжения в груди немного спадает, когда я понимаю, что Конли не сможет легко меня здесь достать.

Может быть поэтому Пол выбрал это измерение? Потому что это безопасно от Конли? Здесь ученые направили всю свою энергию на адаптацию жизни человека в воде. Это значит, что мама не изобрела Жар-птицу, поэтому у Конли не будет повода приехать сюда самому.

Но этот ответ кажется не совсем правильным.

Цели Пола остаются раздражающе неизвестными. Чтобы ни привело его сюда, в это измерение, очевидно слишком серьезно, чтобы говорить об этом.

Я решила доверять Полу, но это сложно делать, не имея ответов.

Пока что Wi-Fi на станции работает безукоризненно. Я печатаю в строке поиска «Пол Марков, физик»... потом стираю и заменяю на «Пол Марков, океанографист». Это самый лучший и наукоёмкий предмет для изучения в мире.

Оказывается, что Пол уехал работать над своей докторской диссертацией на судно, снимающее глубоководные характеристики в Тихом океане, хотя где точно, я не могу найти. Он может быть или в нескольких часах лету, или на другом конце планеты. Я проверяю его статус, но он, должно быть, не у компьютера. Поэтому я нажимаю на экран, чтобы оставить видео сообщение.

— Привет, Пол. Это я. Я имею в виду, это действительно я, — я продеваю большой палец в цепочку Жар-птицы, чтобы он увидел её. — Я в безопасности, и я со своей семьей, поэтому тебе не нужно волноваться из-за меня. Похоже, у тебя тоже всё в порядке. Но у меня может не быть доступа в Интернет какое-то время. Когда получишь это, позвони, хорошо?

Я надеюсь, что Пол это увидит после того, как сработает напоминание. В обратном случае, он ничего не поймет.

Тео, по всей видимости, учится в Австралии, в приморском городе под названием Нью-Перт, и это в двух сотнях миль от острова, на котором раньше был Перт. Я проверяю и его статус, и даже несмотря на то, что там, должно быть, солнце еще не встало, он отвечает почти мгновенно. Его лицо обретает форму на экране, волосы встрепаны, отросшая щетина, и он сразу же говорит:

— Ты украла мою машину.

— И тебе тоже привет, — я не могу удержаться от улыбки.

— Из-за чего это всё случилось? Я рассказываю Конли какая ты прекрасная, а через секунду ты уже выкатываешься с парковки, — Тео выглядит злым, и я знаю, что он злится не из-за машины. — Скажи мне, что ты не встречалась с Полом.

— Я встречалась с Полом.

— Иисусе.

— Ты ошибался в нем, Тео. Он наконец объяснил, что происходит с Конли и... — я не могу заставить себя сказать «со мной». Сказать вслух, что я — истинная цель Конли, значит признать это. — Это сложно. Было бы лучше, если бы я могла рассказать тебе лично. Как думаешь, ты сможешь приехать сюда? Это не так далеко.

— Это тысячи миль, Мег. Тебе надо подучить географию, — Тео откидывается назад, стукнувшись головой о стену. На его помятой футболке снова The Gears, The Beatles, видимо, не добрались и до этого измерения. — Но да. Я могу туда добраться. Похоже, что научные станции и океанографические институты довольно тесно работают в этом измерении. Если я скажу, что мне для исследования нужно попасть туда, меня возьмут на борт. Теперь мне нужно только найти транспорт.

Если кто-то и может проверить такое, то это определенно Тео.

— Фантастика.

— Пол с тобой? — коротко говорит Тео.

— Нет. Он на исследовательском судне, — на этот раз я знаю больше, чем Тео, и догадываюсь, что ему это не нравится. И все же, я не могу винить его в нетерпеливости. Даже несмотря на то, что я согласилась сохранить веру в Пола ещё немного, я более чем готова понять происходящее.

Тео говорит более мягко:

— Если он позвонит или появится, слушай, я знаю, что тебе кажется, будто Пол невиновен, может быть ты сможешь предпринять меры предосторожности, пока я не приеду? Немного здорового скептицизма?

— Как ты думаешь, что Пол сейчас собирается сделать? Если бы он хотел причинить мне вред, у него уже была возможность для этого.

— Он уже причинил вред всем нам, — то, как Тео говорит это, пробуждает моё горе по отцу, которое почему-то становится сильнее от того, что мы скорбим вдвоём. Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до планшета, он делает то же самое, и наши пальцы встречаются сквозь экран. — Я просто беспокоюсь о тебе. Пытаюсь тебя уберечь. Почему ты не видишь этого? Я бы хотел, чтобы ты поняла, хоть один раз.

— Тео...

Он не позволяет мне закончить.

— Ладно, Мег. Скоро увидимся.

Его изображение темнеет, и какое-то время я просто смотрю на экран, думаю, не разбила ли я его сердце.

Я живу жизнью этой Маргарет, которая, к счастью достаточно приятна. Здесь я посещаю школу, но вместо огромных, тусклых испорченных школ, которые я видела по телевизору, это группа из примерно пятьдесят детей от моего возраста до детсадовцев, и всё происходит в свободной форме. Большой экзамен оказывается по французскому, счастье, я провела примерно три недели в России, изучая Мольера. Бегло исписываю страницу абзацами про Тартюфа, я думаю, что позаимствовала тело этой Маргарет, но по меньшей

мере, я оказываю ей ответную услугу.

Я думаю о Поле. Необходимость узнать, как он, что делает, почему он здесь, обжигает меня изнутри, как факел. Когда у меня есть минутка, я проверяю, не звонил ли он. Но связь обрывается перед обедом. Мой единственный ответ — черный экран и помехи.

На ужин что-то куриное, завернутое в вакуумную упаковку, и овощи, которые явно подвергались глубокой заморозке, от чего стали немного водянистыми. Здесь, вероятно, нет ничего свежего, кроме морепродуктов, что очень мне подошло бы, но остальная моя семья, после нескольких лет на Салации, устала до тошноты от этого.

Но меня не беспокоит плохая еда. Мы вместе, я, Джози, мама и папа. Я принимала это как должное в своём собственном измерении, и это забрали у меня. Поэтому я больше не сделаю такой ошибки. Сейчас я очень хорошо понимаю, что каждая секунда, проведённая с отцом, может быть последней.

— Мы получили только половину данных, когда оборвалась связь, — говорит мама отцу, наливая себе чай. — И прогноз становится только хуже.

— Качает как маятник, — говорит папа радостно.

— Поэтому ты здесь главный, — говорит Джози, покачивая головой. — Ты единственный чудак, который любит шгормы.

Он улыбается с искренней гордостью.

— Что касается чудачества, я виновен.

Теперь, когда он об этом сказал, я замечаю, что пол немного качается. Я понимаю, что Салация была построена с некоторым количеством свободы, чтобы иметь возможность компенсировать движение воды во время приливов и силу течений, а не быть их заложником. В обычной ситуации у меня случился бы приступ морской болезни, но эта Маргарет поборола её много лет назад.

— Ты сегодня ужасно тихая, — говорит мне мама. — Ты уверена, что всё хорошо? Ты весь день сама не своя.

Она прикладывает тыльную сторону руки к моему лбу, проверяя нет ли у меня жара, как будто мне всё ещё пять лет.

— Просто думаю, вот и всё, — я скучаю по моей настоящей маме, которая осталась дома. К горлу подкатывает ком, но я умудряюсь сохранить самообладание. Я не хочу портить вечер.

После еды Джози спрашивает меня, не хочу ли я посмотреть с ней соревнование серферов. Я думаю, что сложно поверить в то, что меня серфинг больше интересует в этом измерении, чем дома, но любое отвлечение — это хорошо. Поэтому я сажусь рядом с ней на диван, пока папа моет посуду. Но когда он начинает напевать, мне снова приходится бороться со слезами.

Джози хмурится на меня.

— Мама права. Ты сегодня странная.

— Ха-ха, — я откидываю волосы назад, стараясь казаться непринужденной. Потом я вспоминаю футболку, надетую на Тео: The Gears.

Мой мозг работает быстро, сравнивая знания, полученные в разных измерениях.

The Beatles никогда здесь не существовали. В The Gears играли Пол МакКартни и Джордж Харрисон, но не Джон Леннон. Но Джон Леннон написал In My Life для The Beatles. Этой песни нет в этом измерении.

Поэтому, как папа может напевать её?

Я вспоминаю то, что мне сказал Пол в Сан-Франциско. Он нашел измерение, которое шпионит за нашим, и узнал, что замышляет Конли. Однако он не отправился со мной обратно, потому что узнал что-то ещё, что-то важное. Что-то, что он не мог мне сказать, потому что для меня было бы слишком ужасно, если бы он ошибся...

Когда мы перемещаемся в другое измерение, наши тела «больше не наблюдаются». Когда я покинула дом, власти ещё не вытащили папино тело из реки. Они искали его, опускали сети в воду, отправляли водолазов на глубину. Я едва могла думать об этом, потому что картины, появляющиеся перед глазами, были слишком ужасны. Ещё хуже была мысль о том, что маме придётся опознать тело, после того, как оно провело в реке несколько дней, и было больше не похоже на папу и вообще на человека.

Но что, если его не унесло течением? Что если его тело просто «больше не наблюдалось», потому что его силой утащили в другое измерение?

Что, если папа не умер? Что, если он здесь?

— Маргарет? — Джози повторяет мамин жест и щупает мой лоб. — Ты правда не в себе.

Я даже не беспокоюсь об оправдании.

— Сейчас приду.

С бьющимся сердцем, я захожу в кухню, где папа заканчивает мыть посуду. Он улыбается мне приятной, но отвлеченной улыбкой.

— Только не говори, что всё ещё хочешь есть.

— Мы можем поговорить?

— Конечно.

— Не здесь. Может быть, в коридоре.

Не смотря на очевидное замешательство, он говорит:

— Хорошо.

Никто не обращает внимания на то, что мы выходим из нашей квартирки. Мама в спальне, которую она делит с папой, Джози снова уставилась в свой компьютер. В коридорах Салации нет необходимого уединения, но большинство людей, кажется, ужинают, это значит, что мы с папой одни. Наши единственные свидетели — это рыбы, проплывающие мимо.

На папе нет Жар-птицы. Но опять же, если его похитили, кто-то доставил его сюда и бросил. Без собственной Жар-птицы папа не только не сможет добраться домой, он не получит напоминаний. Он не будет знать, кто он. Мой отец будет только отблеском внутри этой версии доктора Генри Кейн — частью его подсознания.

Эта часть будет напевать песни The Beatles.

— Всё хорошо, милая? — папа складывает руки на груди. — К чему это всё?

— Мне нужно, чтобы ты доверился мне на минуту, — мой голос начинает дрожать. — Ладно?

Теперь папа выглядит глубоко взволнованным, но кивает.

Я снимаю Жар-птицу с шеи и надеваю её на папину. Он поднимает бровь, но я не обращаю на это внимания, просто делаю движения, чтобы установить напоминание. Я опускаю её ему на грудь и понимаю, что задерживала дыхание...

— Ай... черт подери! — говорит папа, отшатнувшись назад и схватившись за Жар-птицу. Но потом он застывает. Сначала он медленно смотрит на Жар-птицу в своей руке, узнавая её, потом поднимает глаза к моему лицу.

— Маргарет? — выдыхает он. — О Боже.

Это то же лицо, те же глаза, но я вижу разницу. Я узнаю папу.

Потом я плачу и смеюсь одновременно, но это не важно, потому что папа меня обнимает, и мы вместе, и он жив.

И я понимаю, почему Пол привёл нас сюда.

Глава 25

— Милостивый Боже, — папа проводит рукой по волосам, абсолютно шокированный, как и любой, кто бы проснулся в другом измерении. — Сколько это продолжалось?

— Почти месяц. Месяц будет пятого января, через три дня.

— Месяц пропал. Нет, не пропал, я его помню, я был в сознании, но это было самое странное состояние, Маргарет. Иногда так бывает во сне, когда одновременно наблюдаешь за событиями вокруг и проживаешь их. Мне никогда не приходило в голову задуматься о том, где я, или почему.

Может быть, это нормальное состояние для большинства людей, что путешествует между измерениями.

— Сейчас ты вспомнил, — говорю я, взяв папину руку. — И у меня есть Жар птица, поэтому я могу напоминать тебе столько, сколько понадобится.

Мы уже сидим вдвоём в кафетерии. Так поздно здесь уже никого нет и освещение исходит в основном от внешних ламп и проникает через окна. В тёмных водах за ними иногда проплывают рыбы, но течение стало сильным, поскольку пришёл штормовой фронт. Даже рыбы ищут безопасное укрытие. Мама и Джози, должно быть, поняли, что у нас с папой задушевный разговор, но они, конечно, задумаются, о чём именно.

— Моя бедная дорогая София, — папа закрывает глаза, как будто от боли. — И Джозефина. Боже.

— С ними будет всё хорошо, когда ты вернешься домой, — по моему лицу расплзается широкая улыбка. Домой. Я верну папу домой.

— Я не знаю, чего мне больше хочется, задушить Пола и Тео, или поблагодарить их. Думаю, одинаково.

— Не злись, папа. Они были такими сильными, такими верными тебе и так меня защищали. Я не знала, насколько они удивительные до этого. Пол и Тео очень тебя любят, — я хочу рассказать папе о наших отношениях с Полом, но это может подождать до того, как мы вернёмся туда, где должны быть. — Тебя похитил Конли?

— Нет. Это был кто-то другой, кого я никогда не видел. Женщина... — его голос обрывается, и он качает головой. Это достаточно туманно, я боюсь. Я приехал в университет выяснить, что случилось с нашими данными, и как только я вышел из машины, она подошла ко мне. Я помню, как думал, что она возможно аспирант, или занимает административную должность на факультете. Она была слишком ухоженной для среднего выпускника. — Папа вздыхает. — В следующую секунду я осознал, что я уже в 20 лигах под морем. У меня были воспоминания всего несколько минут, и не было Жар-птицы. Поэтому я знал, что кто-то заключил меня в другое измерение, возможно, навечно. Это было... Сложно.

Выражение его лица меняется, и я не видела его таким с тех пор, как несколько лет назад умерла бабушка. Я понимаю, что воспоминания об этой беспомощности привели его к состоянию, близкому к слезам. Ненависть к Ватту Конли взрывается внутри меня, и я говорю себе, что мы разберёмся с ним, когда вернёмся домой. Сейчас у него есть власть, но вся его

власть построена на гении моей мамы и тяжелой работе моих родителей. У нас есть Пол. У нас есть Тео, и я — разрушительное оружие, у них есть я.

Против нас всех, вместе? У Конли нет шансов.

Папа говорит:

— Это как будто тебя оглушили. Или накачали наркотиками. Я был одновременно и сам собой, и недостаточно осознавал происходящее, чтобы бороться с этим. Заперт в идеальной тюрьме, — он делает глубокий вдох, и улыбается, глядя на меня. — До тех пор, пока моя храбрая девочка не пришла и не нашла меня.

Я думала, что никогда больше не буду так счастлива.

— Теперь нам остается только доставить тебя домой.

Хотя папа всё ещё улыбается, я чувствую грусть.

— Маргарет, ты уже, наверное, подсчитала, что нас двое, а у тебя только одна Жар-птица.

— Пока, — говорю я. — Ты сделал одну, сможешь сделать и другую. Когда Пол и Тео доберутся сюда, они смогут помочь.

— На создание Жар-птицы требуются месяцы... подожди. Ты сказала, что сюда едут Пол и Тео?

— Тео уже в пути. Пол, возможно, тоже, но связи так давно нет, что я не знаю.

— На пути сюда, когда приближается такой шторм? Это безумие, — вздыхает папа. — Но опять же, прыгать через измерения, преследуя мертвого человека, это тоже безумие. Я давно подозревал, что они сумасшедшие, но это подтвердило мои догадки.

— Видишь? Всё будет отлично.

Папа отводит локоны с моего лица так, как он это делал, когда я была маленькой, и играла на заднем дворе.

— Очень сложно получить материалы для изготовления Жар-птицы. В этом измерении их может быть невозможно достать.

— Невозможно? — Потом я понимаю, что он имеет в виду. Один из металлов, который используется в Жар-птице, найден только в одной долине в мире. Другие компоненты тоже редкие и ценные. Это мир, где самая большая проблема, это повышение уровня Мирового океана, люди не так свободно обращаются с полезными ископаемыми. Найти нужные материалы будет непросто.

— Если тебе придется возвращаться без меня, —

говорит он тихо. — Скажи своей матери, как сильно я её люблю. И Джози тоже. И ты должна предупредить их насчёт Триады. Если Конли смог это сделать, он способен на что угодно.

— Прекрати. Мы всё решим, ладно? Мы обязательно решим.

Папа в ответ заключает меня в объятия.

Я крепко обнимаю его, глядя в бурлящее море, и я знаю, что доставлю отца обратно домой, неважно, что для этого потребуются.

Даже если мне придётся отдать ему свою Жар-птицу. Даже если мне придётся остаться здесь навечно.

Когда мы возвращаемся в нашу квартиру, вечер становится приятным, почти, как и любой другой. Мама не допытывается, о чём мы говорили с папой, и Джози так увлечена просмотром соревнования, что я даже не уверена, заметила ли она, что нас не было. Я сворачиваюсь рядом с папой на диване, как я делала, когда была маленькой, всё ещё

блаженству от того, что он вернулся.

И всё же я прокручиваю ситуацию у себя в голове снова и снова.

«Триада похитила папу. Но зачем? Для того, чтобы манипулировать мамой? Нет, потому что тогда им пришлось бы рассказать маме, что они сделали, а не позволить ей думать, что её муж мёртв.

Тогда это рычаг воздействия на меня? Если бы мы с Тео не сорвались с места так, как мы это сделали, заставил бы Вагт Конли кого-то другого из Триады прийти ко мне и объяснить, что если я не буду путешествовать для них, не сделаю того, что они скажут, мой отец никогда не вернется домой?

Да. Так бы и произошло.

Всё это было сделано для того, чтобы добраться до меня. Все эти страдания, через которые пришлось пройти маме и Джози, боль, которую пришлось пережить нам с Тео... это всё было для того, чтобы Триада смогла контролировать меня.

Я всё ещё не могу осознать, что я центр всего этого, после того как я много лет плохо слушала через комнату как мама, папа, Тео и Пол обдумывали свою феноменальную технологию. Однако кажется, это действительно моё место. И ещё я не имею представления, как я собираюсь остановить Триаду от того, чтобы причинять боль людям, которых я люблю, или от попыток контролировать меня.

Но у меня есть способности, которые хочет Триада, а это значит, что у меня есть власть. И я намереваюсь её использовать.»

К тому времени, когда я добираюсь до кровати, я совершенно вымотана. Однако, я не настолько устала, чтобы не заметить мигающий огонек, который означает, что я получила сообщение. Я бросаюсь к нему, забыв про усталость. Связь должно быть восстановилась на несколько минут, достаточных для того, чтобы Пол смог ответить.

Сообщение действительно от Пола, но не видео, и даже не аудио. Вероятно, я должна была догадаться, что не стоит ожидать любовного послания, от парня, который выражает свои чувства действиями, а не словами. Он отправил только два слова, но это единственные слова, которые мне нужны: «Я еду».

— Надевай водонепроницаемый костюм, — кричит мне мама, пока я пытаюсь нащупать будильник на следующее утро. — Шторм немного стих, но ненадолго.

Да, даже в ужасных погодных условиях утреннее обслуживание нужно проводить. Мой водонепроницаемый костюм оказывается неоновом-оранжевой паркой и штанами, сделанными из пластика, поэтому я выгляжу супер ярко. Направляясь на кухню, я прохожу мимо папы, он рассеянно мне улыбается, не показывая признаков того, что помнит, что произошло прошлым вечером. Он снова Генри Кейн из этого мира, а мой папа всего лишь искра внутри него, наблюдает не осознавая происходящего.

Я могу его вернуть, напоминаю я себе, дотрагиваясь до Жар-птицы у себя на груди. В любое время, когда захочу, и очень скоро навсегда.

— Это называется шторм стих? — Кричу я Джози, когда мы выходим на платформу.

— Да ладно, ты видела и похуже! — смеётся Джози.

«Правда, видела?» Потому что это погода настоящий ад. Порывы ветра, усиленные солью и морем, бьются о меня. Мой мешковатый костюм хлопает и развеивается по краям, а капюшон почти сразу же слетает с головы. Немного влажные волосы ещё никому не причиняли вреда, но от ветра и воды они стали холодными, несмотря на то, что здесь середина лета. Над головой низкое небо, серое от облаков, имеющих особенную ребристую

текстуру, которая должно быть, означает неприятности.

Поэтому я стремительно произвожу осмотр, вдвойне радуясь страховке. Через несколько минут я уже внизу и направляюсь к двери, когда я слышу, как Джози кричит:

— У нас гости!

Я смотрю в ее направлении и вижу вертолет, приближающийся к нам.

Джози присоединяется к горстке людей, готовящих вертолетную площадку. Я этого не делаю. Здесь я предпочитаю отлынить, потому что этим людям нужна помощь, а не чтобы я всё испортила. Но я наблюдаю, как остальные готовятся прицепить вертолет к площадке, как только он приземлится.

Лопасты ещё больше колышут воздух, и я стою, жмурясь от дождя. Вокруг нас океан потемнел и стал стального цвета. Как только вертолёт приземляется, люди начинают действовать, прикрепляя кабели ещё до того, как лопасти перестали вращаться. Я подхожу к двери пилота, чтобы помочь ему выйти. Когда я открываю дверку, пилот поднимает вверх руки и говорит:

— Не вините меня, хорошо? Этот парень настаивал, что заплатит мне тройную цену. Лучше ему так и сделать.

— Я готов, приятель. Расслабься, — Тео перегибается через него и улыбается мне.

— Знаешь, нам нужно прекратить встречаться таким образом.

Десять минут спустя, несмотря на то что мой живот громко требует завтрака, я всё ещё на посадочной площадке с Тео, рассказывая всё, что я узнала. Тео, между тем, всё ещё спорит.

— Ты много напридумывала. Любой бы сделал тоже самое на твоём месте. Это был самый сумасшедший месяц в твоей жизни, — говорит он, когда мы садимся на одну из низких пластиковых скамеек, которые тянутся между шкапами с оборудованием. — Я знаю, потому что это был самый сумасшедший месяц и в моей жизни тоже, и насколько бы сильно я не любил Генри, он не был моим отцом.

— Люблю, — я не могу перестать улыбаться. — Люблю в настоящем времени. Папа здесь.

Тео вздыхает в полотенце, которым вытирает своё влажное лицо и волосы.

— Ты не видишь, что всё, что тебе сказал Пол, это именно то, что ты хочешь слышать?

Я наклоняю голову, изучая его.

— Я до этого не понимала, насколько ты циничен.

Он хотел со мной поспорить, но в этот момент входит мой отец, пригвоздив Тео к месту своим самым жестким взглядом. — Я слышал, к нам прибились сбежавшие от шторма, — говорит папа. — Но меня больше всего интересует, откуда один из них знает мою дочь.

— Извини, — говорю я, поднимаясь на ноги, и надеваю Жар-птицу на его шею. Несколько щелчков, напоминание, папа ругается от боли и...

— Тео! — папа громко смеется, потом сразу же дотрагивается до цепочки от Жар-птицы, которая виднеется под комбинезоном Тео. — Боже, Тео. Я собираюсь убить тебя за то, что ты затащил с собой Маргарет. О чём ты думал? Но сначала, иди сюда, сынок.

Когда папа обхватывает его руками, глаза Тео становятся огромными.

— Чёрт побери, -

бормочет он. — Ух ты. Ух ты.

— Я же тебе говорила, — я не могу ничего с собой поделаться и смеюсь.

Тео обнимает папу в ответ, крепко и яростно.

— Генри. Я рад, что с тобой всё в порядке. Ты не представляешь, насколько.

Папа один раз хлопает его по плечу, я думаю, они оба считают, что объятия — это очень мужественно.

— Я действительно так думаю. У тебя серьёзные неприятности из-за того, что ты втянул в это Маргарет. Но, похоже, что моя дочь гораздо смелее, чем я когда-либо думал.

Я хочу поспорить, что Тео не втягивал меня в это, а, учитывая, что теперь я понимаю, какими были настоящие планы Триады, и знаю о своих способностях, то я оказалась бы в этом раньше или позже. Но всё по порядку.

— Теперь всё, что нужно сделать, это придумать, как собрать ещё одну Жар-птицу. Ты восстановил остальные, поэтому ты должен суметь сделать ещё одну с нуля, так, Тео?

— Вероятно. Может быть. Ух. Мне надо подумать, — выражение лица Тео совершенно ошеломленное, как будто он попал под грузовик. Я не могу его винить. — Пройдёт ещё много времени, прежде чем я смогу сказать что-то, более адекватное, чем «ух ты».

— Приди в себя. Восстанови дыхание, — папа прищурившись разглядывает двойное окно в двери на посадочную площадку. — Похоже, что шторм сделал приличный перерыв. Мы получили сообщения о других беженцах с кораблей, похоже, мы сможем принять их. Кто знает? Может быть, один из них — Пол. Было бы здорово снова всем оказаться вместе.

Он мягко улыбается, и я понимаю, что счастье в папином сердце — это отражение моего.

Когда папа возвращается к управлению станцией, мы с Тео снова остаёмся одни. Я не могу удержаться:

— Я же тебе говорила.

— Ты говорила. Ты действительно мне говорила. Но мне нужно было увидеть самому, — он медленно трясет головой. — Я не могу поверить, что Пол догадался до всего этого.

— Я тоже. Когда мы вернёмся домой, нам придётся начинать всё сначала с Тριάдой, — потом я думаю о том, насколько беспринципен Конли, какому риску я прошу подвергнуться Тео. — Я знаю, что это опасно. Я не хочу, чтобы ты пострадал. Ты не должен...

— Ты беспокоишься обо мне? — голос Тео прерывается на последнем слове. — Ты только что узнала, что они охотятся за тобой в нескольких измерениях, и ты пытаешься опекать меня.

«Мы все заботимся друг о друге», — хочу сказать я, но Тео уже поднялся на ноги и заключил меня в объятия.

— Прекрати это, ладно? — говорит он, крепко меня сжимая. — Это о тебе нужно заботиться. Не трать время на беспокойство обо мне.

Он отпускает меня и смущенно улыбается, что я вижу у него практически в первый раз. Прежде, чем я могу что-то сказать, кто-то входит в комнату. Я не помню этого парня, даже если я видела его вчера, но его комбинезон очень похож на комбинезон моего отца, и он ведёт себя так, как будто у него есть власть.

— Мисс Кейн, нам нужно, чтобы вы совершили погружение. Кому-то нужно спуститься и подобрать упавшую лебедку.

Мама говорила об этом утром: лебедка упала с одного из высоких кранов вчера вечером, не выдержав ветра. Теперь она на дне океана, на не совсем-ужасно-глубокой впадине, которую занимает Салация, но сильные течения, усугубленные штормом, могут сдвинуть её на более глубокую впадину неподалеку.

«Что именно я должна сделать? Погружение? Что это значит?»

Потом мои глаза расширяются, когда я понимаю, что погружение осуществляют на подводном судне. На субмарине.

«Я погружусь на субмарине?»

— Это двухместное судно, — говорит мужчина Тео. — Ваша биография говорит о том, что у вас тоже есть лицензия на управление. Хотите отправиться с ней? Принести пользу, раз уж вы здесь?

— Ага, — медленно говорит Тео. — Конечно. Да. Я очень хорошо... хм... управляю субмариной.

Мужчина недоуменно смотрит на нас, но говорит только:

— Причал четыре.

Потом он уходит, и тогда Тео поворачивается ко мне и губами произносит: «Вот дерьмо».

— Предполагается, что мы поведём субмарину? Нет. Ни за что.

— Я на самом деле тренировался на симуляторе по пути сюда. У Тео из этого измерения они стояли в очереди на компьютере....

— Тео, нет.

Он сморит на меня своим лучшим щенячьим взглядом — и поверьте мне, у него действительно хорошо получается, но наконец он говорит:

— Ты скучная.

— Мы не можем.

— Тогда что нам делать?

Я провожу рукой по своим влажным волосам.

— Мы... мы пойдём на причал четыре, и... — И что? Скажем, что с лодкой что-то не так? Они поймут это и обнаружат, что мы лжём. — Там мы позвоним моему отцу, и он пришлёт кого-нибудь другого.

Мы достаточно легко находим причал четыре. Субмарина оказывается не одной из огромных атомных субмарин, она маленькая и перегибистая, с яркими белыми стенками и гладким сенсорным экраном как у iPhone. За изогнутым прозрачным стеклом лежит бесконечная темно-синяя глубина.

— Ты только посмотри, — говорит Тео, изучая пульт управления. — Это прямо как симулятор. Я имею в виду, в точности.

— Тео...

Он пожимает плечами, но его лицо светится как у озорного мальчишки, как это часто у него бывает.

— Я играл в неё несколько часов по дороге сюда. Это лучше, чем любая игра, — Тео постукивает пальцами по спинке одного из сидений. — Не часто приходится играть в игры по-настоящему...

— Нет. Не-а. Ни за что.

— Ну же! Я знаю, что делаю!

— Потому что ты играл на симуляторе?

— Потому что я прошёл семь часов тренировок и потому что нам нужно проплыть всего полмили и вернуться. И потому что это будет совершенно, законно, по-настоящему потрясающе. В глубине души ты знаешь, что я говорю правду.

По-настоящему потрясающе, однако опасно, это не причина плыть на субмарине. Но

что-то скрывается под энтузиазмом Тео, тоска, показывающая боль внутри.

Он столько для меня сделал во время этого путешествия. Рисковал жизнью, чтобы помочь моему отцу. И взамен он просит несколько минут радости. Это не так уж и много, правда?

— Если в любой момент ты начнёшь сомневаться в своих действиях, мы сразу же поворачиваем обратно, — говорю я своим самым строгим тоном. Но не могу удержаться от улыбки, когда Тео начинает отстукивать радостный ритм по спинке сидения.

Поэтому пять минут спустя мы готовы к отправлению, и, я должна признать, действительно кажется, что он знает, как управлять этой штукой.

— Сейчас отпущу зажимы, — говорит он. — Готова?

Я киваю. Он переключает тумблер, который отцепляет субмарину от Салации. На секунду мы свободно дрейфуем, и потому он включает двигатели на низкие обороты, достаточно для того, чтобы вывести нас из подводного дока.

Передняя часть субмарины изготовлена из особо прочного стекла, что значит, что у нас прекрасный панорамный вид на океан. Прямо сейчас это белый песок, несколько кораллов растут то тут, то там на скалах и бесконечная синева. Мы с Тео сидим бок о бок в рубке, хотя водонепроницаемые двери позади нас не закрыты, как он объяснил, потому что никто не собирается нырять и нам не придётся задраивать их.

Это хорошо, потому что в противном случае обстановка была бы слишком интимной. В субмарине нет свободного места, поэтому мы с Тео сидим, соприкасаясь ногами. Я надела только майку и леггинсы под водонепроницаемый костюм сегодня утром, поэтому на мне больше ничего нет. На Тео обычная белая футболка, всё ещё немного влажная от дождя. Он не настолько крупный, как Пол, поэтому я иногда забываю, что он достаточно накачан. Сейчас это невозможно забыть.

Он говорит только:

— И как мы должны найти эту лебедку?

— Включи радар, — руки Тео уверенно скользят по панели, как будто он сто лет этим занимался.

Радар загорается зеленым, и я прищуриваюсь, глядя на экран, пытаюсь понять, где там камни, и что может быть похоже на оборудование, которое мы ищем.

— Здесь, как думаешь?

Я указываю на очертания, которые заметила на радаре. Тео делает то же самое. Наши руки соприкасаются, и я не думаю, что это было случайно.

— Ага, — говорит Тео. Он не смотрит на меня, его профиль вырисовывается на фоне синевы. — Стоит посмотреть.

Он направляет субмарину вперёд, и мы двигаемся со средней скоростью. Мы пробираемся в темноте, и наши фонари освещают воду вокруг. Я продолжаю бросать взгляды на Тео, которому, кажется, не хватает слов. Собирается ли он извиняться за то, что сомневался в Поле? Или он снова попытается меня поцеловать?

— Ты, наверное... — мои слова прерываются, потому что я не знаю, что сказать. — Приятно знать, что Пол всё время был невиновен. Так?

— Ага. Конечно, — Тео открывает рот, чтобы сказать ещё что-то, но закрывает его. Выглядит так, словно это его мучает сильнее, чем я когда-либо могла подумать.

Именно в эту секунду в коммуникаторе раздаётся голос папы:

— Какого чёрта вы двое делаете на субмарине?

— Мы прекрасно справляемся, — настаивает Тео. — И нам весело. Признай, что ты ревнуешь.

— Я беспокоюсь. И да, ревную, но всего на пятнадцать процентов и обеспокоен на восемьдесят пять процентов. Как у вас дела?

— Пока отлично, — говорю я, бросая взгляд на динамик в крыше. — Мы думаем, что заметили лебедку.

— Превосходно. Тогда моё беспокойство снижается до пятидесяти процентов. Слушайте, мы только что получили сигнал судна, которое везёт беглецов. Я подумал, что смогу вас соединить, — я слышу улыбку в его голосе. -

Поговорим потом.

После того как мы несколько секунд слышим помехи, и звонок заменён на новый, я слышу, как глубокий голос говорит:

— Маргарет?

Передо мной словно взрывается фейерверк:

— Пол. Ты добрался.

— Почти. Я должен пришвартоваться в течение десяти минут.

— И ты говорил с папой?

— Да. Слава Богу, он был здесь. Из документов Триады я понял, что так и будет, но не был уверен до тех пор, пока мы не поговорили.

— Теперь мы соберём ещё одну Жар-птицу и отправимся домой, — я улыбаюсь приёмнику, как будто вижу Пола, но всё моё счастье не может ослепить меня настолько, чтобы я забыла, что мы не одни. — Тео тоже здесь.

— Привет, братишка, — говорит Тео, выражение его лица печально. — Похоже, ты всё время был на шаг впереди нас.

— Я должен был рассказать тебе всё с самого начала, — невозможно не представлять себе лицо Пола, когда он говорит это, грустное и раскисающееся. — Я не знал, что они сделают с Генри, иначе я бы рассказал.

— Всё нормально, — потом Тео смотрит на блестящую океанскую поверхность над нами, и добавляет: — Это не специально.

Я всё ещё не могу поверить, что Пол добрался сюда.

— Где ты был? — спрашиваю я. — Ты сразу всё вспомнил, или тебе потребовалось напоминание?

— Я выехал в твоём направлении, как только прибыл сюда. Мне больше не нужны напоминания, -

говорит Пол.

— Не нужны? — я хмурюсь, рядом со мной Тео выпрямляется.

— В последнем измерении, в котором мы были, Триада разработала способ для своих шпионов, который позволяет оставаться в сознании в течение всего путешествия. Это лекарство, которое наносит вред, и его иногда сложно достать, поэтому это не постоянное решение, но оно работает в маленьких дозах, — говорит Пол. — Его можно сделать из обычных химикатов, которые легко можно найти почти в любом измерении, в которое ты отправляешься. Они называют его «Ночной Вор». Это жидкость для инъекций, ярко-зеленого цвета...

Пол продолжает говорить. Я не слышу ни слова.

Я медленно смотрю на Тео, который смотрит прямо на меня. Он ничего не говорит, он

знает, что я знаю.

«Ночной вор». Зелёная жидкость, которой Тео делал инъекцию в Лондоне. Это одно и то же.

Тео бы никогда...

Нет. Мой Тео бы не стал.

Но это не мой Тео.

Глава 26

— «Ночной Вор» вызывает галлюцинации, сильную боль, но он даёт контроль на несколько дней над сознанием. Я знал, что он мне понадобится, чтобы добраться к тебе, — Пол продолжает говорить в микрофон, не зная, что мы слышим, но не слушаем.

Я смотрю на Тео, он равнодушно встречает мой взгляд, а в его лице я вижу стыд, но ещё и облегчение. Как будто он думает: "Наконец-то она узнала».

Всё во мне отрицает это. Тео бы так не сделал. Он бы никогда не стал шпионить для Триады, не причинил бы боль моей семье. Он никогда бы не причинил боль мне.

Мой Тео действительно бы так не сделал. Но это не мой Тео, и он не был им уже долгое время.

Ещё раньше, чем началось это путешествие...

Я кричу, несмотря на то что Тео нависает надо мной:

— Пол, это Тео! Тео шпион!

Но Тео выключает локтем коммуникатор и толкает меня к стене. Я пытаюсь скинуть его, но субмарина такая маленькая, что я оказываюсь под ним, без возможности приготовиться и получить преимущество.

— Послушай, только послушай? Ладно? — он пытается обездвигить меня, его руки прижимают мои к полу. Его карие глаза умоляют меня, несмотря на то, что его вес удерживает меня на месте. — Пожалуйста. Я не хочу причинить тебе боль.

— Это всё время был ты. Поэтому у тебя были Жар-птицы. — Конечно, он не сохранил остальные и не «починил» их, это другой Тео из измерения, где Триада на шаг впереди нас, он мог использовать материалы и создать заново свою более совершенную технологию. — Ты копался в папиной машине и подставил Пола.

— Виновен, Мег.

Я шиплю ему в лицо.

— Перестань меня так называть!

Тео скидывает меня с сиденья, и мы падаем на пол субмарины. Я чувствую, что субмарина наклоняется вперёд, мы упадем носом в песок, но я не могу сбросить его с себя. Его колени прижимают мои ноги, его руки держат мои на металлическом полу.

— Ты будешь драться со мной или послушаешь? — Он резко вдыхает, как будто это он расстроен. — Я могу объяснить.

— Чёрта с два ты можешь.

Тео сильнее прижимает меня. Его лицо прямо над моим.

— Я пришёл в ваше измерение три месяца назад. Мы знали, что твои родители были на пороге прорыва, насколько мы знаем, ваше измерение единственное, которое может отдалённо сравниться с нашим и изобрести технологию. Это значило, что нам нужно создать стратегический альянс.

Как раз три месяца назад он начал принимать наркотики, пропадал на несколько часов, начал звать меня, Мег, начал вести себя по-другому во всех аспектах. Как я могла этого не заметить? Хотя я пыталась извернуться под ним, я едва ли могла сдвинуться.

— Так ты представляешь дружбу?

— В каждом альянсе есть лидер. — Выражение лица Тео больше грустное, чем злое. — Как и в каждой войне есть генерал.

— Война? Ты себя хотя бы слышишь? Два измерения не могут воевать друг с другом! Это безумие.

— Давным-давно люди думали, что изобретение самолета делает войну невозможной. Знаешь, как можно перебрасывать силы в тайне, когда люди могут смотреть на землю с воздуха? Но потом кто-то придумал загрузить бомбы в самолеты и все изменилось. Каждую технологию, которую изобретает человечество, люди начинают использовать друг против друга. Это только вопрос времени. Если мы не начнём битву, то это сделает другое измерение и всё обернётся ещё хуже.

Я вспоминаю речь Конли во вселенной Лондона, о том, как оружие развивается с нами вместе. На какой-то момент я замираю. Я не меньше злюсь на Тео, но мысль о том, что кто-то может наблюдать, ждать и выбирать время для удара...

Тео кивает с внезапной надеждой.

— Теперь понимаешь, так? Нам нужно работать вместе. Нам нужно получить власть прежде, чем её получит кто-то другой.

— Вам никто не угрожает, — у меня болят запястья, он сжимает их сильнее наручников. — Это вы начали атаковать. Не притворяйтесь, что это не так.

Он продолжает говорить, как будто я ничего не произнесла.

— Когда я пришёл к вам, я должен был немного замедлить твоих родителей, просто чтобы мы были немного больше впереди, но для этого было уже слишком поздно. Я мог только создать путешественника. Идеального путешественника. Ты использовала один шанс на измерение, ты знаешь. Конли — наш путешественник. Для вашего измерения из всего мира, он выбрал тебя.

— Ух ты. Я чувствую себя по-настоящему особенной, — плюнула я ему в лицо. В буквальном смысле — наши лица были настолько близко. Субмарина уже покачивается, неуправляемая, и белый песок проглядывает через окно. — То есть ты позволил ему похитить папу?

— Пол всё портил. Они забрали Генри, и я, ты знаешь, направил его машину в реку, повредил тормоза, чтобы она перелетела через ограждение. Если бы машина попала в воду, вы бы рассчитывали найти тело сразу же. Это просто давало Триаде время.

Конечно. Тео всегда работал с машинами. Почему я не поняла, что это он перерезал тормозные тросики?

— Ты позволил мне думать, что папа мёртв. Мама всё ещё так думает, и Джози тоже. Ты хотя бы спросил себя, что ты делаешь с нами?

— Ладно, ладно, послушай меня, хорошо? Ты понимаешь, какую власть это тебе даст? Это огромные возможности, если ты ими воспользуешься. — Тео качает головой, в его глазах настоящие слёзы. — Я ненавижу тебе лгать. Всем вам. Мои чувства к тебе, это не только чувства твоего Тео, понимаешь? Похоже, что у меня не было шанса быть с тобой в нашем измерении, и когда я понял, что у меня может быть вторая попытка, я не собирался потратить её впустую. Но я не воспользовался ситуацией. Помнишь, в Лондоне? Я

притормозил. Я хотел, чтобы ты приняла своё собственное решение. Я сказал, когда мы оба будем сами собой, помнишь?

— Да, ты достоин медали.

— Я клянусь богом, если бы я мог вытащить тебя из этой заварушки, я бы так и сделал. Но я не могу, Маргарет. Я не могу. Единственное, как я могу спасти тебя, это объяснить, как ты можешь сыграть на этом.

— Сыграть на этом? Это не игра, Тео! Ты бы убил Пола! — я уже готова расплакаться, как Тео, но мои слезы — это слезы ярости.

— Я всегда собирался выйти на чистую воду. Как ты думаешь, что бы случилось в Лаборатории Одиннадцать? Что бы тебе сказал Конли, если бы вы встретились в Воротах Дракона? Мы собирались рассказать тебе правду, всю правду, объяснить, что Генри вернется домой в целости и сохранности. Конли брал тебя на борт! Ты не понимаешь? Присоединиться к нам будет умным ходом. Будь с нами. Тогда тебе больше никогда не будет больно. Никогда. Я проведу остаток жизни, обеспечивая это, Мег. Я тебе обещаю.

— Ты имеешь в виду, что собирался шантажировать меня, держа папу в заложниках! — Я почти кричу это в лицо Тео, пытаюсь вырвать его из его иллюзий о Конли, но потом субмарина под нами дергается сильнее, и я понимаю, что через окно виден только песок. Я кричу прямо перед тем, как мы падаем.

Скрежет винтов о камень сопровождает приземление субмарины. Мы переворачиваемся снова и снова, мы с Тео перекатываемся, дюжина небольших столкновений, от каждого из которых, похоже, проливается кровь. Я умудряюсь схватиться за своё сиденье, когда субмарина перекатывается через край впадины и мы начинаем скользить в бесконечную глубину.

Тео до этого мне говорил — субмарина выдерживает глубину до 1500 футов. После этого давление сожмёт нас как пустую жестянку.

— Дерьмо, — Тео опирается на стену, потом пробирается к панели управления. Он пытается снова запустить лопасти, но ужасный скребущий звук говорит о том, что они не работают. Датчик глубины показывает 650 футов... 700... 750...

Я опускаюсь обратно на своё сиденье, пытаюсь не обращать внимание на ужасающий скрип и стук, сопровождающий нас на пути в пустоту.

— Что мы будем делать?

— Попытаемся продержаться, — трясущимися побитыми руками Тео активирует удерживающий механизм, он раскрывается, пытаюсь найти точку опоры.

Мы с Тео сидим бок о бок, не говоря ни слова, слушая стук металла по камню. Наше падение не замедляется. Именно тогда, когда мой страх грозит перерасти в панику, устройство находит выступ в скале и зацепляется за него. Мы рывком останавливаемся, потом раскачиваемся как на привязи. Сейчас мы в безопасности, но, как оба мы понимаем, устройство могло зацепиться за что-нибудь очень хрупкое. В любую секунду вес субмарины может сломать его, и мы снова полетим вниз навстречу смерти.

— Ладно, — говорит Тео, глубоко вдыхая. Он включает коммуникатор. — Салация? Салация? Это... что? Субмарина Один. Это Тео и Маргарет. Приём.

Нет ответа, даже помех. Мы слишком глубоко и система связи не работает.

Он проводит рукой по волосам.

— Итак, мы сохраняем спокойствие и придумываем...

Я, как могу, сильно ударяю Тео головой о панель.

На секунду он слишком потрясен, я царапаю его горло, прижимая его в полу так же, как он держал меня.

— Мы не партнёры, — слова пробиваются сквозь стиснутые зубы. — И никогда не будем. Скажи это Конли.

Тео сильнее меня, он меня скидывает, и я пячусь назад. Прежде, чем он может последовать за мной, я захожу за переборку и нажимаю кнопку, которая разделяет отсеки субмарины. Водонепроницаемые двери закрываются, отделяя меня от Тео, он теперь перед бесполезной панелью управления, а я в задней части с оборудованием для ныряния.

К счастью, на замке понятная надпись. Я проверяю, что он активирован.

— Маргарет? — лицо Тео появляется в тонком окне из особо прочного стекла, вмонтированном в дверь. — Какого чёрта ты делаешь?

— Выбираюсь отсюда.

Потому что ещё одна вещь с очень понятной надписью, это СПАСАТЕЛЬНАЯ КАПСУЛА.

Я легко смогу выскользнуть через маленький круглый выход, с другой стороны меня ждет маленькая темная сфера, в которой мне придется свернуться в клубок. Что насчет воздуха? Как подняться обратно на поверхность? Я предполагаю, что все должно быть хорошо автоматизировано, но мне не нравится строить предположения под водой. И всё равно, моя единственная альтернатива — это оставаться здесь. Тео придумает как пройти через перегородку рано или поздно. Вероятно, рано. Поэтому я должна уходить.

— Ты не сможешь сама подняться с такой глубины, — кричит Тео через толстое стекло. — Не надо убивать себя, пытаясь скрыться от меня, ладно? Я не собираюсь причинить тебе вред.

— Я выбираюсь отсюда и отправляюсь домой, — повторяю я, шагая ближе к двери, где он стоит. — И забираю с собой папу.

Потом я стучу рукой по стеклу и наблюдаю, как расширяются глаза Тео, когда он видит, что я держу в ладони — его Жар-птицу.

Которую я сорвала с его шеи во время нашей драки. На которую он рассчитывал, чтобы выбраться из этой передраги, и которая вернет моего отца туда, где он должен быть.

— Ну же. Не делай этого, — лицо Тео побелело. Хорошо.

— Ты думал, что это измерение подходит для того, чтобы запереть здесь папу, — говорю я, направляясь к спасательной капсуле. — Надеюсь, тебе тоже здесь понравится.

— Маргарет!

Потом я скольжу в капсулу, и слова Тео приглушаются, и наконец пропадают совсем.

Прямо сейчас я в гораздо большей опасности, чем он. Субмарина кажется неповрежденной, даже если она сейчас не может двигаться, она водонепроницаемая и герметичная. Конечно, Тео застрял там, но команда с Салации будет внизу так скоро, как сможет. Как бы ни был зол папа, когда узнает правду о Тео, он никогда не позволит никому умереть.

Я? Я отправляюсь во враждебный мир вокруг субмарины, в холодную, сокрушающую темноту.

Но если я останусь здесь, в конце концов Тео пройдет через дверь. Он заберет у меня Жар-птицу, и потом папа снова останется здесь на милость схем Ватта Конли.

Этого не будет.

Дрожа, я нажимаю желтую кнопку с надписью: «Подготовка к запуску».

Металлические диски выдвигаются по сторонам двери и окончательно меня запечатывают. Я слышу грохот на расстоянии, вероятно, Тео бросается на дверь в последней отчаянной попытке привлечь моё внимание, но я не хочу смотреть.

Здесь нет обширных окон, только узенькая прозрачная щелка, через которую я вижу, как враждебно снаружи. Рядом с нами ничего нет, ничего кроме глубины впадины. Но, это мой единственный шанс. Я делаю глубокий вдох нахожу рукой красную кнопку с надписью «Запуск» и нажимаю её.

Металл сразу же зажимается со щелчком и глухим стуком, и потом капсула падает в океан.

Поначалу я в ужасе. Я падаю! Я упаду вниз до конца — но потом включается какой-то мотор и поднимает меня вверх. Я ощущаю освобождение. Как бы ни было здесь невообразимо темно, и тесно, я свободна.

Глубина слишком большая, чтобы видеть поверхность воды. Может быть, в более солнечный день, я бы и смогла, но шторм над головой блокирует даже те толики света, которые могут сюда проникнуть. Единственное освещение — это светящаяся в темноте краска внутри капсулы, но это всего лишь несколько линий на панели. Вероятно, предполагалось, что я возьму фонарик. «В следующий раз я запомню», — думаю я, но это не смешно.

Наверняка, здесь есть какой-нибудь обогрев или одеяла, которые я не нашла. Всё, что я знаю, этот холод не может быть безопасным. Я окружена металлом и окружена водой, температура которой всего на несколько градусов выше нуля, и это значит, что здесь так холодно, что я вся дрожу. Каждую секунду я становлюсь более оцепеневшей и мои конечности теряют чувствительность.

Ещё один фактор, который я не учла — это моё измождение. Мы с Тео по очереди выбивали друг из друга дерьмо, и это после того, как моё утро началось с ползанья по лестницам в водонепроницаемом костюме. Важно не засыпать, придумать как попросить о помощи, когда я окажусь на поверхности, но холод и утомление меня пересиливают. Адреналина уже не хватает, но я настраиваюсь на то, что он поможет мне продержаться достаточное количество времени.

«Ты сможешь», -

думаю, я, но это кажется отчаянным и невозможным даже для меня самой. «Держу пари, это безопасно. Ты скоро будешь на поверхности, наверняка осталось недолго».

О, Боже, сколько ещё? Сколько?

И тогда, яркий как на рассвете, свет прорывается под воду и струится через единственное узкое окошко, которое у меня есть.

Фары купают меня в своем свете, такие яркие, что мне приходится отвернуться и зажмуриться. Когда они подходят ближе, то, что находится за ними обретает форму — это субмарина, но она не с Салации.

Значит, что там может быть только один человек.

Мой затуманенный взгляд на окружающий мир скользит по форме белого живота субмарины, когда она опускается на спасательную капсулу, похоже, как будто я смотрю в небо. Отверстие в форме полумесяца надо мной похоже на луну цвета ночи. Капсула заходит в отверстие, и попадает в отсек для ныряния в субмарине. Дверь снова закрывается и воду начинают откачивать, уровень падает секунда за секундой, и капсула оседает на пол отсека.

Мне так тяжело. Я так устала. Но я умудряюсь оставаться в сознании, даже по большей

части оставаться спокойной, несмотря на головокружение и тошноту, которые я считаю возможными признаками декомпрессионной болезни.

Вода стекает со спасательной капсулы, на полу остаются только лужицы. Со своего места я вижу, что индикатор давления на стене светится красным, всё ещё красным и, потом зеленым.

Я нажимаю зелёную кнопку, на которой написано разблокировка двери, и металл снова открывается, и я могу выбраться через дверь капсулы. Я плюхаюсь на влажный металлический пол как пойманная рыба, обессиленная и дрожащая. Когда я делаю глубокий вдох, то слышу, как двери рядом со мной раздвигаются. Я оборачиваюсь и вижу Пола, бегущего ко мне, у него в руках что-то серебристое.

— Маргарет, — шепчет он, надевая дыхательную маску на мои нос и рот. — Ты в безопасности, понимаешь? Ты в безопасности. Просто вдыхай и выдыхай так глубоко, как можешь.

Я могу только кивать и дышать.

Через два вдоха мне становится немного лучше. Так сказать, я чувствую себя дерьмово, но уже не в предобморочном состоянии.

— Что это такое?

— Не разговаривай, — говорит Пол, разворачивая блестящее термоодеяло и укутывая меня в него, подтыкая его вокруг моих плеч и ног. — Ты вдыхаешь специальный газ, разработанный для борьбы с декомпрессионной болезнью. Очень технологичный. Изобретенный гениальным океанографистом доктором Софией Коваленко.

Конечно мама будет таким же гением в океанографии, как она была в физике. Конечно. Я улыбаюсь под маской.

Пол сидит на влажном полу рядом со мной, достаточно близко для того, чтобы поднять мою голову и положить её себе на колено. Его руки меня согревают, растирают мои замёрзшие конечности, даже когда он наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Я не знал, ты ли это, — шепчет он. — В капсуле мог быть Тео... и я думал, если он оставил тебя внизу, если он бросил тебя...

— Нет, это его бросили, — я смотрю на него, насколько я могу это сделать с маской на лице. — Я забрала Жар-птицу Тео. Это значит, что папа может отправиться домой.

— Боже мой, — потом Пол наклоняется надо мной, качает меня на руках, как будто ограждает меня от остального мира. Я закрываю глаза, и несмотря ни на что, я думаю, что никогда не чувствовала себя так спокойно.

Мы поднимаемся сквозь воду, пока она снова не становится голубой, и в дыхательной маске больше нет необходимости. Пол перестает приглядывать за мной только для того, чтобы пришвартовать свою субмарину, это модель большего размера, способная проходить большие расстояния, такие могут быть только на самых больших научных судах.

— Нам нужно отправляться домой, — шепчу я. Несколько минут назад я была измождена и в ужасе, а сейчас мне тепло и безопасно в объятиях Пола. Я почти засыпаю у него на коленях, положив голову на его сильную грудь. Его мышцы напрягаются, когда он переключает рычаги. Мне нравится, что он пилотирует субмарину, не отпуская меня. — Мы выиграла.

— Битву. Не войну.

— Я знаю, что Триада будет снова меня преследовать. Я это понимаю. И они думают, что могут мной манипулировать, — я уязвима для них, пока есть люди, которых я люблю,

это будет так. Но уязвима — это не то же самое, что беспомощна. — Они узнают, что не стоит этого делать.

Пол улыбается.

— Когда они начали охоту за тобой, то не понимали, во что ввязались.

Он снова внимательно наблюдает за приборами, и мы причаливаем. Вокруг нас смыкаются зажимы с твердым металлическим стуком, и я слышу свистящий звук воздушного замка станции, сливающийся с нашим. Пол просовывает руку под мои колени и встает, держа меня на руках, неся меня к люку.

Когда дверь со свистом открывается, с другой стороны стоит Джози, проверяя пришедших. Она замирает, увидев меня.

— Маргарет?

— Мы разбились, — говорю я. — Тео всё ещё там. Я выплыла первой, через несколько сотен футов, меня подобрал Пол.

— Чёрт побери. Ты разбила субмарину? — Джози уперла руки в бока. — И сколько именно парней сегодня появятся, чтобы навестить тебя?

— Я думаю, она немного не в себе, — говорит Пол Джози, аккуратно ставя меня на ноги. — В любом случае, ей нужно выпить чего-нибудь теплого и хорошенько отдохнуть. И я знаю, что Маргарет хочет видеть отца.

Я говорю:

— Знаешь, я тебя слышу, — но Пол, возможно, не ошибается насчет того, что я не в себе. Я истощена физически и эмоционально, если говорить об этом. Сейчас я хочу только опять свернуться объятиях Пола.

Я беру руку Джози и позволяю ей помочь мне перешагнуть ступеньку. Она ведет меня к одной из скамеек и говорит:

— Ты не идёшь?

— Нет, — отвечает Пол.

— Пол? — я смотрю на него. Он стоит в своей субмарине, его футболка и брюки местами промокли, на его шее висит Жар-птица. Он смотрит на меня так, словно впитывает меня, пытаюсь запечатлеть в памяти. — Что ты делаешь?

— Сейчас сильный шторм, Тео в сломанной субмарине на краю впадины. Я не могу его там оставить.

Джози поворачивается ко мне:

— Погоди, что? Вы разбились во впадине?

Я не обращаю на это внимания.

— Это опасно для него, это опасно для тебя. И он это всё начал.

— Тео, который шпионил за нами, начал это, — соглашается Пол. — Но Тео из этого измерения не причинял нам вреда. Он не заслуживает смерти за чьи-то грехи. И... это Тео.

Он прав, так прав, что мне становится стыдно.

— Я не должна была его бросать там.

— Ты его там бросила? Специально? — теперь Джози вне себя.

Пол делает шаг ко мне, его серые глаза настойчивы.

— Ты сделала то, что должна сделать, чтобы спасти отца и себя. Не вини себя в ситуации, в которую ты попала не по своей вине. Но я должен спасти Тео, если смогу.

— Тебе нужно было бросить меня ещё раз, да?

— Маргарет...

Но я не могу больше разговаривать:

— Иди и возвращайся домой в целости, или, я клянусь Богом, я надеру тебе зад.

Пол прикасается к моему лицу, его большой палец на моих всё ещё влажных губах как поцелуй, и уходит в свою субмарину. Его рука нажимает кнопку на стене и дверь снова закрывается.

Когда я поворачиваюсь к Джози, она смотрит на меня так, как будто у меня выросла вторая голова. Она очень тихо говорит:

— Я хочу знать, что происходит?

— Нет.

Она выдыхает, надувая щеки в раздражении, но сразу возвращается к делам.

— Нам нужен воздушный замок. Пошли.

Несколько минут я стою у одного из окон, наблюдая как субмарина Пола растворяется в тёмных водах. Я прижимаю ладонь к холодному стеклу.

— Маргарет? — я поворачиваю голову и вижу папу, идущего ко мне, во всех чертах его лица написано беспокойство. — Джози в недоумении. Она рассказала мне что случилось, или что, как она думает, случилось, но это мне кажется бессмысленным. Ты в порядке?

Я не понимаю, помнит ли он себя сейчас или нет. Это не важно.

— Я в порядке, — я выуживаю другую Жар-птицу и кладу в его руку. — Мы отправляемся домой.

Глава 27

Я открываю глаза.

На этот раз нет чувства, что я прилагаю усилия, нет дезориентации. Вместо этого я как будто задремала на секунду, потом мягко проснулась. Я медленно осматриваюсь. Уже спустилась ночь, но не очень давно, восточный край неба всё ещё бледно-голубой, немного оттенённый розовым на горизонте. Я сижу на ступеньках террасы, одетая в своё кружевное платье и кардиган отца поверх, обе руки вцепились в Жар-птицу вокруг моей шеи. Другими словами, я в том же положении, как и когда ушла месяц назад.

— Я дома, — шепчу я. — Я дома.

Я быстро забираюсь по ступенькам подхожу к раздвижным стеклянным дверям. Как обычно, мама их не заперла, и я бегу внутрь. Я вижу свой собственный дом, это наполняет меня почти глупым счастьем.

Стопки бумаги! Физические формулы на стенах! Мамины цветы в горшках знак! Даже радужный стол...

... и мама, сидящая на диване.

Она вскрикивает:

— Маргарет!

— Мама! — я бегу к ней, но она встречает меня на полпути. Её руки обнимают меня так крепко, что я понимаю, как сильно я испугала её в прошедшие несколько недель. — Прости меня мама, но я это сделала. Мы это сделали.

— Ты в безопасности? С тобой всё хорошо? — слёзы катятся по лицу мамы, и она отводит волосы с моего лица. — Но ты ничего не сделала Полу, да? Мы расшифровали его записку несколько часов спустя после того, как получили твою...

— Боже, ты вернулась! — Джози выбегает из кухни и роняет меня на диван. — Я тебя убью за то, что ты нас так напугала. Но сначала я скажу, что люблю тебя, сумасшедшая

девчонка.

— Я тоже тебя люблю, — говорю я и крепко её обнимаю. — Но мы о стольком должны поговорить.

— Триада, — говорит мама и её улыбка немного меркнет. — Мы знаем. Это сейчас не важно, милая, пока ты дома и в безопасности.

— Вы знаете? Но откуда... — мой голос обрывается, когда из коридора выходит третий человек.

Тео.

Он пытается мне улыбнуться, но у него не совсем получается.

— Добро пожаловать обратно.

Сначала я чувствую только панику. Он пошёл за мной сюда, каким-то образом выбрался из субмарины и отправился сюда, потом я понимаю, что это значит на самом деле. Парень, стоящий передо мной в своей футболке Mumford & Sons и брюках-карго — это мой Тео, тот, место которого занял шпион из Триады. Этот Тео никогда бы не причинил вред никому из моей семьи.

Я это знаю. Я в это верю. И всё равно принять это сложно.

— Похоже, ты знаешь правду. Я вижу это по твоему лицу, — строит гримасу Тео. — Ты раньше никогда меня не боялась.

Я быстро говорю:

— Я не боюсь. Просто... мне ко многому нужно привыкнуть. И да, я знаю.

— Он причинил тебе вред? — голос Тео прерывается. — Если этот сукин сын причинил тебе вред...

— Нет, — говорю я, и это почти не ложь.

— А Пол? Пол в порядке? — я вижу, что Тео испуган за Пола так же, как и за меня, я вспоминаю, как они любят друг друга, и даже сейчас, в другом измерении Пол рискует жизнью, чтобы спасти Тео, которого он даже не знает, и Тео, который пытался его убить.

— Пол в порядке. Он скоро вернется, — говорю я. Джози выпускает вздох облегчения, и я вижу, что напряжение в плечах Тео немного спадает.

Мама вмешивается:

— Тео пришёл к нам, когда ушёл шпион из Триады. Он рассказал нам всё — но к тому времени было уже слишком поздно, тебя не было, и мы знали, что Триада могла тебя найти, а мы нет, поэтому мы не могли ничего сделать или даже сказать, не подвергнув тебя опасности. Мы работали над своей Жар-птицей, надеясь последовать за тобой, но эта работа не быстрая. Прошлый месяц был настоящим адом. — она кажется постарела больше, чем на четыре недели, говоря это. — Но теперь ты здесь. Ты вернулась домой.

Я вырываюсь из объятий Джози, улыбка возвращается на моё лицо.

— А сейчас нам надо идти. Всем нам, прямо в эту секунду.

— Куда? — спрашивает мама, нахмурившись.

Она не понимает. Никто не понимает. Никто из них ещё не знает самую лучшую новость.

— В Университет, — я беру маму за руку, чтобы уменьшить шок, и смотрю в их лица по очереди, потом говорю: — нам нужно забрать папу.

Несмотря на то, что случилось со мной за последние несколько часов, я одна достаточно спокойна, чтобы вести машину. Поэтому я направляю серебристый фольксваген Джози по холмистым улицам. На заднем сиденье мама и Джози попеременно плачут,

радуются и сомневаются. Они ошарашены, всё ещё боятся поверить.

Тео сидит рядом со мной, с суровым выражением лица и смотрит прямо вперед. Никто из нас не говорил ни слова с тех пор, как мы сели в машину. Я не думаю, что смогу подобрать слова.

Потом я понимаю, что мне нужно узнать в первую очередь:

— На что это похоже, когда, ну, тебя захватывают?

Всё ещё не глядя на меня, он немного расслабляется.

— Поначалу это было как будто у меня провалы в памяти. Как будто я терял сознание. Я думаю, что слишком много работал над Жар-птицей, слишком мало спал, что-то вроде этого. Не говорил это Генри и Софии, потому что они бы мне сказали побережь себя, и я мог бы всё пропустить, — Тео вздыхает. — Если бы я это сделал, может быть, кто-нибудь догадался бы, что происходит. Поэтому, всё было достаточно глупо.

— Ты не мог догадаться, — я думаю о Маргарет, которых я посещала. Тогда я думала, что делаю ответственный выбор, или что если я сделаю ошибку, то это будет ошибка, которую та Маргарет совершила бы на моём месте. Но теперь я вижу, что Тео чувствует, что над ним совершили насилие, и думаю, чувствуют ли это они.

— После того, как он начал использовать зеленую шгуку, всё изменилось. Я понимал, что происходит, но это было словно на расстоянии. Туманно. Это напоминало мне сон под наркозом у дантиста. Потом он уходил. Возвращался в своё измерение, я не знаю, чтобы отчитаться, или ещё зачем-то. К тому времени, как я приходил в себя, он уже возвращался.

Теперь я вспоминаю, что во Вселенной Триады разговаривали о интернатуре Тео, которая поглощала всё его время. На самом деле Тео путешествовал между измерениями как шпион Конли, возвращаясь только для того, чтобы обеспечить себе прикрытие.

Наконец-то Тео смотрит на меня, хотя его взгляд нерешителен.

— Когда этот сукин сын убрался окончательно, я мог вспомнить только крупные события. Что они сделали что-то ужасное с Генри, что я подставил Пола, и что они охотились за тобой. Им всё время нужна была ты, и я не мог даже предупредить тебя. Мы здесь должны были ждать, не зная, увидим ли мы тебя снова.

Как бы я не сочувствовала боли, которую слышу в его словах, я не могу позволить Тео продолжать изводить себя из-за этого.

— Я добралась обратно. Хорошо? Тебе нужно перестать волноваться о прошлом. Нужно беспокоиться о будущем, потому что Триада определённо продолжит попытки.

— Ох, я думал о Триаде. Поверь мне, я вообще много думал. У них была возможность удивить нас, и сейчас они получают несколько сюрпризов в ответ, — он улыбается, но это самая страшная улыбка, которую я когда-либо видела. Я бы не хотела сейчас быть Ваттом Конли.

Мы въезжаем в Университетский городок. Семестр ещё не начался, поэтому здесь тихо, место кажется почти заброшенным, только горстка машин стоят на парковке, и несколько одиноких иностранных студентов слоняются вокруг. С силой нажав на педаль газа, я мчусь к лаборатории и останавливаюсь на самом ближайшем парковочном месте.

Фольксваген Джози такой маленький, что мы, должно быть, выглядим как клоуны, которые высыпаются из цирковой машины. Осмотрев окрестности в темноте, я не обнаруживаю никого поблизости.

Мама выходит вперед.

Генри? — её голос дрожит, когда она зовёт его по имени снова. -

Генри?

Потом я вижу то, на что она обратила внимание — из теней выбегает фигура.

— София! -

Кричит папа и бежит прямо в мамины объятия.

Каким-то образом мы начинаем все вместе обниматься, и все плачут и смеются одновременно, мы, вероятно, выгладим как сумасшедшие, но мне совершенно наплевать.

И всё же, в глубине души, мне всё ещё страшно.

А как же Пол?

Когда мы распутываемся, чтобы снова подняться на ноги, мама целует папу, и я имею в виду не обычный поцелуй, я имею в виду поцелуй, для которого не нужны свидетели. Я всегда была рада, что мои родители любят друг друга, но я никогда не хотела наблюдать интимные подробности. Когда я поворачиваю голову, чтобы дать им немного уединения, Джози хихикает:

— Правильно, — говорит она, вытирая слезы со щёк. — Тебя со мной не было в тот раз, когда я вошла, а они делали дело. Действительно, ужас по Фрейду.

— Ты видела своих родителей в лучшем проявлении, — бормочет мама и папа целует её снова.

— Давайте, — кричит Джози. — Спарьтесь на людях. Сегодня мы даже не будем возражать. Вы заслуживаете того, чтобы нарушить несколько правил приличия.

Я не выдерживаю:

— Мне нужно идти, я должна найти Пола.

Тео медленно кивает:

— Пойдем, я тебя туда отведу.

Вместе мы бежим по темному кампусу, мимо огромных, пустых зданий, и потом к общежитиям. Они выглядят лучше, чем я думала, больше похоже на многоквартирное здание. На двери ультрасовременный замок, огромная чёрная пропускная система, при виде которой я останавливаюсь как вкопанная.

— Нужен пропуск, -

говорит Тео и вытаскивает свой пропуск студента из бумажника. Одно движение и замок щёлкает, впуская нас в здание.

Мы вместе проходим два лестничных пролета, а потом по коридору, и подходим к двери Пола. Отчаянно надеясь, я стучу и зову:

— Пол?

Ответа нет.

Поэтому мы стоим в коридоре, и нам не остается ничего, только ждать.

— Ты говоришь, что Пол в опасности, потому что он спасает моего злого близнеца? — Тео прислоняется к стене, сложив руки на груди.

— И другого тебя, океанографа из того измерения. Того, которого втянули в это против воли, так же, как и тебя.

— Братишка, — говорит Тео нежно.

— Знаешь, он никогда не оставит тебя в беде.

— Да, я знаю. Но даже меня-злодея?

Мне нужно время, чтобы правильно подобрать слова, потому что это сложно принять, возможно, даже сложнее после того, через что прошёл Тео.

— Ты-злодей это всё равно ты, — говорю я так мягко, как могу. — Он на самом деле

думал, что помогает мне. Этот парень — не чудовище. Он просто... немного другая версия.

Тео вздыхает:

— Как скажешь.

Между нами воцаряется тишина. Я продолжаю смотреть на дверь, желая, чтобы Пол внезапно появился с другой стороны и открыл её для меня. Ничего не происходит.

Шторм усиливается. Что, если Пол не смог пришвартоваться? Что, если он разбился, как мы с Тео? Может быть, они оба тонут, или их расплющило невозможным давлением...

— Скажи мне одну вещь, — говорит Тео.

Я не переставая смотрю на дверь Пола.

— Да, конечно. Какую?

— Другой Тео... он стоил мне шанса быть с тобой, да?

Пораженная, я поворачиваюсь к Тео, который неуверенно мне улыбается.

— Потому что у меня был шанс, ведь так? Хоть короткое время? Я могу поклясться, что был, — он пожимает плечами. — Потому что сейчас ты смотришь на чертову дверь Пола так, как я всегда хотел, чтобы ты смотрела на меня.

Несколько месяцев назад, если бы Тео что-то сказал, изменило бы это то, в кого я влюбилась? Я не знаю и никогда не узнаю.

Я говорю только:

— Мне жаль.

— Мне тоже. Но если мне придется позволить кому-то другому быть с тобой, пусть это будет он, — Тео кивает в сторону двери.

И в этот момент в комнате что-то двигается.

Я резко вдыхаю. Мы с Тео обмениваемся взглядами, и я кричу:

— Пол? Пол, ты там? — я быстро стучу. — Это я. Это...

Дверь открывается и мой кулак встречается с грудью Пола.

На секунду я не могу произнести ни слова. Я могу только смотреть на него, и он медленно улыбается. Я бросаюсь в его объятия. Пол неистово обнимает меня, как будто не хочет никогда отпускать.

— Вокруг счастливый конец, почти везде, — говорит Тео и делает несколько шагов назад. — Я собираюсь удалиться, ребята.

— Тео? — Пол не отпускает меня, но смотрит через моё плечо, он почти так же счастлив второму воссоединению. — Это правда ты?

— Единственный и неповторимый, — говорит Тео. — Замены не принимаются. Я понимаю, что это проще сказать, чем сделать в последнее время.

Он похож сам на себя, и я улыбаюсь.

Пол протягивает руку к Тео, который хватает её и пожимает необычным образом — это похоже на старые картины, где римляне клянутся в преданности друг другу, клянутся умереть бок о бок. Их связь слишком сильная, чтобы её могли уничтожить чувства ко мне или их соперничество.

Но Тео не может продолжать притворяться что он может спокойно наблюдать за нами в объятиях друг друга. Он отпускает Пола и делает несколько шагов назад, натянуто улыбаясь.

— Я собираюсь... я заберу прекрасную доктора Коваленко и спасенного доктора Кейн и будущего доктора Джозефину и приведу их сюда. Скоро вся банда будет в сборе.

Я шепчу:

— Спасибо, Тео.

— Вы, сумасшедшие детки, повеселитесь, — говорит он и поворачивается, чтобы уйти.

Несколько секунд мы смотрим ему вслед, потом Пол тянет меня в свою комнату и закрывает дверь.

Как только он это делает, у меня включается чувство реальности. Всё, что я знаю о Поле, всё, что я к нему чувствую, поглотила неуверенность. Любовь к лейтенанту Маркову, который лежит мертвый в соседней Вселенной.

Я не говорю ни слова, но Пол понимает. Он делает глубокий вдох и подходит немного ближе.

— Я не тот, кого ты любила. Я это знаю.

— Откуда ты знаешь, если не знаю я?

Он качает головой, не отрицая того, что я сказала, но двигаясь дальше.

— Что-то в нас должно быть одинаковым, Маргарет. Я знаю, что мы оба чувствовали одно и то же по отношению к тебе. После того, как ты его потеряла, я не ожидаю, что ты... бросишься в новые отношения, что ты сразу разберешься в своих чувствах. Но я хочу, чтобы мы поняли, относились ли твои чувства... только к нему. Чувствовала ли ты что-то ко мне.

Отчасти так и было. Так и есть. Я это знаю и всегда знала.

Пол говорит:

— Ты дашь мне шанс, Маргарет?

Я чувствую, как по моему лицу расплзается улыбка, освещая меня изнутри.

— Да, — шепчу я и беру его за руку. — О да.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Продолжение следует

Заметки

[

←1

]

прим. пер. Имеется в виду опыт Шредингера, основоположника квантовой механики

[

←2

]

indie-rock, indy направление в альтернативной рок-музыке (сложилось в 1990-е гг.)

[

←3

]

исследовательский институт в Калифорнии